АЗБУКА ВЕРЫ

Урусова Наталия Владимировна

Материнский Плач Святой Руси — Урусова Н.В.

Православная художественная литература 2017

Материнский Плач Святой Руси — Урусова Н.В.

Урусова Наталия Владимировна

Книга "Материнский Плач Святой Руси" – это живое обвинение безбожной власти, кровавым сапогом растоптавшей Матушку Великую Русь. Это воспоминания, зачастую тяжелые, благороднейшей женщины, воспитанной в лучших традициях русского дворянства – княгини Натальи Владимировны Урусовой. Она не оставила Родину в минуты великой скорби, но за верность России расплатилась сполна горем, обидами и унижением.

- 1. До революции
- 2. Отречение Николая II-го
- 3. Ярославское чудо
- 4. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна
- 5. Чудо Святителя Николая
- 6. Ярославльское восстание
- 7. Дача
- 8. Волга
- 9. Восстал «из мертвых»
- 10. Сергеев Посад
- 11. Любовь к Царю
- 12. Преподобный Серафим Саровский
- 13. Судьбы монашествующих
- 14. Митрополит Агафангел
- 15. Всероссийский Собор 1919 года
- 16. Патриарх Тихон
- 17. Муж
- 18. О. Алексей Мечёв
- 19. Владикавказ
- 20. Игумения Антонина
- 21. Голод
- 22. Нальчик
- 23. Дербент
- 24. Чеченцы
- 25. Подвиг подростка
- 26. Ейск
- 27. Бог-Судья
- 28. Женщины-палачи
- 29. Праведники
- 30. Животный страх
- 31. Св. мученик О. Владимир
- 32. Св. мученик О. Валентин
- 33. Юный страдалец Андрей
- 34. Учитель коммунизма Шетенев
- 35. Мытарство

- 36. Катакомбная Церковь
- 37. Митрополит Иосиф
- 38. Можайск
- 39. Конец

Светлой памяти Архиепископ Аверкий, духовник Праведной сестры Наталии Урусовой, благословил наше Братство Преподобного Германа Аляскинского опубликовать «Воспоминания Сестры Наталии» с надеждой, что со временем возможно будет расшифровать имена действующих лиц, скрытых от пронырливых сыщиков НКВД под не всегда точными инициалами. Увы это сделать не удалось и мы печатаем как есть. Покойная праведница сделала несколько попыток поступления в монастырь. Жизнь она вела иноческую. Не лишена она была и поэтического дара. Воспоминания ее - это замечательный документ жизни подлинных христиан под лютым игом безбожной сатанинской власти. Новое поколение россиян не имеет права не знать и не ценить какой ценой сохранилась Православная Вера на Руси! В этом сила ее писаний. В виде краткого введения помещаем несколько слов некролога Архимандрита Константина Зайцева, частично печатавшего ее поэзию, сохранившуюся полностью и нам переданную ее долголетним другом, Еленой Юрьевной Концевич, считавшей Наталию Владимировну святой.

Княгиня Наталия Владимировна Урусова

Тихо отошла на 90-м году жизни в вечность, почтенная старица, княгиня Наталия Владимировна Урусова, кончавшая свои дни, в одном из предместий Нью-Йорка, Си-Клиффе в Октябре 1963 г. Была она там окружена заботами привязавшихся к ней русских людей и была любовно окормляема прот. Митрофаном Зноско. Близких потеряла она, и провождала свою зарубежную жизнь в одиночестве, находя утешение в близости к Церкви, к Которой всей душой принадлежала. Пережито много было ею в России, где от высокого положения в обществе переведена была она событиями… в Катакомбную Церковь. Сказался в ней высокий дух, не оставлявший ее до последних дней и выражавший себя в звуках ее песен, хранимых ею в своем сердце и отразивших всю ее жизнь. Они в течение ряда последних лет то и дело появлялись на столбцах наших повременных изданий, но не под ее фамилией, а подписанные: Н. Туренина… Покойная была отпета в Си-Клиффе, после совершения многочисленных панихид, ее духовным отцом при большом стечении молящихся. Им же была привезена она в монастырь, где она должна была покоиться согласно давно ею выраженному и постоянно повторяемому желанию. С его участием отслужена была лития Владыкой Аверкием в храме, а потом предана земле усопшая, провожаемая молитвами братии, во главе с Владыкой, и тех особенно близких к ней людей, которые прибыли с ее гробом. Да упокоит Господь в селениях праведных ее душу, столь много испытавшую и так много сумевшую передать нам из своего духовного и молитвенного опыта.

Архимандрит Константин (Зайцев).

Материнский Плач Святой Руси

Автобиография княгини Наталии Владимировны Урусовой (1874–1963)

1. До революции

Как, и с чего начать не знаю. Я не обладаю литературным талантом, а хотелось бы описать свою жизнь, за время с 1917 по 1941 г. Время бесконечных скорбей и страданий, о которых, жившие в эти годы не в России, себе не могут представить в истинном свете. У меня было семь

человек детей. Старшему Сергею в момент революции было 21 г. Незадолго перед тем, он приехал домой в Ярославль, окончив высшие курсы в Пажеском корпусе, произведенным в офицеры Преображенского полка. По мнению людей, не только красивый, но высокий, стройный в военной форме, он был красавец. Очень богато одаренный музыкально, он по экзамену после домашнего обучения, был принят сразу на 5-ый курс Московской консерватории, обладал хорошим голосом и по природному таланту, прекрасно, легко и свободно писал масляными красками. Казалось все в жизни обещало ему радость сознания своего бытия и широкую возможность применения своих талантов. Второй сын Николай, на один год моложе его, будучи всего 17-ти лет, немедленно, по окончании с золотой медалью, классической гимназии, по объявлении в 1914 г. войны с Германией, получив благословение от отца и от меня, уехал добровольцем в Двинский район военных действий, и избрал на защиту родины, трудную работу санитара, в летучем отряде Красного Креста, на самых передовых позициях. Вскоре, благодаря самоотверженной работе, такту и исполнению долга, он был уже начальником отряда. В 1916-м году, ему удалось геройски спасти всех раненых отряда, от надвигающейся газовой волны. Это не было его обязанностью, но командный состав растерялся, и все стали спасать свою личную жизнь; он самолично взял на себя командование и не погиб ни один человек. Как это было сделано и как возможно, я не берусь описать, но за это святое дело, он получил рескрипт и благодарность за подписью Государя и Крест Св. Георгия. Вскоре он сдал экзамен на прапорщика и работал при зенитной батарее. Солдаты, казалось, все его любили за справедливое отношение, но вот первый пример тому, как под влиянием революционных масс, люди озверели, теряя совершенно свой внешний и внутренний образ Божий.

Когда началось сперва срывание погон, а затем жестокое издевательство над офицерами и избиение их, те самые солдаты, что служили ему, как младшие братья, схватили его и с криком «утопить его» поволокли к Двине. Он не узнавал в этих озверелых лицах, прежних своих солдат; помимо ужаса, предстоящей, страшной смерти, его поразило, что любимый его ефрейтор, казавшийся преданным другом ему, и тоже находившийся среди этой толпы, вдруг обратился к ней со словами: «Ребята! Утопить то этого негодяя не трудно, это мы и завтра успеем. Нет, его нужно сперва хорошенько допросить, а тогда и расправиться» Толпа остановилась. «Дайте его мне, я его посажу в холодную до завтра». Все послушались и стали расходиться, он грубо, как говорил мой сын, велел ему идти вперед и куда-то повел. Шли долго, он не проронил ни слова. Что переживал мой бедный Николай, себе может всякий представить. Подошли к полотну железной дороги идет товарный поезд с пустыми вагонами. Вдруг лицо ефрейтора осветилось улыбкой, и Коля узнал в нем прежнего своего товарища. Он его подвел к самому поезду, который шел на подъем очень медленно и говорит: «Прыгай Ваше благородие, спасайся» и схватив его, помог ему вскочить в вагон и уехать. Как сумел после оправдаться ефрейтор, конечно не было известно, но я верю, что Господь и его спас, за спасение моего сына, который смог благополучно добраться до семьи. О всех исторических событиях этого времени я не берусь писать, и это не цель моих воспоминаний.

2. Отречение Николая II-го

Горько оплакивали мы, отречение Государя и были на удивление у большинства, ожидающего каких-то новых, неслыханных земных благ. Помню, как в церкви, хорошо знакомый мне, средних лет священник, казавшийся всегда весьма благочестивым и духовным, читал акт об отречении. Церковь была полна, все пришли нарядные и с оживленными лицами. Начиная со священника все торжествовали, радовались и приветствовали этот приговор России, поздравляя друг друга. Я же горько плакала.

Прошел после этого один год. Встречаюсь я с этим батюшкой и он мне говорит: «Знаете, когда я читал акт об отречении Государя, то увидев Вас плачущую, я поразился и подумал: «Вот странный человек, не только не отдается общей радости, а еще заливается слезами. Теперь я

понял Вас и как заплакал бы вместе с Вами», на что я ему ответила: «Эх батюшка, снявши голову, по волосам не плачут. Теперь Вы одумались, а прошел всего один год; увидите, как будете плакать дальше.
Со дня отречения начались безобразные эксцессы в городе. Пьяные солдаты, стали хозяевами положения: они били беспорядочно во все колокола, а в Ярославле церквей было много и колоколов много. Стали являться в квартиры, требуя продуктов и безобразничая.
У меня была прекрасная картина итальянской Мадонны, купленная мной у антиквара. Была ли это копия, или оригинал я не могла еще установить, но живопись была удивительная, и я очень любила эту Мадонну. Она была так духовно хороша, что располагала к молитве, но не будучи иконой, висела в гостиной. Один из грубых солдат штыком ударил в полотно и к удовольствию своему и своих товарищей, проткнул в самую грудь изображения. Муж мой, был выбран от нашей губернии членом Всероссийского Церковного Собора и я одна с детьми переживала это ужасное время. До середины 18-го года, мои два старшие сына, были еще при мне и конечо были источником моего страха и мучений за них, но несмотря на, казалось бы неминуемый арест, они не были арестованы и смогли принять участие в защите России, в Белой Армии, и при отступлении ее спастись заграницу.
Прошло немного времени и обыски начали принимать другую форму. Руководители стали прибирать к рукам эти пьяные и разнузданные банды, и обыски с грабежами, подводить под форму законных постановлений, начавшей, по всей России, функционировать ЧЕКА. Спокойной нельзя было оставаться ни минуты. После резкого, продолжительного звонка, по которому мы уже понимали в чем дело, и кто так звонит, являлось несколько человек красноармейцев во главе с так называемым комиссаром, который не предъявляя письменного мандата, просто заявлял: «Именем закона, я должен произвести обыск». Тут они обшаривали все, переворачивая диваны и отодвигая шкапы, ища оружия и спрятанных продуктов, забирая попутно все, что прельщало их алчной потребности поживиться чужим добром.

3. Ярославское чудо

В июне 1917 г. стало известно всем жителям, что на следующий день будет избиение всей интеллигенции, причем цинизм этих, обезумевших оть злобы людей, дошел до того, что об этом по всему городу вывешены были безграмотные объявления: «Завтра днем, приказ, собраться всем в 12 ч. в доме бывшем губернаторском, для Варфоломеевской ночи, чтоб избить до последнего, всех буржуев». Перспектива была не из особенно приятных. Все, кто мог, стали спасаться на поездах, пароходах и пешком. К удивлению большевики не догадались этому препятствовать. Муж мой в этот день, был дома и объявил мне, что раз он управляющий банком, то не имеет права его бросить и должен остаться. Все служащие, до последнего бежали. Моя жизнь была вся, в моих семерых детях, дороже которых не было у меня никого, но я думала, что если убьют моего мужа; мой долг быть при нем.
Рано утром, на рассвете этого дня я проводила детей на пароход в Николо-Бабаевский монастырь за 25 верст. В то время у нас спасалась графиня Т., бежавшая со всеми детьми из Царского Села. Ей я доверила все свое счастье в жизни и благословив детей, с мыслью никогда их больше не увидеть. Уехала также вся наша прислуга, кроме одного лакея Николая, который был трогательно привязан ко мне и который несмотря, на все мои увещания и просьбы, не поехал и остался, думая, что может, как-нибудь охранить меня. У него в другой губернии была жена и дочь, но он говорил, что если нужно, то умреть, как преданный слуга. И так мы остались.
Дом банка, был во дворе, а наша двухэтажная квартира выходила на набережную Волги. В городе была зловещая тишина. День был ясный, жаркий, безоблачный. Я смотрела на синее небо, такое Божественно чистое, и мысленно прощалась с небом, с детьми и с Волгой, по которой утром увез их пароход в монастырь для спасения.

Чем ближе к 12-ти часам подходило время, тем тяжелее и тревожнее становилось на душе. Губернаторский дом был тоже на набережной в пяти минутах расстояния. Я поставила на окне гостиной образ Св. Николая, полученный мною при особых мистических обстоятельствах (о чем напишу дальше) и который неоднократно спасал меня и детей, от неминуемой, казалось смерти или несчастья. Лицом я его поставила, обращенным в ту сторону, откуда должна была двинуться толпа убийц, зажгла перед Ним лампаду. Никто из нас троих не говорил ни слова. Что можно было сказать? «Господи, спаси и помилуй». Минут за десять до двенадцати, начался безобразный трезвон во все колокола, и стали доноситься, даже не крики, а какой-то вой, обезумевших от жажды крови, людей.
Мы простились. Рев приближался и показалась толпа в несколько сот человек, но что это было, невозможно описать. Прошло 28 лет, и не могу писать, так бьется сердце, словно вновь я все переживаю.
Одетые, большею частью, в красные рубашки, с засученными рукавами и красной краской выкрашенными руками, чтоб напоминало кровь, с ружьями, топорами, ножами они бежали к нашему дому, т. к. из тех домов, что отделяли нас от губернаторского дома, все скрылись из города. С утра, муж мой запер тяжелые, чугунные ворота, но что это могло помочь!
Небо было все также прекрасно, сине и безоблачно! Один миг и ворота подавшись, навалившейся на них массы людей, раскрылись. До входной, парадной двери несколько шагов. И вот, когда первые из толпы с криком «ломай двери», коснулись их, произошло непостижимое Божье чудо; Одному Милосердному Ему возможное. Он, не дал нас этим людям. Но как! Все это, что случилось, было тоже, одним мигом!
Ударил страшнейший гром и хлынул такой ливень из мгновенно почерневшего неба, что обезумевшие сперва от звериной злобы люди, обезумели оть ужаса, и бросились в рассыпную спасаться по колена в воде. Никогда нельзя себе было представить подобного ливня, это не был обычный земной дождь, это было Чудо Божие, повторяю, явленное нам по молитве и предстательству Св. Николая.
Разбежались люди, рассеялись тучи, снова осветило мир яркое солнце, и новая картина открылась нашим глазам: по набережной текла река воды, и нигде ни звука; все опять погрузилось в тишину, но уже не зловещую а исполнившую наши, охваченные благодарностью Богу сердца, великою, непередаваемою радостью. Господи! Я не только жива, но увижу детей и буду опять с ними. Вот какую Милость Божию, мы грешные испытали и пережили. Ведь подумать только! Озверелые люди, настроенные на пролитие крови, бежали в панике от дождя. Да! Дождя, состоящего, как всегда, из небесной воды, но в этой воде был грозный для преступников и всемилостивый для нас, Дух Божий. Когда стекла вода, не медля ни минуты, пошли мы на пристань и уехали в монастырь с первым отходящим пароходом. Приехали поздно вечером. Трогательна была встреча монахов. Весь монастырь был переполнен бежавшими, но когда они узнали, кого мы ищем, то обрадовались несказанно, т. к. переживали горе моих детей, которые убивались и плакали. Нас повели в верхний этаж гостиницы, где на полу, на соломе, уже лежали мои дорогие, уставшие дети; но они не спали. Не забуду я, до смерти, крика радости, вскочивших и бросившихся к нам детей. Как старшие, так и самые маленькие, не могли оторваться и плакали, а обо мне, и говорить не приходится. Утром мы вернулись в Ярославль. О повторении Варфоломеевского избиения, не было больше речи. Жизни спокойной, понятно не было, как и все двадцать пять лет последующих; ни минуты нельзя было забыться от страха и ожидания беды, для близких и за себя.

4. Великая Княгиня Елисавета Феодоровна

В июне 1918 г. уехала Графиня Т. со всей семьей в Кисловодск. Помню, как мы долго обсуждали с ней вопрос, куда бы зашить ее бриллианты и вообще ценности, которые ей удалось сохранить во время бегства из Царского Села. Шансов на то, чтоб удалось их благополучно довезти было мало. По всем поездам шныряли грубые насильники, которые

обыскивали везде, во всех вещах и даже раздевали, чтоб найти золото и драгоценности, но не бросать же было их, и хоть с большим риском и маленькой надеждой на успех, попытаться их сохранить. Решили зашить их, спереди в нижнюю юбку. Я ей зашивала. Двадцать три года, я не знала ничего о ней и то, что пришлось услышать было ужасно, но обычно в то время. У нее было пять детей: дочь 18-ти лет (в то время, что она у меня жила), которая вскоре вышла замуж и уехала с мужем; самая старшая дочь Елисавета, была фрейлиной Императрицы, еще в начале июня уехала в Екатеринбург, с намерением пробраться к заключенной Царской Семье, чтоб послужить и утешить их в их скорби. Мать не одобряла этой поездки. Будучи сама, не только вернопреданной Государю и Государыне, но поскольку это было возможно, и другом их. Не одобряла она потому, что не считала возможным, чтоб большевики допустили дочь ее к Царю и в силу ее нервного и экзальтированного характера, она боялась, что она будет не успокаивать, а наоборот нервировать Их Величества. Никакие уговоры не помогали. Тогда, графиня попросила меня съездить в Москву к Великой Княгине Елисавете Феодоровне, и спросить ее совета, как поступить. Я поехала. Великая княгиня жила уже в Марфо-Мариинской общине. У нее было две комнаты, скромно обставленные, но со строгим вкусом, гармонирующим с ее одеянием дьякониссы, полу монашеском. На объяснение мое по какому делу я приехала, эта всегда спокойная обворожительная женщина, сильно взволновалась и даже несколько рассердилась… (пропущено в оригинале)

Вернувшись домой, я сообщила о мнении Великой Княгини, но Елисавета Т. не подчинилась и этому запрещению и уехала. Вплоть до прошлого года, я ничего о них не знала. В 1945-м году, я получила в Германии письмо от графини из Парижа. После ужасных переживаний в советах, ей, благодаря золоту, имеющемуся у ее родственников в Англии, удалось уехать в Лондон, где она жила много лет, а затем переехала в Париж. О судьбе детей она сообщает следующее: о старшей дочери Елисавете, уехавшей в Екатеринбург к Царской Семье, она ничего не знала. Нигде, ни в каких записках об убийстве Царской Семьи, о ней не упоминалось. Недавно, кто-то сообщил графине, что ее в 1935 г. видели в Сибири, сестрой милосердия в больнице. В момент выезда от меня, с графиней было трое детей: дочь 15-ти лет, 14-ти лет и сын семи лет. По дороге от меня в 1918 г. ее ценности были обнаружены и конечно отняты, сама она арестована и привезена в Кисловодск прямо в тюрьму, а затем куда-то в глубь Кавказа, где провела три года, ничего не зная о детях. По выходе из тюрьмы, ее ожидала следующая драма в судьбе детей. Старшая из девочек расстреляна, вторая насильно взятая в жены еврея из Г. П. У. от которого у ней родился ребенок мальчик; а сын ее пропал. Долго искала она его повсюду и наконец нашла среди беспризорных в Кисловодске на базаре. Вот судьба одной из представительниц русской аристократии, не сумевшей выехать сразу заграницу. Это была женщина глубоко верующая, смиренная молитвенница, всеми любимая и уважаемая, в силу чего и могла только, пережить все свое горе.

5. Чудо Святителя Николая

Во время пребывания графини М. Н. Т. у меня, произошло, напугавшее нас дело, могущее быть весьма трагическим. Т. все спали в столовой, окна которой выходили на набережную. Перед домом небольшой сад с балконом. Балкон стоял на четырех чугунных столбах и окна и дверь из столовой, выходили на него. Моя спальня и детские были с другой стороны дома, окнами во двор.
Часа в 4-ре ночи, когда было уже светло, т. к. это было летом и все окна открыты, слышу я во дворе голоса. Я встала, т. к. поняла, что нибудь не ладно; набросила капот и подошла к окну. Во дворе несколько человек военных. Еще красной армии не было, в то время, и это были люди, а не те грубые существа, сменившие вскоре нашу армию, когда не знаешь с кем имеешь дело, с человеком или с диким зверем. Один из них обращается ко мне и спрашивает: «Мадам, у Вас все благополучно?» Я, с недоумением отвечаю: «Да, Слава Богу, а в чем дело?» «У Вас на

балконе было 6 грабителей — арестантов. Мы следили за ними весь день, понимая, что они выжидают ночи, чтоб совершить преступление. Они подошли к Вашему дому, и по столбам поднялись на балкон; двое уже вошли в комнату, когда один из нас уронил винтовку, и напугали их шумом; они все быстро спустились вниз и бросились бежать. Одного мы, вдогонку убили, одного ранили и взяли, а четверо убежали. Ужасно досадно», сказал офицер, «мы хотели впустить их всех в комнату и захватить живьем; у всех у них были большие ножи». Опять Божия милость; не урони винтовку один из них, они в один миг, убили бы всю спящую семью.
Я поняла почему арестанты избрали, именно нашу квартиру, для грабежа. Незадолго до революции, я позвала из тюрьмы арестантов, специалистов по столярному делу. Тогда это практиковалось. Нужно было подновить лакировкой старинную мебель, красного дерева, и они это делали на месте, не увозя в тюремную мастерскую. Их было трое и надзиратель. В спальне стоял большой киот, с полу, как угловой шкап, с большими стеклами. Среди икон была икона Св. Николая, приблизительно, около аршина величиной, в тяжелой золоченой ризе и на ней, вделанные в серебро, крупные алмазы. Икона вывезена была предками моего мужа из Бар-Ликийских. Голова Святителя исключительной живописи, в натуральную величину, без митры. Вообще это был редкий по красоте образ и я слышала, как один из арестантов, сказал другому: «Гляди, вот где ценность то». Когда большевики выпустили на свободу из тюрем, всех уголовных преступников, то ясно, что они задумали, путем убийства, эту икону заполучить. Когда военные мне сказали, что двое грабителей были в комнате, то я перепугалась на смерть и боялась идти в ту половину, где спали Т. Я позвонила вниз и когда пришел удивленный лакей, понимая, что что-то случилось, раз я его вызываю в 4-ре часа утра, мы с ним пошли вдвоем. Т. все спокойно спали, не подозревая, что в комнате у них было двое грабителей убийц.

6. Ярославльское восстание

В конце июля 1918 г., мои два старших сына, уехали в Саратов по Волге, чтоб купить муки на зиму; все стало сразу дорого и главное трудно было достать. Ожидался голод. Я осталась с пятью детьми. Старшей дочерью 17 лет, дочерью 14 лет, сыном 10-ти лет, дочерью 6 лет и сыном 3-с половиной лет. Большую часть прислуги, я уже отпустила, т. к. трудно стало ее содержать; и вот после резкого долгого звонка, входит молодой парень комиссар и с ним несколько красноармейцев. Он обращается ко мне со словами: «В трехдневный срок, очистите нам Вашу квартиру, она нам нужна». Я отвечаю: «Как же я могу справиться за 3 дня, ведь сколько комнат и все меблированы», а он заявляет: «Ну насчет этого, мы Вам поможем! Товарищи, эти два зеркала, (зеркала были очень высокие и красивые) вы отвезете ко мне на квартиру, этот шкапчик, где старинный фарфор, тоже». Я, с удивлением решилась возразить: «Как же так? Ведь это моя собственность», на что получила короткий, безапеляционный ответ: «Гражданка, теперь собственности нет» ! Он продолжал, обращаясь к красноармейцам: «Оба рояля и электрические арматуры отвезете в народный дом». И со словами: «Так в трехдневный срок, вы должны выбраться, а если нет, то мы сами всем распорядимся», ушел.
Что было делать? Жаловаться, но кому? Ослушаться невозможно, и вот я на другой день с утра и до позднего вечера, бегала в поисках квартиры. В то время, когда еще и представить себе было невозможно, в какие попадем скоро условия, как не рассчитывала я, а меньше девяти комнат нельзя. Нужна гостиная, кабинет, спальня, столовая, комната гувернантки, комната сыновьям взрослым, и две детских помимо помещений для прислуги. Первый день ничего подходящего не нашла. Второй день подходить к концу и тоже без результата, когда я встретила, одного знакомого, у которого был большой, прекрасный дом, стоявший не занятым, т. к. его он собирался ремонтировать. Он принял большое участие в моем трудном положении и предложил мне, немедленно нанять сколько возможно подвод, и уже не укладывая, а как попало складывая всю обстановку и вещи, перевезти к нему в большой зал его дома, который он к осени отремонтирует для меня, и самой с детьми переехать сейчас к нему на дачу,

которая была в одной с половиной версты, на другом берегу Волги, в сосновом громадном лесу, почти у самой реки. Я так и сделала. Он мне помог все перевозить и к вечеру третьего дня, квартира была очищена. Переночевали мы на полу, подослав одеяла и утром рано, переехали на пароме через Волгу. У меня еще оставалась одна лошадь в городе и телега, на которую посадила детей и сложила только иконы и самое необходимое на один день; я думала ездить и перевозить из нанятого мною дома, понемногу то, что нужно на дачу. Что было ценного, кроме двух брошек и двух браслетов, все серебро, любимых пару канделябр и старинные, одни столовые часы, я отвезла в Казанский, женский городской монастырь, прося игумению, все это похранить, пока я поживу на даче. Она конечно согласилась, что и было сделано мною, перед переездом. Так прекрасно было там после города и его волнений. Сосновый аромат, абсолютная тишина, нарушаемая, только пароходными свистками с мощно текущей в расстоянии трех минут от дачи Волги. Дети в восторге и я решила в этот день, не ходить в город, и отдохнуть и телом и душой, в этом земном раю; но увы, не долго продолжался этот мир покоя, всего несколько часов. Около шести вечера, в городе затрещали пулеметы. Сперва я подумала, что это какое нибудь учение, но нет; стрельба беспрерывная меня взволновала, и я оставив маленьких с гувернанткой, с двумя старшими девочками пошла к парому, чтоб осведомиться о том, что такое происходит. расстояние от дома полторы версты; лес, почти на всем протяжении болотистый и местами, верст на десять, совсем не проходимый. По дороге к городу, нужно было проходить болотце, сажень пятнадцать в брод, грунт его твердый и песчаный. Очень красивое, ровное место, среди леса и на нем, как бы чистое, маленькое озерцо. Подходя к городу, мы почувствовали необычайную тревогу, при виде бегущих людей к Волге, и от Волги, с парома. В городе восстание против большевиков. О том, что было организованное восстание белых, я узнала, только в 1943 г., когда приехала в Берлин и потому пишу, то что слышала в то время. Несколько гимназистов старшего класса, поддавшись провокации полковника Перхурова, уверившего молодежь, настроенную контрреволюционно, что близко англичане якобы идущие на помощь для свержения большевизма, подняли восстание. На англичан, в то время, от мала до велика, возлагались такие надежды, как на освободителей, что сам Патриарх Тихон, поддался им, спрашивая и интересуясь, (я лично от него слышала это) где же англичане, идут ли они и приближаются — ли к нам?Эти надежды всех, на силы человеческие, не оправдались и распространялись, только провокаторами, подобными Перхурову. Так вот, несчастные юноши, убили ночью несколько спавших комиссаров — латышей, и из Москвы пришел приказ ни одной души из города не выпускать, даже женщин и детей, закрыть все заставы и сжечь город, этот старинный город Ярославль, известный в истории России, своими древними церквами, и старинной архитектуры, со всеми жителями! Факт неоспоримый, который, если будет, когда-нибудь, бесстрастный суд истории, откроет глаза миру, на ту власть, которой легкомысленные с одной стороны, и глубоко продуманные умы с другой, предали царскую Россию. С моей дачи, открытой на Волгу, город был виден, как на ладони, и с маленького балкончика на «бельведере», я без бинокля, видела все здания. Часов, около 12-ти ночи, раздался первый выстрел по городу из тяжелого орудия. Подъехали из Москвы бронепоезда. Почти каждый выстрел вызывал пожар в рухнувшем здании. Я почти не могла спать, только прикладываясь на самое короткое время, когда уже не было сил, и все время стояла на балкончике. Зарево было на 100 верст видно кругом, и у нас, можно бы было читать ночью, от красного, страшного света. И так, ровно две недели я несказанно беспокоилась о том, что будет с моими сыновьями, когда они приедут из Саратова.
Выхожу я, один раз, очень рано утром и не понимаю, что такое; какой то резкий свист кругом меня, и что-то ударяется в деревья. Вдруг увидела засевшие в них пули. Я бросилась назад, разбудила детей и быстро увела их, в небольшой подвал для овощей, под дачей. Ясно, что обстреливали из пулеметов, но ведь дача, по направлению, от Ярославля к Москве, так что же это означает? Обстрел не в Ярославль, а обратно! В то время, как мы обсуждали этот вопрос, вбегают несколько вооруженных красноармейцев с криком: «Что вы тут делаете, сейчас же убирайтесь отсюда; мы эту дачу спалим» и побежали куда-то дальше, берегом Волги. И вот, под

обстрелом, пришлось запрячь лошадь в подводу; посадили на нее детей, гувернантку, слепую старушку, жившую у нас, и что успели схватить из привезенных, немногих вещей и ехать на встречу обстрелу, т. к. другой дороги, кроме, как через болотце, о котором я писала, не было. Всегда и всюду хранила нас, в то время милость Божия. Дорожка, ведущая, к болотцу, шла низом; с левой стороны земля, аршина на два, была выше, так что пули пролетали над головами нашими. Я, и две дочери шли пешком, босиком в брод. Когда мы были на середине болотца, то нас ошеломил, какой-то невообразимый шум и окатило водой. Лошадь конечно рванула вперед и вынесла на дорожку, но к счастью не понесла. Вода в болотце бурлила и представляла грязную, желтую массу. Как после разъяснил мне один артиллерист и как и оказалось: недалеко от нас попал тяжелый снаряд в болото, но не разорвался, а ушел в мягкий грунт, иначе, говорил он, от вас и следов не осталось бы. Объяснился обратный обстрел тем, что в деревне за лесом, крестьяне убили тоже двух латышей комиссаров и деревню приказано было сжечь; обстрел был через дачу. Она осталась цела и по окончании разрушения города, мы в нее вернулись. Во время обстрела на моих глазах, загорались и рушились церкви и здания. Я видела, как загорелся и сгорел знаменитый Ярославский лицей, с его всемирно известной библиотекой.

7. Дача

Продолжаю о бегстве с дачи. Выехав из леса, мы все сели на телегу и насколько возможно было лошади, быстро ехали в именье помещиков А., где пробыли до окончания стрельбы. Страх и безпокойство за сыновей не покидал меня ни днем ни ночью. И вот глазам не поверила, вижу они идут, оба целы и невридимы. Они ничего не знали ведь, о моем переселении на дачу, до восстания, не знали, где эта дача, и что мы у А., а Господь привел их. Из за огня и горевших пристаней, пароходы не могли близко подходить к городу и причаливали, за несколько верств у пристани, на том берегу, где мы находились. Когда они приехали, то на пристани был их знакомый товарищь, сообщивший им о нас. Они тоже не мало пережили, видя горящий город и услыхав, что не разрешено было никому из него выйти; кроменемногих смельчаков, которые, при всех условиях, умеют спастись и убежать, все оставались. Убиты и изуродованы тысячи людей; очень многие дети остались идиотами от ужаса. Одним изъпервых ударов разрушен был городской водопровод и все те же юноши, погибая самоотверженно привозили воду в бочках из Волги. Люди помимо обстрела гибли в холодных погребах и подвалах от голода и от грязной, пропитанной нефтью Волжской воды. Никогда нельзя забыть звуков канонады той. На войне и то бывають передышки, а тут ритмически день и ночь, безпрерывно в ушах раздавалось страшное бам. бам… Именье А. находилось в 15-ти верстах от города, и там было совершенно светло от зарева пожара. Выйдешь утром, на рассвете на балкон или в сад, так невероятно поражает сочетание звуков; ранняя птичка чечетка, громко щебечет, словно стараясь перекричать земные, ужасные, убийственные звуки. Всегда вспоминаю ее щебетание; оно не давало отдаваться всецело ужасу, а возбуждало в сердце мысль о другом, о лучшем мире, где все поет и славит Бога. «Мы вернулись на дачу. Я в тот же день пошла в город. Он весь дымился, этот чудный, красивый город. Где же купола золотые, где храмы? Их почти неть. К счастью исторический Спасский монастырь, мало пострадал. В Казанском, разрушена колокольня, простреляны храмы и жилые помещения, но не разрушено в конец. »? Получив пропуск, по выходес парома, я пошла в Казанский монастырь. Прекрасная игумения матушка Феодотия и много монахинь арестованы и увезены; все имущество монастырское и мои вещи, сданные на хранение забраны. Ужасная картина города, от которого уцелело не больше половины. Придя на Пробойную улицу, вместо дома, где было мое имущество, я увидела груду камней дымящихся и печные черные трубы.

Ни минуты, я не пожалела о том, что осталась с детьми без средств, как говорится на улице. То что меня огорчило, причинило и заботы и труд было такой земной мелочью по сравнению с Милосердием Божиим, выведшим меня с детьми из города, накануне восстания; и жестокий

комиссар, думая сделать мне зло большое, волею судьбы, был орудием нашего спасения. Дети все живы и со мной!
Это было причиной почему я лишена была возможности матерьяльной, выехать с детьми, как другие, заграницу. Муж мой не давал на отъезд ни средств ни согласия, считая что скоро большевизм падет. Богатства и у него, в то время особенно, не было, но на переезд можно было устроиться. На этой почве и дальше, мы с ним не сходились.

8. Волга

Прежде всего, нужно было спасти сыновей, т. к. всю молодежь и даже вообще мужчин, хватали на улицах, разыскивали по подвалам и чердакам, ставили на высоком берегу Волги, с завязанными назад руками целыми рядами и сзади расстреливали их, так что они падали в Волгу.
Найди они моих сыновей, то не стали бы расследовать участвовали ли они или нет в восстании, а подвергли бы той же участи. Самим им предпринимать, что либо, было немыслимо. На противоположном берегу Волги была товарная пристань и железнодорожная ветка. Каким-нибудь образом нужно было переправить их в Москву, но в самую Москву я боялась, т. к. там, перед восстанием в Ярославле, были большие бои, против контрреволюции и всякий приезжий, подвергался строгому допросу. Я избрала Троице-Сергиевскую Лавру, с надеждой, что это будет лучшим местом их спасения. Я сговорилась с одним рыбаком, что он меня ночью перевезет через Волгу на товарную пристань. И вот на маленькой лодочке, которая вероятно, никогда не осмелилась бы даже думать, что она переплывет Волгу, которая осенью около версты в ширину, я отправилась, взяв руль в руки, вдвоем с очень старым рыбаком. Жутко было, каждую минуту мы рисковали попасть под идущий, освещенный огнями большой пароход, т. к. зажечь фонарь нельзя было; вывешен приказ, что никто не имеет права, переправляться на лодке через Волгу. Ночь темная и ветреная. Вдруг старик испуганно говорит: «Берите ведерце на дне, и черпайте скорее воду». Оказалось, к довершению своей маленькой величины и ветхости, лодочка давала течь. Я, то за руль, то за вычерпывание; просто измучилась, но наконец добрались до того берега. Причалили недалеко от пристани. Теперь новое волнение и новый страх. Что за люди, к которым я буду обращаться? Может меня без разговора арестуют и уведут безвозвратно! Раздумывать не приходилось; надо спасать детей. Я взошла на пристань и спросила, где начальник пристани. Мне указали. Вижу моряк, средних лет и не похож на разбойника-большевика. Так и оказалось. Я подошла и сказала, что мне необходимо с ним поговорить наедине. Он удивился и пригласил к себе в каюту. Я прямо и откровенно, все рассказала. Он подумал и говорит: «Да, дело трудное провезти их незамеченными, но Бог даст сделаем; пойдемте со мной к начальнику железной дорожной ветки, этот человек хороший и что возможно, в том поможет». Привели еще весовщика и втроем обсуждали. Наконец сказали так: «Нужно, хоть недельку подождать, очень уж время неспокойное. Вы наведывайтесь и когда мы скажем, то перевезете сыновей и мы их отправим». Целую неделю, каждую ночь, я переносила этот страх переправы. Один раз, Волга была очень бурная и я не думала, что мы не перевернемся. Наконец они сказали: «Пусть лодочник едет и сейчас перевезет их по очереди». Длилось это, больше трех часов. Первым приехал, старший Сергей и его заперли в багажный вагон. Когда приехал и второй сын Николай, то их посадили в клетку, в которой возят собак и закрыли рогожами. ехали они, часов шесть до Лавры, согнувшись, на корточках. Я дождалась пока поезд ушел и с облегченным сердцем переправилась на дачу, решив и самой со всеми детьми, переехать в Лавру. Сделать этого немедленно я не могла, т. к. не имея никаких средств, решила выучиться сапожному ремеслу, для чего ездила ежедневно в город.
Я забыла написать, что когда мы переезжали на дачу, в день восстания, взяли корову, которая была у нас в городе. Ее привела горничная. Эту горничную Грушу никакими уговорами нельзя было уговорить расстаться с нами, даже Николай лакей, о котором я писала, уехал домой, а эта

сильная, молодая девушка, рябая и некрасивая, но с прекрасным сердцем, целых два года, не поддавалась увещаниям.

9. Восстал «из мертвых»

После отъезда моих сыновей произошел опять, страшный случай, но опять Любовию Божьей, прошел благополучно. Бывая в городе, я навещала семью контр — адмирала в отставке В., принимая участие в их горе. У них было трое взрослых сыновей и все участвовали в восстании, средний смог скрыться, старшего видели, как красноармейцы схватили и потащили в тюрьму, а младший, по словам очевидцев, был убит. О том, как убивались и в каком отчаянии были родители, писать не буду. По младшем служили панихиды на дому. Вернувшись, один раз из города, я под вечер, была одна на берегу Волги и слышу, словно кто-то назвал меня по имени. Обернулась, кругом сосны и никого. Слышу уже громче свое имя и вижу за деревом какого-то бледного мужчину в серой куртке. Я не узнала его, но подошла и спрашиваю, кто он, а он говорит: «Дайте мне напиться и кусок хлеба. Вы меня не узнаете? Ведь я Стива В. Т. я ранен в грудь и пробираюсь лесом куда глаза глядят». Я остолбенела. «Стива, ведь вас считают убитым. Как же Вы спаслись?» Он мне сказал, что когда подбирали убитых и перенесли их в Красный Крест, то сестра увидела, что он жив и перенесла в лазарет и т. к. из лазарета брали, все равно всех на расстрел, то они переодели его в серую куртку и ночью, рискуя жизнью, вывели за город. Один момент только, мелькнула у меня мысль, что делать, но это был один момент. Я взяла его за руку и говорю: «Идем ко мне». Он не соглашается и просит только хлеба и воды. «Ведь Вы знаете, что на всех углах развешаны объявления «Кто укроет, кого нибудь из мужчин у себя, тот будет расстрелян». «Знаю Стива, но я мать». Я привела его на дачу и положила на верху, в маленькой комнатке на антресолях. Ранен он был в грудь навылет и раны заклеены крестообразно пластырем.

Мне предстояла и радостная и трудная задача, сообщить матери и отцу его, о том, что сын их не только не убит, а находится у меня. Груша горничная на два дня отлучилась по своим делам и корову доила, моя 16-тилетняя, старшая дочь Ирочка.
Я ушла с утра к В. и осторожно подготовляла их, к явленной им, Божьей Милости. Как раз застала все приготовленным к панихиде и ожидали только священника. Как приняли родители известие, каждому понятно. Мать сейчас же пошла со мной, а у отца, ноги почти не владели. Приходим на дачу и что же узнаю? Дети ушли с гувернанткой в лес и дома одна Ирочка. Она, только что подоила корову и разливала по кринкам молоко, когда входят несколько красноармейцев с винтовками и спрашивают: «У вас тут никто не скрывается?» Она мне сказала: «Знаешь, мамочка, я не знаю, откуда у меня явилось такое наружное спокойствие, словно бы не я говорила: «Нет никого у нас нет, а вы наверно устали; выпейте молока, молоко сейчас подоенное, хорошее». Я налила им по стакану, они выпили; я налила еще. Встают и говорят, указывая на винтовую лестницу: «А ну, сознавайся-ка, может там, кто и спрятан?» А я опять так же уверенно и спокойно говорю: «Если у вас время свободно, то пройдите и посмотрите сами». Один и говорит: «Идем товарищи; она видно, что не врет». И ушли. И тут я разрыдалась», сказала моя Ирочка.
Встреча матери с сыном была не только трогательная, но и не передаваемая. Через два дня были наняты лошади, которыя ждали его в условленном месте, и снабженный всем необходимым, он был отправлен еще не вылеченным и не окрепшим, до какой-то глухой станции, откуда должен был ехать поездом, куда ему назначили родители.
Какое же было мое удивление, когда вернувшись, дня через три, опять из города, я застаю у себя, старшего сына В. Александра, который был арестован, и посажен в тюрьму. Казалось невероятным, чтоб он не был, немедленно расстрелян. По нем не служили панихид, потому только, что верили в то, что Богу нет границ в возможностях, и вот, Он и его спас целым и почти невредимым. Он ночью выпрыгнул со второго этажа, и к счастью не сломал, а только

сильно ушиб ногу и хромал. Опять мне выпало на долю сообщить и о этой радости родителям, и его молодой жене, которая тут же пошла со мной, и на следующий день Александр и она, ушли через лес пешком от нас, и надо надеяться, что им удалось скрыться, т. к. у них было еще довольно для этого, денежных средств.

10. Сергеев Посад

Я очень легко обучилась шить кожаную обувь. Пробная пара вышла не плохо, но у меня так болели плечи от затяжки, что этим делом, я не могла, за недостатком физических сил заниматься. По сдаче этой пары ботинок, начались для меня трудные дни хлопот для переселения в Лавру.
В это время из Москвы приехал мой муж. Так как здание банка уцелело, то там ему сказали о том, что я живу с детьми на даче, куда он и пришел. Он предложил перевезти корову в Лавру, т. к. на лодке я не могла этого сделать, а вести через город я опасалась, т. к. и мой отъезд был в сущности тайным бегством. Я нигде и ни к кому не могла обращаться, иначе немедленно была бы арестована и подвергнута допросу Чека, о моих сыновьях. Так вот, привязали корову сзади к телеге, на которую сел муж и Груша, которая должна была ее доить дорогой и кормить и поехали проселком, до первой переправы, через Волгу. Не помню точно, но знаю что это было не мало десятков верст. Описывать о том, как не легко было перевозить на лодочке, по очереди, детей, слепую старушку, и гувернантку, не буду; это само собой понятно.
Все было сделано, со всякими предосторожностями. Поезд тронулся с ветки, через город; волнений пережито было не мало, и только, когда проехали две остановки, то все вздохнули свободней, дети весело заговорили. Муж приехал раньше нас и встречал нас на вокзале Сергиева Посада. Комнаты найти не удалось и он провел нас на крытый балкон, брошенной дачи, где и пришлось пробыть недели две, пока не взял нас, на время, к себе, один добрый человек — поэт Александров, знавший и уважавший моего покойного отца. На балконе было грязно и сыро; ни у кого ничего теплого; все сгорело, но делать было нечего. Муж съездил в Москву и привез обоих сыновей. Мне необходимо было съездить в Ярославль, т. к. переезжая на дачу, я соседке дала свою швейную машинку и кое-какие, прежде казалось бы не нужные, а при данных условиях, необходимые, остатки вещей. Я уехала. Возвращаюсь через день и узнаю, очень испугавшее меня, обстоятельство. В Чека узнали о нашем переселении в Лавру и прислали повестку, почему-то второму сыну. Муж мой уехал в Москву к брату, где и поселился. Так вот, Коля мой, был вызван в Чека, где его подвергли, страшно грубые и неотесанные люди, допросу о том принимали-ли они участие в восстании, и по какому праву, я переехала с семьей в Лавру, не взяв на это разрешения у Ярославских властей; его отпустили с требованием меня, как только я вернусь. Пришлось идти. Исполнительный комитет занимал здание старой монастырской гостинницы. Ужасно было переступать этот, еще так недавно мирный монастырский приют.
В голове моей, промелькнуло одно из лучших воспоминаний жизни, когда во времена раннего детства, в возрасти 8-ми - 10-ти лет, мать моя, любившая говеть в Лавре, брала мою сестру, годом старше меня и меня с собой. Вспомнился мне, безупречно чистый номер гостиницы, отец гостинник старый почтенный монах, послушники, приносившие чай, и не в чайнике или кастрюльке, как теперь, а ставили на стол, шипящий, блестевший, как золото, медный самовар; вспомнилась ночь, когда все казалось святым, и монахи, и самовар, и лампадочки, и даже тюлевые занавески на окнах. Вспомнилось, то таинственное и важное ожидание исповеди в полуосвещенном соборе у раки Преподобного Сергия после всенощной, ожидание в легком сне, первого удара колокола к ранней обедне, стук монаха в дверь, чтоб разбудить нас, а мы уже давно не спали и надевали, с особым сознанием благоговения, новенькие платьица. Небо еще звездное, мирная тишина, нарушаемая, только мерными ударами чудного, Лаврского колокола; все это не передаваемо словами. Детская душа моя вся была поглощена сознаньем страха и любви, перед ожиданием Святого Приобщения. Затем вспомнились горячие

просфорки, игрушки, купленные под воротами Лавры, крестики, образки, поясочки с молитвами; да много счастливого и не повторяемого. Все это, как луч света, покрывшегося черными тучами, мгновенно промелькнуло в моей голове; и вот я вхожу.
Мечты о прошедшем на минуту осветили мрак страшной действительности, представшей глазам; ноги мои подкашивались, я сама не узнавала своего голоса, когда спросила, куда мне идти. Тот, кто не видел таких картин, тот может и не поверить.
С первого шага охватило сознание, присутствия нечистого духа, да, именно нечистого во всех смыслах. Такой грязи, что была перед глазами, никогда не забуду. Сколько было пережито за 25 лет, если Господь приведет, постараюсь все описать, и условия ужасные жизни, и голод и холод и страх, но в то время, это было внове и казалось столь невероятным, что думалось, не во сне ли все это, или я лишилась рассудка.
Весь пол заплеван, покрыт грязными бумажками, шелухой от подсолнухов и мало этого, приходилось выбирать места, чтоб не запачкать обуви. В номере, куда меня провели, было тоже самое. Встретили меня несколько человек, если их так можно было назвать. Комиссаром Чека был здоровый, краснощекий матрос, в белой, грязной, матроской рубашке, с расстегнутым воротом с большим красным бантом на плече. Рукава у всех засучены, и все страшные, словно дикие звери; нет; звери право и те лучше. Я больше всего испугалась матроса, но, к удивлению, в нем одном проявилось, какое-то чувство, похожее на жалость ко мне. Много, очень много нужно было силы воли, чтоб не выдать своего страха, перед ними и казаться спокойной; но ведь судьба моих, не только старших двух сыновей, но и остальных детей, зависела от воли, и была в руках, этих людей.
Меня спросили, почему я уехала из Ярославля, но как спросили! Я ответила, что все потеряла во время пожаров и не имея средств к дальнейшему существованию, решила, что в небольшом Посаде, я легче чем-нибудь заработаю и затем, что буду близко от мужа и родственников, живущих в Москве. На это в ответ, несколько голосов закричало с угрозой: «Немедленно убираться, со всеми вашими детьми и кто еще при Вас, обратно в Ярославль». Пришлось просить разрешения остаться ввиду безвыходности положения и невозможности оплатить обратный переезд и нанять в сгоревшем городе помещение. По адресу моему, была применена, самая невозможная брань, требования и угрозы, когда вдруг матрос заявил: «Брось товарищи, чего ее мучить, может она и не сделала нечего, пусть ее семья остается пока здесь; и обратившись ко мне, сказал: «Если Вы докажете нам бумагой от властей Ярославля, что Ваши сыновья не участвовали в восстании, то может, я Вам разрешу поселиться здесь, в Посаде». Господь, как всегда Милосердный, осенил меня мыслью, и я ответила: «В Ярославле никому неизвестно, где были в это время, мои сыновья, как вам объяснил, сын мой Николай, они были в Саратове, куда ездили за мукой и ничего о восстании не знали. Прописаны они были в волостном правлении, которому подлежала дача, где мы жили, и дать сведения о них, может только волостной старшина». Я понятия не имела, ни о каком волостном правлении ни о том действительно — ли дача была в его ведении. «Поезжайте немедленно и привезите документ, подтверждающий Ваши и Ваших сыновей показания». Пришлось оставить детей. К счастью, бвило молоко и я не боялась, что они пропадут с голода. Поехала в Ярославль и прямо прошла к владельцу дачи, который нас выручил, отдав ее нам. Он радостно меня успокоил и приободрил, сказав, что старшина и писарь, оть которого все зависит, его приятели и за деньги, конечно дадут, какое угодно доказательство. Он нанял для меня, за болыиие деньги подводу, т. к. в разрушенном городе, это было очень трудно, вложил 25 рублей в конверт с письмом и я уехала в волость, за 18 верст от дачи.
Что эта была опять за поездка! Лес, как я писала, местами, на десятки верст непроезжий и непроходимый из за болот, и, так как была уже поздняя осень, то проложенная по гатям, трудно проезжая и летом дорога, несколько раз грозила нам неминуемой гибелью. Но проехали благополучно, добравшись до правления. 25 рублей имели свое действие и я немедленно получила удостоверение за печатью волостного старшины. Владелец подводы отказался ехать по той же дороге обратно и должен был сделать объезд за 70 верст. Что было

делать? Волость на берегу Волги, пассажирские пароходы не ходят и может быть, остановится какой-нибудь запоздалый буксир, или торговый пароход. Положилась на Волю Божию и села на берегу. Часа через два, показался пароход, общества «Кашин» и остановился недалеко от берега. На лодку, сгрузившую, какую-то кладь, меня взяли и я на пароходе доехала до Ярославля и оттуда по железной дороге в Лавру.
Надо сказать, что сын Николай мой, решил во что бы то ни стало уехать на юг, чтоб вступить в Белую Амию. Решено было, что на следующий день, он уезжает. Ох! Как тяжело было, все это мне, но я соглашалась на расставание, сознавая в этом,
святое дело, перед родиной. Старший мой, Сергей был не приспособлен к житейским трудностям, но Николай, был моей поддержкой и помощником.
Утром, на другой день по приезде, я пошла в Исполком (исполнительный революционный комитет) и вручила привезенное удостоверение. Его взяли, прочли и затем подают мне бумагу и говорят: «Согласны Вы подписать?» Содержание ее было следующее: «Я нижеподписавшаяся, даю сию расписку в том, что если один из моих сыновей, уйдет в Белую Армию, то я буду расстреляна». Я подписала и через час, проводила своего Николая на поезд, который навсегда увез его от меня.

11. Любовь к Царю

После неудачи Белой Армии, куда Николай добрался, он бежал с ней, и поселился во Франции, где через несколько лет, скончался от несчастного случая.
Вскоре затем, я проводила и старшего сына, о судьбе которого узнала, только через три года, из письма полученного мною тоже из Франции, где он находится до сего времени. Пишу эти строки в 1946 г., а рассталась я с ним в 1918 г. и того 28 лет тому назад.
Оставшись одна с детьми, я должна была изыскивать всякие способы для существования, что было крайне трудно. Жили мы в подвальном этаже, сыром и полутемном. Как не старалась я, прокормить корову, как единственную возможность, поддержать молоком слабеющие организмы детей, это не было возможным и пришлось, за бесценок ее продать. Мука стоила в то время невообразимо дорого, так что деньги шли незаметно быстро.
Старшая дочь моя, которой было 17 лет, была во всем, мне помощницей и утешением. Будучи всегда здоровой и крепкого сложения, она простудилась в очень морозный день, когда в одной вязанной кофточке пошла на колодец за водой. Пальто не было никакого; все сгорело в Ярославле и купить не на что было; она слегла в тяжелом воспалении легких и никогда уже, не могла поправиться, за те 10 лет, что прожила после этого на свете, получив туберкулез. Периодами, бывало ей лучше особенно, когда мы переехали на Кавказ в Нальчик, но при вечном недоедании оставалась исключительно худенькой.
Одна моя приятельница в Москве подарила мне, громадный, одноцветный ковер, из которого я шила теплую обувь, вроде ботиков, и возила ее продавать, или менять на съестные продукты, в виде сухой картошки и сухих кореньев. Ездила я к своему бывшему садовнику, в Ростовский уезд, в деревню, лежащую в 8-ми верстах от полустанка Деболово. Этот добрый старик, много лет служил у нас в имении и ушел после революции, когда имение было сперва разграблено, а затем отнято. Его очень печалило мое положение, и он много помогал мне, часто снабжая бесплатно сухими овощами, или менял у других крестьян, привезенную для обмена теплую обувь.
Первый год я не ездила одна. Груша ни за что не хотела оставить меня и везде и всюду провожала, помогая носить, что нибудь тяжелое, и трогательно заботилась обо мне. Поезда, в то время, ходили только товарные и без расписаний. Если мы приезжали поздно на станцию Деболово, то оставались ночевать у дежурного по станции, очень верующего и тоже пострадавшего от революции, почтенного старика. Жена его, гостеприимная, как и муж, не отпускала нас идти в деревню, когда уже было темно, и особенно в сильный мороз, беспокоясь о том, что на мне, хотя и на вате, но только коротенькая кофта.

Один раз мы приехали, когда начинало темнеть и шел редкий снежок. Меня стали уговаривать дождаться утра и я неохотно, (т. к. всегда торопилась скорей, обратно к детям), но согласилась, когда вдруг на Грушу напало упрямство: «Идем и идем сейчас, еще успеем дойти, всего 8-мь верст; чего мы ночевать будем; переночуем у Николая садовника». Желание поскорей вернуться домой, взяло вверх и мы пошли. Не прошли версты, как стала подниматься метель, да какая метель! Снег повалил густой, ветер закружил так, что через несколько минут ничего не стало видно. Темнело быстро. Мы сбились и никак не могли уже отыскать дорогу; проваливались в сугробы: стало совсем темно и жутко; выбивались из сил и они мне стали изменять. Я коченела и чувствовала, что скоро не в состоянии буду бороться со снежной стихией. Не один час прошел, когда я упала в снег, чувствуя неминуемую смерть. Я стала засыпать и сказала Груше: «Ты молодая и сильная, может и выберешься, а я больше не имею сил; передай детям мое благословение», и больше и говорить не могла; она с рыданием умоляла меня, сделать усилие и встать, старалась поднять, но напрасно.
И вот, свершилось необыкновенное и чудесное: Над самой, как мне показалось, головой моей, удар церковного колокола. Это было избавлением, не только мне, но и детям моим, которые оставались бы совершенно беспомощными и осиротелыми. Как бывает в такие минуты, ко мне вернулись силы, чтоб встать. Второй протяжный удар, мы где-то у самой церкви. Пройдя два шага, мы наткнулись на каменную ограду и касаясь ее, дошли до ворот и увидели свет в окошечке сторожки. На зов наш и стук, отворил нам церковный сторож и заохал от радости. Мы обогрелись, напились кипятку и переночевали у него. Он сказал, что в такую страшную метель, душа у него, никогда неспокойна; все думается «А ну как, кто заблудился, да замерзает в поле, я и давай ударять в колокол; вот и привел Господь; мой колокол и дал Вам весточку, что вы у самого храма Божия и Он не допустил вас замерзнуть». Бывая не один раз, и проводя вечера у доброго начальника станции и его жены, мы скоро полюбили друг друга, до поздней ночи делились впечатлениями, пережитых 17-го, 18-го и 19-го годов. Один раз, когда разговор шел о убитой царской семье, он пришел в сильное волнение. Он и жена его были монархисты и безгранично любили и были преданы Государю и Государыне. «Не верьте никому и ничему, все ложь, Государь и вся семья его живы и увезены из России, я сам свидетель тому». Пораженная таким сообщением, я тоже сильно взволновалась, и с охватившем меня чувством надежды и радости, просила его рассказать на чем основывал он, свое такое убеждение:
«Был я, начальником небольшой станции, по линии Вологда — Архангельск, ближе к Архангельску. Горевали мы с женой и убивались тому, что царь наш с царицей й детьми, сосланы в Екатеринбург, и судьба их в руках и распоряжении большевистской Чеки. Что-то будет с ними? И вот, стою я один раз на платформе, поездов, в то время почти не было, а расписаний и тем более. Вижу идет паровоз со стороны Вологды, на нем, вооруженные военные, все, по виду похожие на гвардейцев. Паровоз остановился, соскочил один, как видно благородный офицер и дает приказ: всем обернуться спиной и только через пять минут, не раньше обернуться. Нас было всего четверо служащих. Приказ был в такой форме дан, что ослушаться было невозможно, тем более, что офицер предупредил: «Кто обернется, будет застрелен». Когда я поворачивался, то успел заметить, что за этим паровозом, шел другой с одним вагоном первого класса. На паровозе и на площадках, стояли тоже военные с винтовками, и на задней площадке, мальчик, в возрасте Наследника в морской форме и рядом матрос. Когда они проехали, я быстро побежал домой и с невыразимой радостью, объявил жене, что какие-то военные, кто их знает, русские или англичане, увезли Государя, и значит он спасен. Отдававший команду офицер, был русский, но другие, могли быть иностранцами. Через день, получаю газету и читаю о страшном убийстве Царя и его семьи».
Так вот, этого человека, нельзя было разубедить в том, что убиты не были подставные лица, и что большевикам нельзя было сознаться, что Государя выкрали и увезли куда-то через Архангельск. Я, этому рассказу поверила и много лет думала, что никого другого, с такими предосторожностями и тайной, увозить не могли, но увы; с тех пор прошло почти 30 лет и как

пишут расследования, доказаны факты подлинности убийства.

12. Преподобный Серафим Саровский

Так прошла, первая зима для меня и детей, в Сергиевом Посаде. В поте лица, добывала я, с помощью старшей дочери Ирочки, только самое необходимое, скудное пропитание. Иногда не было ничего, кроме овса; его парили в печке, пропускали через котлетную машинку, разводили водой и делали кисель, которым питались, иногда без хлеба, по несколько дней.
Познакомилась я вь Посаде с семьей графа Ю. А. Олсуфьева, принявшей в нас, сердечное участие, но они, тоже были, совсем разорены, и хоть очень хотели бы, но мало чем могли помочь. Граф, в то время, заведывал архивом Лавры, стараясь, что можно, из ценных, исторических документов сохранить от варварских рук большевиков. Он принес мне, однажды, для прочтения письмо, со словами: «Это я храню, как зеницу ока». Письмо пожелтелое от времени, с сильно полинявшим чернилом, было написано, собственноручно Святым Преподобным Серафимом Саровским — Мотовилову. В письме было предсказание о тех ужасах и бедствиях, которые постигнуть Россию, и помню только, что было в нем сказано и о помиловании и спасении России. Года, я не могу вспомнить, т. к. прошло 28 лет, и память, мне может изменять, да и каюсь, что не прочла, с должным вниманием, т. к. год, указывался отдаленно, а спасения хотелось и избавления, немедленно еще с самого начала революции; но думается, что это был 1947 г. ; во всяком случае, в последних сороковых годах 20-го столетия. Простить себе не могу, что не списала копию с письма, но голова была так занята, и мозги так уставали, в поисках насущных потребностей для детей, что этим только успокаиваю и оправдываю свою недальновидность. Подходили дни страстной недели и затем встреча Светлого Праздника Пасхи. Полная беспомощность. Дети голодны, раздеты. От всех условий жизни, у двух старших девочек моих, завелось в голове столько насекомых, что бороться с ними не было возможности без частого гребешка; у нас его не было; купить не на что абсолютно, и если б и нашлась возможность, то достать негде. У обеих волосы длинные, хорошие. Что делать!Настал четверг Страстной Недели. Такой день великий, а мне пришлось огорчить детей и сказать: «Ничего не остается, дорогие мои, как обрезать наголо волосы. Обе в слезы и я с ними, но стараюсь, как всегда, уговорить их, покориться неизбежности, раз другого выхода нет. Никогда, за всю свою жизнь, до этого дня, я не расставалась с детьми, во время церковных служб. Всегда, все они были при мне, около меня, и мы вместе молились, а тут, на меня, точно извне, напало, неотступное желание, вечером, ко всенощной, на 12-ть Евангелий, не идти с детьми в Троицкий собор, где покоились мощи Преподобного Сергия, а пойти, за четыре версты, в Черниговский скит, стоящий в еловом лесу, где находилась Чудотворная Икона, Черниговской Божьей Матери. Я сообщила о своем желании детям. Огорчение их было невыразимое: «Что это мамочка, у нас и так столько горя, да еще перед таким Праздником, и ты еще прибавляешь нам слезы. Как мы будем слушать 12-ть Евангелий без тебя, и как ты пойдешь лесом, ночью одна? Нет, останься с нами, пойдем, как всегда прежде, с нами!» Но меня неудержимо влекла, необъяснимая сила, в скит, и я не поддалась никаким просьбам и слезам бывших, при мне пяти детей, из котрых младшему Андрюше, было четыре года. Они пошли заплаканные с гувернанткой, продолжавшей до этого года, жить у меня безвозмездно, из за нежной привязанности к Андрюше, в собор, а я лесом в скит. Меня всегда влекло в эту скитскую церковь. Чтоб взойти в нее, нужно было спуститься 12 ступеней вниз, под землю. Церковь маленькая, без дневного света, освещенная массой разноцветных, дорогих лампад и громадным количеством восковых, всех размеров свечей. Черниговская Чудотворная Икона, Матери Божьей, очень почитаема, не только в Московском округе, но и во всей России. В церкви, через крошечные отверстия, в которые нужно согнувшись проходить, шли подземные, длинные ходы. Два раза в жизни, решалась я посетить такие святыя, таинственные пещеры, бывшие местом, добровольного спасения древних монахов. Обычно впереди шел с фонарем провожатый монах. Холод охватывал тело от сырости, текущей по стенам тоненькими

струйками воды, а душу охватывал непередаваемый ужас и благоговейный почтительный страх, когда монах останавливался перед вырытыми углублениями в этих стенах и объяснял, что тут проводил жизнь и умер не погребенным тот или иной отшельник… В этот вечер, я войдя в церковь, стала непосредственно близко, перед Самой Иконой Божьей Матери. Народу было полно. Трогательное чтение 12-ти Евангелий, строгие лица монахов, поющих стройно печальные песнопения, все это сливалось с моими личными переживаниями и горестями. Меня никто, ни один человек не знал, и о том, что я должна была, огорчить в тот день дочерей, объяснив им необходимость обрить волосы, никто не мог знать, кроме Матери Божьей, которой я, в слезах и просьбе о помощи, изложила свою печаль. Кончилось чтение, народ прикладывался и сразу уходил, т. к. было часов 12-ть ночи. Я подошла последней. Служба закончилась; в церкви полутемно, так как погасили, почти все свечи и большую часть лампад, оставив только неугосимыя. Я приложилась и чувствую, что меня осторожно, берет кто-то за плечо. Обернулась…, вижу старенький монах, но не скитский, так как, на нем был серый, стеганный подрясник, подвязанный ремешком и темно синяя скуфейка. Он, приветливо улыбаясь, протягивает мне ладонь, со словами «Вам не надо?» На руке у него, два частых гребешка! Я, как говорится, остолбенела и спросила, не зная, что говорю: «Откуда у Вас?» А он отвечает: «А я продавал, вот два остались, может Вам нужно? Я отвечаю: «Да, но у меня денегь нет», а он говорит: «Мне не надо денегь». Я взяла один и не успела его хорошенько поблагодарить, как он быстро вышел. Я пошла вслед за ним, но его нигде не было. Я принесла домой, пораженным своим девочкам, частый гребешок и печаль их, сменилась необъяснимой радостью.

13. Судьбы монашествующих

В Лавре, я познакомилась с родителями одной рясофорной монахини Кати, из бывшего Казанского монастыря, в Ярославле. В то время, монастыри были разорены, разогнаны; монашеское одеяние, приказано было снять, и сопротивлявшихся, или не исполняющих этих неприемлемых, для истинных монахов и монахинь, распоряжений, арестовывали, увозили в Москву на Лубянку (О. Г. П. У.), и там они или просто пропадали без вести, или слух о них, доходил из далеких лагерей Сибири, иногда через несколько лет. Отец Кати монахини, был главным обер кондуктором, на северной железной дороге, и за много лет службы сумел выстроить себе, в Посаде, при Лавре, маленький домик. Я очень любила у них бывать. Люди простые, верующие и гостеприимные. Уютно было; четыре комнаты, и в каждой, как в келье, много икон, в правом углу, и лампады, горевшие и день и ночь. На стенах олеографии из библейских и Новозаветных времен, и в ярких красках, портреты Государя непременно, при Андреевской голубой ленте и Государыни одной, или со всеми детьми. За это они подвергались, ежеминутно расстрелу.
Побывав у них раза два, три, уже становилось ясным почему их единственная, очень красивая, скромная, преисполненная всеми добрыми качествами дочь, избрала себе путь отречения, монашества. Монахиня она была строгая, в смысле исполнения обетов и большая молитвенница. Долго не хотела она, одеть на себя мирскую одежду, и много плакала об этом, а когда ее уговорили, доказывая, что для души, это не есть главное, она надела простое черное платье и белый платочек на голову. Я не сумею объяснить, но как не переодень бывшую монахиню, она чувствуется под всякой оболочкой. В 1919-м году, у ее родителей, была еще материальная возможность прожить, но в 1920-м, наступил голод, и Кате пришлось наняться к крестьянам, на летние сельскохозяйственные работы. В то время колхозов еще не было. Первое лето прошло благополучно и она вернулась осенью домой, заработав хлеб, на всю зиму. Затем, когда я рассталась с Лаврой, принужденной уехать, из за невозможности существования, я о ней года три, ничего не слыхала. Пришлось мне, встретиться с ее матерью, которая рассказала мне необыкновенную, но конечно не выдуманную, а несомненную историю. На второе лето Катя, весной поехала, как и прошлое лето в город Александров, для подыскания работы. Город

Александров, это большая, при Иоанне Грозном, знаменитая разбойничья слобода. — Александровская, сборище и жительство опричников.
Катя стояла скромно на базарной площади, с другими работницами, ожидавшими, когда, кто нибудь из крестьян, подойдет их нанимать, и условиться на летние работы. Подходит к ней молодой парень и зовет к себе на хутор. Очень скоро договорились. Когда он отошел, чтоб привести свою лошадь и ехать, к ней подходит старый крестьянин и говорит: «Избави Бог; не езди на этот хутор, там живут колдуны; всего 14-ть дворов и стоит он на болоте». Не поверила Катя, а подумала: «Какие могут быть колдуны на свете; это все бредни старых людей; да и что можеть ей быть страшным… ей, монахине? Крест и молитва, оть всего уберегут». «Уехала» продолжала ее мать. «Прошло лето, ни одного письма; осень на исходе; все работницыдавно вернулись по домам, а Кати нетъи нет. Затосковали мы с отцом; только молитвой и утешались, не зная, что и думать! Они не знали ведь, даже куда и с кем она уехала и к кому нанялась. Один раз, уже перед самой зимой, сидим мы уокошка, полные печали, когда видимъидет Катя, но не своей обычной, смиренной походкой, а словно она и не она.? Мы бросились навстречу ей, с желанием обнять и порадоваться ее возвращению, когда вдруг, наша тихая голубка, молитвенница наша, не поздоровавшись, грубо оттолкнула нас стариков родителей, и войдя в дом, первое, что сделала, начала срывать иконы, и с кощунственными словами, бросать их на пол. Затем, стала забирать вещи, но не свои, а всё лучшее, принадлежащее нам! Мы обезумели! Сперва, не могли проронить слова, а затем хотели уговорить: «Катя; дитя наше, что с тобой? Да побойся ты Бога!» Она как закричит: «Какого Бога? Никакого Бога нет!» Мы решили, что она помешалась. Забрала все ценное, что было, все лучшия вещи и не простившись, ушла. Ясно, какое горе, овладело нами; только и разговору что о Кате; ни спать не можем, ни еда не идет в горло. Исхудали оба; соседи ахають и никто, понять ничего не может. Вот я решила, съезжу я к схимонаху Зосиме, подвизавшемуся в то время в Зосимовой Пустыне, недалеко от Лавры, за три остановки по железной дороге, близ Хотькова монастыря. Как увидела его, так в слезах и припала к нему, все свое горе рассказала, а он и говорить: «Она у колдунов, и вышла за колдуна, к которому поехала, замуж. Вы не тоскуйте с отцом, а молитесь усиленно о ней. Ровно через год, в этот день онапридет к вам, с ребенком на руках. Примите ее, она будет уже свободна от беса, вселившегося в нее». Длинным показался нам, этот год. И верилось и не верилось, так-ли оно будет, как сказал схимник, и все молились и Преподобному Сергию свечи ставили. Ровно через год, мы с утра, уже не отходилиот окна, и страшно было нам, и хотелось радоваться, что увидим ее. Среди дня, видим, что к дому нашему, идет женщина с грудным ребенком на руках, до того худая, чтословно не человек, а тень. Все же мы сразу поняли, что это она нашаКатя. Открыли дверь, и первое, что она сделала; бросилась с рыданием нам в ноги, прося прощенье. Перед нами была наша прежняя, смиренная монахиня, Катя. Старец не велел, ни о чем, ее расспрашивать, что мы и исполнили. Божьей Милостью, младенец через три дня скончался, а Катя вся отдалась молитве». Трудно было в то время монахам. Еще, когда мы были в Ярославле, до восстания, приходит лакей и говорит: «В кухню пришел какой-то оборванный монах и просить моего мужа или меня повидать. Конечно сказали его привести к нам на верх. Входит босиком, с распухшими, в кровь исцарапанными ногами; весь в лохмотьях, без шапки, уже довольно старый монах. Было это, в Апреле, когда еще было холодно, и в лесах не расстаял снег. Оказалось, что это игумен, одного из монастырей, под Рыбинском. Игумен, он был, как мы поняли, требовательный, и братия поддавшись революционной пропаганде, постановила его убить, но ему удалось вырваться и бежать через лес, не один десяток верст. Почему он попал к нам, не знаю. Вероятно потому, что дом, где была квартира наша, был видный и большой. Мы его переодели во все штатское. Как ему помог Господь дальше, не знаем. У нас, он долго боялся оставаться, т. к. Рыбинские монахи, могли и здесь встретить его. Страшно было в то время, то-как быстро деморализировано было, не только крестьянство, но и монашество. Конечно не все; как в одном так и в другом случае, был небольшой процент людей, искренно верующих в Бога, которые не поддавались никакой пропаганде, и за это, мучениками, умирали в лагерях, или

просто растрелянными в Москве, обвиненные по 58 статье, в контръреволюции. Часть, оставшихся в живых, в тех нечеловеческих условиях, в которых их держали, или сходили с ума, или покорно отдавали душу Богу, претерпев все ужасы до конца. Так гибло все лучшее духовенство, начиная с митрополитов и кончая псаломщиками; так гибли истинные монахи и верующие, лучшие труженики крестьяне. Надо верить в то, что страданиями и кровью, этих новых миллионов мучеников, будет омыта и спасена православная Россия. Я лично, потеряла 12 ть человек из родных в лагерях и тюрьмах; а о двух сыновьях младших, десятый год, ничего не знаю, но об этом, напишу позднее.

14. Митрополит Агафангел

Это было незадолго до восстания, в июне 1918 г., когда уже началось гонение на церковь. Мне тогда пришлось перенести еще большую скорб в разочаровании по отношению к монахам. В одном монастыре, за 25 верст от Ярославля, была очень чтимая икона «Оранской Божией Матери». Ежегодно ее переносили на некоторое время въСпасский монастырь в г. Ярославль, и желающие принимали ее на дом.
Одухотворяющая и чудная это была картина. Крестные ходы собирались со всех окрестностей, люди шли пешком, неся впереди икону: целый лес хоругвей, блестевших на солнце, и не одна тысяча крестьян в праздничных разноцветных, ярких платьях. Все пели одним могучим хором.
Долго мы не знали, состоится ли в этом году этот Праздник Перенесения Иконы и торжество верующих. Большевики разрешили, но тут же было пущено много смущающих слухов, поддавшись которым более малодушные решили воздержаться и не идти как обычно с крестным ходом из всех Ярославских церквей навстречу Иконе, чтоб версты за две за городом уже присоединиться к общемv крестному ходу. Обычно у заставы с хоругвями из Спасского монастыря встречал общий крестный ход Ярославский епархиальный архиерей, каковым в то время был епископ Агафангел, будущий Московский Митрополит. Волнуясь, будет ли вообще крестный ход, подъехала я к заставе для встречи. Издали уже видна темная масса, медленно двигающаяся по дороге. Епископа нет… Думаю, что-нибудь его задержало, но нет… время идет; уже вырисовываются и как звездочки двигаются невысоко над землей, и блестят на солнце — хоругви. Епископа нет… Уже видна Икона; но что это? Глазам не верю, а зрение абсолютное, не за одну версту вижу вдаль: громадный красный бант спускается концами по всей длине Иконы. Несут монатейные монахи, и у каждого на левом плече большой красный бант. Народу, хоть и порядочно, но во много раз меньше, чем бывало прежде. В голове у меня как молотком застучало: монахи… монатейные монахи… и те защищаются красными бантами, подделываясь к антихристовой силе. Я взяла первого стоявшего извозчика и сказала: «В Спасский монастырь к Епископу и гони лошадь, что есть мочи». Приезжаю, звоню, отворяет келейник.
«Доложите Владыке, что я его хочу видеть». Келейник хорошо знал меня, т. к. Епископ Агафангел довольно часто приезжал к нам провести за чаем вечерок, как говорится. «Владыка нездоровы…» - «Мне все равно, доложите, если он правда болен, я все равно пройду и в спальню к нему». Пошел доложить. Возвращается и говорить смущенно: «Владыка просит Вас…» Вхожу, он сидит, как обычно, одетый на диване, совершенно здоровый. Я быстро, захлебывающимся голосом, говорю ему о красных бантах, что еще можно успеть послать на лошади кого-нибудь и велеть снять этот символ крови, как назывались красные банты, а он отвечает: «Да, видите, это надо извинить, ведь это из чувства самосохранения делается, а что на Иконе большой бант, так это чтоб Ее не оскорбили и не забросали камнями». Я читала у одного архимандрита, что зло всегда бывает темным, а негодование можеть быть исветлым. Я пришла в неистовое негодование и, забыв, что передо мной Епископ, высказала ему, что для меня ясно, что это не только грех великий со стороны мантейных монахов, давших Богу последний обет отречения от мирской жизни, но и позор: «И не мне Вас учить, Владыка, что Бог поругаем не бывает и Матерь Божия не может быть оскорблена, а посрамлены будут те,

кто бросит в Нее камень». С этими словами я повернулась и быстро ушла домой, не пошла навстречу такому крестному ходу. Вот как с самого начала был велик страх перед сатанинской большевистской силой: старые монахи не надеялись на молитву, а на красные банты! Епископ Агафангел вскоре был посвященъв Митрополита Москвы и, будучи заместителем Патриарха, был (но не знаю, или не помню как)уничтожен большевиками. Знаю только, что он поборол страх, отрекся от властей и сознательноотдался мучениям.

15. Всероссийский Собор 1919 года

Я писала, что муж мой был членом Церковного Собора от Ярославской губернии. Я не берусь рассматривать деятельность Собора в подробностях - это дело будушей истории, а только скажу в нескольких словах о своем личном впечатлении. Так как муж мой был к этому причастен, то я болезненно переживала все то слышала и видела. К сожалению, в собрании всех высших сил православного русского духовенства (в большинстве высших не в силе Духа, а только вт чинах иерархии, к великому горю и гибели России) царил все тот страх: страх перед надвигающейся страшной катастрофой. немногими исключениями,. боялись открыто исповедовать свое мнение по тем вопросам нужно было громить, предупреждать и открывать глаза в то время еще в большинстве верующем Бога и любившему своего земного царя, — народу. Собор этого не сделал. Воззвание Патриарха, написано богословом, князем Евгени Трубецким, если и было напечатано, то раздавалось тайно, из-под полы, опять-таки из-за того земного страха. Муж мой привез мне порученные ему для раздачи многие. экземпляры воззвания. Он передал их мне со словами: «Пожалуйста, постарайся раздать, но только так, чтоб с этим не попасться Я отдала ему их обратно, напомнив сл Спасителя, что зажегши Свечу, ее не ставят под кровать, она должна открыто светить всем: Эти воззвания должны быть расклеены на всех дверях храмов и на углах улиц, и если я первому крестьянину, отдавая тайно воззвание, скажу: «Смотри, только не попадись», то я сразу отниму у него веру в Собор и упование на его силу». А на него то время были устремлены глаза всех верующих надежде на спасение, да и сама я считала подобный риск этот неосновательным и безсмысленнь орудием борьбы с наглеющей силой сатаны.
На Соборе постановлено было не говорит политике. Все вопросы, по которым подолгу говорили церковные ораторы, сводились только образованию будущей Церкви, могуществени своими капиталами, для чего должны были быть куплены два громадных имения: одно виноградное в Крыму, для монополии церковного вина, а другое на Кавказе, с посевами пшеницы для монопо муки на просфоры и надобности Церкви, причем от продажи излишков предвиделись неисчерпаемые богатства. Мужу моему было дано задание разработать устав будущего церковного банка, обещанием поставить его не только директором этого банка. но и главноуправляющим обоих имений. Муж не был богат и перспективы эти его радовали, он дни и ночи работал над этим. Я плакала, видя гибель России благодаря такой деятельности Собора. Он уговорил меня поехать в Москву хоть на одно заседание, и я нехотя согласилась, все же думая найти, может быть, твердую почву под ногами, чтоб не утонуть в трясине болота. Первое, куда провел меня муж, это поразивший меня богатый буфет, где можно было иметь что угодно, когда общей массе народа было очень трудно с питанием. В то время много было разговоров о том, что на Собор из Зосимовой Пустыни приехал иеросхимонах Алексий, много лет проведший в затворе и теперь покинувший его. Мы его встретили в дверях, когда выходили из буфета. Я была названа по имени и получила благословение. Луч надежды осенил меня! Может, этот старец-отшельник, худой, высокий аскет в облачении схимника, скажет свое святое, могучее слово, которое сокрушит силу дьявола, дерзко надеющегося овладеть Россией с ее православной верой. Ведь недаром же вышел из затвора. Так думали многие, но он ни разу до закрытия Собора не проронил ни слова, а по окончании его не вернулся к себе в монастырь, а долгое время тайно жил в Троицко-Сергиевой Лавре у жены убитого министра Хвостова. Конечной его судьбы я не знаю, т. к. уехала из Лавры. Был ли это страх - Господь будет Судьей

всем и всему. Все происходило в Синодальном доме. Мы с мужем прошли в громадный зал со сценой. На ней, во всю длину покрытый сукном, - стол. В первых рядах кресел партера сидело много духовенства и гражданские члены Собора от всех областей и губерний России, там же сел и мой муж, я села сзади среди многочисленной публики, которой разрешен был свободный доступ.

16. Патриарх Тихон

Трепет прошел по телу, когда на сцену вышел Патриарх Тихон и занял среднее место, за ним - митрополиты, епископы, почтенные старцы, монахи, и иеросхимонах Алексий. Хотело плакать и закричать: «Спасите Россию и Церковь нашу, на вас смотря почти 200 миллионов людей». На кафедру, которая была между пу ликой и сценой, начали выходить попеременно духовные и гражданские ораторы. Чем дальше тем более и моей душой овладевал страхи тревога: ни единого слова в защиту Веры, защиту Православия, защиту надежды на Бога, дабы победить н двигающуюся жуткую опасность, не было сказано! Вычислялись цифры, говорилось о создании громадных зданий для будущих церковно приходских школ, покупке имений и т. д. вот объявляют: сейчас будет говори профессор из Белоруссии (фамилию я е забыла). Вышел маленького роста, скромного вида, невзрачный человек, и этот маленький человек сказал не много, но сильных и больших слов. Я, конечно, не помню их буквально, хоть и было мало, ему не дали говорить, и кто не дал? Со сцены поднялось шиканье, и его заставили сойти с кафедры. Сказал он, обращаясь к Патриарху всему правящему духовенству: «Не этими вопроса: должны мы сейчас заниматься! Россия гибнет трон поруган. Без Помазанника Божия, Православного Царя, она скоро подпадет под власть тьмы». Он сошел с кафедры за то, что коснулся «политики», когда постановлено было ее не касаться Я встала и вышла из собрания. Ничего больше могу написать ни о Соборе, ни о Церкви вообще т. к. благодаря безвыходной нужде покинула Лавру переехала на Кавказ, и только иногда узнавала что нибудь от приезжавших людей. С Патриархом я была лично очень хорошо знакома, это был добрый, умный, но не сильного духа Глава Церкви. Он сам не чувствовал себя способным к такому ответственному делу, о чем не раз говорил, и если б была его воля и он не прошел бы по жребию, он никогда добровольно не взял бы этого креста на себя, т. к. благодаря слабоволию мог быть причиной несения креста другими. Так и случилось в вопросе по изъятию церковных ценностей. Он не взял на себя декретом отказать в святых ценностях большевикам, а указом дал каждому священнику право - действовать по личному усмотрению. И вот тех, кому Святые Чаши были дороже жизни, погнали тысячами на мучение в Сибирь, эти люди стали первомученниками во второй эре христианского мученичества в мире. О судьбе Патриарха Тихона и его мученической кончине, и издевательствах, и поруганиях над ним я узнала только за границей из изданных записок и воспоминаний очевидцев. Мне посчастливилось быть и видеть посвящение Патриарха в Успенском соборе в Кремле. Пропуск был по билетам, и в то время еще можно было через связи достать это право. Большевики еще не вполне овладели властью. С вечера стояли мы (человек триста) у закрытых Боровицких ворот. Ночь была холодная. За стенами Кремля все время жгли красные бенгальские огни и стреляли из винтовок. Картина была мрачная и жуткая, три конных милиционера забавлялись тем, что вплотную давили нас крупами лошадей. Раздались голоса: «Пропустите Митрополита Владимира, пропустите Митрополита!» Он шел величественно, спокойно, в белом клобуке, опираясь на посох. Милиционеры со смехом толкали его лошадьми. Кто видел когда-нибудь этого смиренного, строгого аскета, монаха, который своей святой и мудрой жизнью приобрел почитание всех истинно верующих, тот в те минуты с радостью упал бы перед ним на колени, но и этого сделать было немыслимо. Вскоре он был расстрелян. Ему открыли калитку в больших чугунных ворот но пройти в нее было нелегко, как и всем позднее, когда и для нас открыли вход. Снизу была загорожена досками, так что приходилось очень высоко поднимать ногу, чтоб перешагивать. Когда нас впустили, то от самых ворот вплоть до собора нужно было проходить

при красном освещении между двумя рядами солдат, с направленными на проходящих ружьями. Чего они боялись? Непонятно! Когда я вошла в собор, то увидела стоящую сзади всех Великую Княгиню Елисату Феодоровну. Я хотела подойти, но уловив мое движение, знаком пальца указала мне это не делать. Я поняла что она не хотела быть узнанной, и одета была не форме своей общины. Керенский был в соборе, и она мне после сказала: «Я наблюдала за ним, он не мог выносить Божественной службы, его просто корчило». При посвящении Патриарх был белее снега опавшим и исхудавшим за несколько часов цом. Мне пришлось видеться с ним не один раз и после посвящения. Он стал спокойнее, как и ранее, отличался в беседах добродушным юмором. Ко мне был всегда крайне приветлив, давно знал меня и посещал еще задолго до революции. Принимал сердечное участие в моем трудном материальном положении, выручал денежной помощью, очень деликатно заставляя меня ее взять Между прочим, расскажу один факт о Керенском, характеризующим этого якобы идейного временного правителя России, на которого даже многие не глупые, но недальновидные люди возлагали надежды. Вот неопровержимый поступок против его идейности и честности. В Нижнем Новгороде начальником речной полиции был некто П. А. Ресин, Контр Адмирал в отставке Был он на этой должности не менее 15 лет. Он его жена были друзьями нашей семьи, и вот что он нам рассказал: «Вскоре после прихода Керенск к власти, одной темной ночью мне докладывают что вниз по Волге быстро идет неосвещенный буксир. Я велел дать сигнал к остановке, он ускорил ход, после третьего сигнала, взяв несколько речных матросов, я на моторном катере пошел ему наперерез и осветил его. Он должен был остановить ход. Я поднялся на его палубу и потребовал капитана, спросил у него мандат на направление и назначение парохода. Он не хотел давать. Я произвел обыск и нашел у него письмо Керенского к своему управляющему в именье Симбирской губернии, где указано было место, куда он должен был тайно зарыть 14-ть золотых блюд, взятых (украденных) Керенским из Зимнего дворца в Петербурге. Блюда оказались в трюме под углем. Они были возвращены мной во дворец, но огласке дело предано не было!».

17. Муж

Перехожу снова к своей жизни в Лавре. Становилось все труднее и труднее. Летом я с детьми уходила ежедневно в лес за грибами. Мы набирали их много, сушили, солили и зимой меняли на что-нибудь съестное, но это были лишь крохи питания. Нужно было ездить, как я раньше писала, по деревням и менять свои работы. Когда же не осталось матерьяла на теплую обувь, я решила лишиться своего одеяла. Скроила из него двадцать детских чепчиков, сшила и надеялась на что-нибудь обменять, когда неожиданно ГПУ пришло с обыском. Чепчики сложены были по нескольку на столе. «Это что такое? Тайное производство у Вас?» Грозно закричал на меня производивший обыск. Я объяснила, что должна была пожертвовать одеялом ради голодных детей. На короткое распоряжение - «забрать», красноармеец из ГПУ взял и унес мои чепчики. Через день я увидела их на приютских детях в городском саду. Ъзда по дорогам была кошмарная. Люди становились зверями в борьбе за место в товарном нетопленном вагоне, куда набивались до ста человек, с мешками, корзинами и сумками. На моих глазах был задавлен насмерть старик. Он первый пытался влезть в вагон, а влезать было очень высоко и молодому-то трудно. На него сзади навалилась толпа, не дав ему влезть и подняться. Он до половины был лежа на животе в вагоне, а ноги висели наружу. По нему с дикой бранью и криком стали влезать люди.

Я не рискнула на этот раз влезать, хоть бы и сбоку от задавленного, так ужасно это было, но не один раз подвергалась опасности быть задавленной. Довезешь ли до дому то, что с невероятным трудом удастся достать (большею частью в камешки замороженную картошку) или не довезешь было делом счастливого случая. Не один раз в дороге налетали отряды и происходил невообразимый ужас. Из вагонов выбрасывали всё, все мешки, обыскивали людей, сопротивляться никому не приходило в голову, если кто и решался, то немедленно был бы

схвачен, выброшен из вагона и исчезал навеки. Особенно опасен всегда был район г. Александрова потомки опричников, нынешние коммунисты, отличались исключительной жестокостью. Время шло, здоровье мое старшей дочери ухудшалось. Сы рое помещение в подвале, почт никакой еды - все это создавал безвыходное положение. Я уже не ездила к садовнику Николаю, т. к. и в деревни где было производство сушеных овощей, все стало отниматься крестьяне богатых сел Ростовского уезда сами голодали. Если удавалось получить от добрых людей в помощь какой-нибудь матерьял, я шила ночные туфли на веревочной подошве, а затем сдавала их в комиссионный магазин в Москве, давали за них там бесценок Перед Рождеством 1920 г. я отдала туда три пары Обычно по вечерам все пять детей сидели прижавшись ко мне, и я что-нибудь рассказывала чтоб отвлечь от голода. На этот раз мы все придумывали, как отметим Рождество, если продастся моя обувь. По просьбе их решено было, что куплю им на черной бирже по I ф. ржаного хлеба на каждого. При одной мысли об этой возможности всех у них глазки блестели. Я поехала 23-го вМоскву. Пришлось стоять, или вернее, висеть на ступеньках вагона, сдавленной почти до нево можности дыхания, причем вагон (пассажирскии был близко от паровоза, и пассажиров обсыпало; градом искр, так что приходилось гасить и: друг на друге, рискуя каждую минуту загореться. Сильно билось сердце, когда я отворила, двер магазин. Когда мне объявили, что ни одна пара не продана, мне сделалось дурно. Нужда была та безысходна, что пришлось согласиться отпустить 14 ти летнюю Таню и 10-ти летнего Петю попробова продавать оладии в Москве. Не помню уже как добыла, или кто-нибудь подарил немного муки, только я испекла оладьи. Горько было мне, ведь это была роскошь невозможная для моих детей в то время, каждый из них с радостью съел бы все их, а мне пришлось только подразнить их, дав по одной.

Брались они весело и безстрашно за эту поездку, и полны были надеждой зарабатывать на еду. Страшная езда по железной дороге, о которой я писала, и мысль о том, что мои дети стоят где-то на улице, предлагают оладьи, меня совсем убивала, и я решила болыые этим не пытаться их прокормить. Вернулись они поздно вечером, я терзалась мукой осуждения себя, представляя всякие ужасы. При обуявшей разнузданности нравов у городского простонародья, хорошенькая девочка могла подвергаться всякому нахальству. Вернулись голодные, измученные. Продавали на бульваре. Казалось бы, сердце должно было сжаться при виде этих двух детей, но толпа проходила равнодушно, или даже насмехаясь. Безпризорные или малолетние преступники, которые сразу же стали хозяевами положения на улицах и базарах, старались просто вырвать корзинку, или стащить оладью; милиция грубо грозила забрать их (детей), если они не уйдут. Продали в полный убыток, дождались поезда и вернулись домой. Поели овсяного киселя и стали со смехом рассказывать о всех событиях этого скорбного дня. Муж мой уехал из Москвы, но я не знала куда. В разводе мы не были, но вместе мы не жили. Иногда он приезжал навестить меня с детьми. не сходились во многом, между прочим, благодаря этому я не могла уехать заграницу со всеми эмигровавшими. Личных средств у меня не было, а движимое имущество и ценности, как я писала потеряла во время восстания в Ярославле. Будучи; совершенно в безвыходном положении, я решила найти его, чтоб он позаботился о помощи детям Мне удалось узнать, что он получил хорошее место на железной дороге в Донской области. Ростовском округе. Мне дали и адрес его. Я не знала, как поступить и как-то растерялась, было в то время еще не свойственно моему характеру. Нужно ли мне ехать к нему, добиваться ли этого? Мне нужен был совет кого-нибудь на авторитет которого я могла бы положиться. В Москве встретилась я со своим братом, бывшим последним исполняющим обязанности прокурора: Свят. Синода при жизни Государя, он был товаришем прокурора, когда на этой должности был А. Д. Самарин, и по удалении его механически вступил его заместителем. из-за несогласия с Распутиным он был тоже удален, и его взял себе в непосредственные помощники Великий Князь Николай Николаевич, который был в то время наместником Кавказа. В самом начале революции брат мой был разорен вконец. Когда Вел. Князь и брат мой были арестованы, то Вел. Князю удалось спастись, а брату нет. Проведя два года в тюрьме он был отпvшен. но безь права жить в столицах. Он кое-как с женой и двуья

детьми перебивался на даче под Москвой, куда иногда приезжал нелегально, чтоб повидать родственников. Он мне дал совет пойти к отцу Алксею Мечеву, считавшемуся прозорливцем. Это один из трех старцев, о котором упоминается в книге Сурского у Отца Иоанна Кронштадтского.

18. О. Алексей Мечёв

Я с радостью ухватилась за эту мысль и поехала в Москву, надеясь его повидать и поговорить, чтоб успеть вернуться в тот же день к детям. Прихожу в его квартиру на Маросейку, мне указывают, где он живет. Поднялась во второй этаж: на небольшой площадке всего одна дверь к нему. По всей лестнице и на площадке полно людей. Я увидела, что встав в очередь, не поспею к единственному поезду, шедшему в Лавру, и придется оставаться до следующего дня, а это немыслимо; детям нечего есть, и я должна что-нибудь раздобыть. Вежливо я решилась обратиться к ожидающим, предполагая, что раз эти люди пришли к старцу, то могут иметь сочувствие к нужде ближнего, и объяснила причину, почему прошу меня пустить без очереди. Но надежда моя не оправдалась, я получила грубый ответ на «ты»: «Думаешь, как прежде была барыней и лезла вперед, так и теперь, нет, становись-ка сзади всех». Я впала в раздумье: пришла к старцу за утешением и советом и уйду, не дождавшись, а там дети одни. Первое взяло верх и я решилась остаться, из-за тех же детей. Подходить интеллигентная старая дама и говорит: «А Вы не смущайтесь, Вы ведь знаете, к кому Вы пришли, к прозорливцу. Если у Вас такая нужда, то он из тысячи Вас вызовет первую». Я села сзади всех на стоявшую там скамейку. Открылась дверь, и в ней показался маленького роста, совсем седой, старенький священник. Он окинул всех взглядом и как бы искал кого-то. Увидев меня, поманил меня пальцем со словами: «А ну-ка, ты, иди сюда». У двери стояли две девицы, он сказал им: «А вы можете уходить, я ведь не гадаю». Я рассказала ему все положение, он ответил: «К мужу поезжай, но я благословлю только тогда, когда оть него будет ответ, и он найдет для тебя и детей квартиру». Поговорив еще немного, я ушла успокоенная и поспела на поезд. Прошел месяц, ни на одно письмс ответа неть. Я опять поехала к старцу, а он опять не дает благословения и подтверждает, что до получения известия о найденной квартире он не дает согласия на отъезд. Еще месяц прошел, и ни слова, и вместе с тем я из железнодорожного управленй знаю, что он жив и имеет достаточный заработок. Дети совсем истощали, работы у меня — ни какой. Ъду в третий раз «Очень не хочется мне от пускать тебя еще, но раз настаиваешь, поезжай, а я буду молиться за тебя». У меня мелькнула мысль: «Воть я живу у самых мо щей Преподобного Сергия и значит не надеюсь н; Его помощь». Не успела подумать, как он встает быстро подходить к полочке, берет с нее иконоч ку Явление Матери Божьей Преподобному Сергию благословляет меня ею и говорит: «А вот и Преподобный Сергий тебя благословляет! Помни что я буду молиться за тебя». И как же оправдалось на деле его провидение, почему он не отпускал ме ня, пока не будет ответа о квартире. Теперь нужно было хлопотать о возможности переезда на юг, н имея абсолютно на это матерьяльных средств.

Были у меня еще две золотые вещи, но в т время я могла их променять всего на нескольк фунтов ржаной муки, и это было неприкосновенно до времени на случай чьей-нибудь смерти, или тяжелой болезни.

Пока я хлопотала в течение двух недель, в Лавре произошел один из самых тяжких, кощунственных поступков большевистской власти Назначено было вскрытие мощей Преподобнаго.

С утра на площадь перед оградой Лавры, где покоились Мощи, стал в массе собираться народ. Так как церквей в Посаде очень было много, и каждый приход был отдельно со своим духовенством. Ворота были заперты, из всех бойниц и стене выглядывали пулеметы. День был холодныйно мысли уйти не было ни у меня, ни у детей, даже у маленького пятилетнего Андрюши, совсем сознательно относившегося к происходившему. Трогательно было! Поочередно весь день все духовенство служило молебны, а в промежутках общим хором пели

«Да воскреснет Бог». Молитвы, просьбы, надежды с простиранием рук, рыданья и истерические вопли не могших сдержать своего отчаяния от мысли расстаться с Мощами такого чтимого и любимого Чудотворца, и сознание того, что за стеной темные силы дерзко касаются Святыни, все это производило неизгладимое, потрясающее впечатление. Простояли 8-мь часов. Под вечер открылись ворота, и из них вышел ничтожный еврей. Он встал на приготовленную бочку. Все затихли. «Идите, смотрите чему вы поклонялись — тряпкам и костям». С этими словами он ушел, а весь народ бросился через ворота в Троицкий собор. Мои дети стремились тоже, но я не разрешила, несмотря на их просьбы, доказывая им, что Мощи 500 лет были под спудом и не открывались для людских глаз, и кто же разрешает? Власть сатаны! С этим доводом они согласились. На другой день ранним утром я пошла в Черниговский скит, чтоб спросить у иеромонаха Отца Порфирия, почтенного и считавшегося прозорливым и святой жизни старцем. Смотрю, а он быстро идет мне навстречу. Я спросила его о том, можно ли было идти и видеть Мощи, а он говорит: «Идем, идем, поклонимся Преподобному, пока можно. Я сам иду к Нему». Я зашла за детьми и мы пошли.

Вспоминать страшно, ведь это были еще первыя проявления бесовских кощунств и хулений в Божиих Храмах. Смех, приплясывание, песни наполнявших храм комсомольцев и молодежи из союза безбожников, и тут же заглушенные рыдания верующих, прикладывающихся к Раке. Все было разорено, но как было прежде, так несмотря на все творимыя безобразия, у Мощей стоял старый монах и читал вслух. открытом, почернелом гробу лежал череп и сохранившимися рыжеватыми волосами и цели зубами обеих челюстей. Кости разбросаны как попало в гробу. Для тех, кто ожидал увидеть нетленное тело, это было разочарованием, но того, кто понимает знает, что такое Мощи это не играло роли и каждая отдельная косто была живой Святыней Присутствующие вскрытии монахи утве дали, что когда вскри крышку Гроба, то Преподобный в первый момент был весь сохранившийся целиком, от прикосновения воздуха сразу рассыпался. Но удивительно, остаки мантии еще сохранились и лежали около Мощей: а ведь прошло 500 лет! На другой день граф Олсуфъев и другие выхлопотали у властей разрешение пригласили врача—анатома, который сложил в природном порядке скелет, и покрыли стеклянной крышкой, т. к. некоторые брали кусочки к себе домой как великую Святыню. Вскоре я уехала дальнейшей судьбе Мощей не знаю. Говорять, Они были увезены в музей, а теперь якобы возвращены и даны вновь на поклонение верующим Но кто докажет, что это Мощи Преподобного Сергия, а не скелет какого-нибудь коммуниста-хулителя. Ведь ведают этим слуги отца лжи, не гнушающиеся поэтому в ухищрениях всякого обмана, чтоб заставить ему поклоняться.

В железнодорожном управлении удалось добиться сочувствия, все, конечно, по молитве ои Алексия, и мне с детьми выдали безплатные билеты Они были в полном восторге. Несмотря на голод и трудные, крайне трудные условия жизни о никогда (говорю это без преувеличения) не падали духом, всегда были веселые и дружные между собой Так вот, мы расстались с Троице-Сергиев Лаврой и поехали сперва в Москву, а оттуда Курского вокзала на югь. Места были в пассажирском вагоне. И мне, и детям впереди представлось что-то более светлое и спокойное, но это былобезотчетное чувство, времена были не такие, чтоб основывать на чем-то такие надежды; оно сразу и оправдалось по приезде на место. Между прочим, в дороге был случай, тронувший меня.

Перед нашим вагоном шел вогон третьяго класса, наполненный красноармейцами. Мы были уже в Донской области. На большой станции красный командир куда-то ушел с несколькими солдатами. Вскоре они вернулись, неся большие, круглые, белые хлебы. Мои дети стояли на платформе перед вагоном. Когда они увидели это, то вскричали, особенно маленькие: «Мамочка, смотри, белый хлеб». Очевидно возглас их был более, чем удивление, т. к. командир подошел ко мне и спросил: «Отчего Ваши дети так обрадовались белому хлебу?» Я ответила: «Потому, что они три года его не только не ели, но и не видели». Он взял из рук красноармейца один большой? хлеб и отдал его моим детям. Мы приехали на станцию уездного города К… между Новочеркасском и Таганрогом, где должен был быть мой муж. Я оставила

всех детей на станции с узлами, с последним имуществом, а сама пошла в город, в управление службы мужа, чтоб узнать адрес его квартиры, т. к. письма писала всегда через управление. Получив его, я отыскала дом. На крыльце стояла женщина, оказавшаяся домохозяйкой. Когда я спросила ее: «Здесь ли живет мой муж?» Она всплеснула руками: «Приехали… а он-то обрадуется, он ждет вас». «Странный человек, » - лишний раз подумала я. Она быстро пошла наверх. Дом был маленький, но двухэтажный. Выбежал муж. «Ну как рад, что приехали». Мой первый вопрос был, получал ли он мои письма. Оказалось, что получал. «Есть ли квартира для нас, или у тебя довольно места?» «У меня одна комната, но я не искал, думая, что ты лучше себе подыщешь, а пока поместимся в моей комнате». Поднимаюсь с ним наверх. Входим в большую проходную комнату. Смотрю и удивляюсь: днем на нескольких кроватях лежат взрослые люди. У меня сердце ёкнуло и спрашиваю: «Что это, больные?» «Да, - ответил он, - это сыпной тиф». Можно себе представить мой ужас. «Да как же детей приведу, что ты сделал? Я горько заплакала.

А он говорит: «Я решил, что раз эпидемия в городе, то они все равно заболеют во всякой квар тире». Вот когда я поняла провидение Отца АлексЬ Положение безвыходное, деваться некуда. Я пошл на вокзал, уже темнело и моросил дождь. Дети сидели под дождем н платформе. В вокзал с узлами не разрешали войти. По моему лицу они поняли сразу, что какая-то новая беда. Когда я сказала, в чем дело и что нужно ид ти в дом, где повальны тиф, то старшая дочь категорически отказалась сильно обиделась на отца «Давай останемся здеси хоть и под дождем, а с утра будем искать поми щение». Подходит желез: нодорожное ГПУ и заяи ляет: «С вокзала уходите, здесь не разрешается оставаться на ночь!» Мы: пошли. Было это в четверг на шестой недел Великого поста. Приготовлено ничего не было Подостлали кое-что н пол из привезенного заснули от усталости прижавшись другь к другу. В доме водились крьсы, и одна из них прыгнула мне на одеяло, а я их боюсь смертельно. Больше не спала, оберегая от этого детей. На другой день с утра пошли искать квартиру, ничего не нашли, так каждый день с утра до ночи вплоть до пятницы Страстной недели. В этот день мы искать не пошли. В субботу так же без результата. Готовии что-либо к Пасхе мне не было надобности. У муя всего было в изобилии и помогала хозяйка. В деь Воскресения Христова, конечно, осталась дома. Нам неволей приходилось проходить через комнату больных. Очень понравился мне местный, уже довольно старый священник, Отец Георгий. Оь понимал меня, я это чувствовала. Понедельнш Святой недели тоже прошел в безплодны> поисках. Во вторник я взяла вторую дочь Танечку мы пошли в ближайшия деревни, думая там найти избу. Лето приближалось: и в самой плохонькой избе будеть лучше, чем в наших условиях, да м уже начали свыкаться и покоряться всем неудобствам жизни. Ходили мы весь день, он былъВЕСЕННИЙ, ТЕПЛЫЙ, НО МНЕ БЫЛО ХОЛОДНО Я ДОЛГО перемогалась и наконец затряслась в сильном ознобе, насилу дошла, поднялся жар и очень скоро дошел до 40 гр. Пришедший утром доктор, очень симпатичный, тоже учел сразу мое положение с детьми, да можеть уже знал от священника, принял большое участие и сказал, что, к сожалению, у меня сыпной тиф.

Я совсем как-то не думала о том, что я могу заразиться, а мысль, что заболеют дети, меня убивала. Почти сейчас же я впала в безсознание. Смутно помнила, что меня везли куда-то, чувствовала иногда детей около себя; помню, что батюшка приобщал меня и казался мне колоссальной вышины, так что голова его упиралась в потолок, но ни на что не реагировала. Двадцать один день я была без сознания и была между жизнью и смертью. Когда стала приходить в себя, то увидела, что лежу в маленькой избе с земляным полом. Оказалось, что священник и доктор выхлопотали у милиции для нас избу, из которой только что за час перед тем вышел строй красноармейцев. Помню, было много вшей, главные рассадники сыпного тифа, они тысячами набросились на нас. Я лежала просто на досках, и мои дорогие девочки подложили под меня все, что нашлось, и сами спали все как попало. Все время моей болезни они попеременно дежурили, ухаживая за мной, как взрослыя сестры милосердия, но, на удивление всех, никто из детей не заболел. Я поняла всю силу молитв за нас О. Алексия. Их хранила его молитва от заболевания, а меня от смерти. Болезнью же я была наказана за

недоверие усмотрению. Тиф, по словам доктора и священника, был исключительно тяжелый, с точки з медицинской науки, не было ни одного процента надежды на выздоровление.
Поправилась я довольно быстро, но еще не окрепла совсем, как пришли с обыском Забрали все, что казалось им еще годным. Ценный образ Св. Николая, о котором я писала в начале я сумела возить с собой до этого дня, они его забрали. Еще в бытность в Лавре я для забавы маленьких добыла 100 шт. медных полушек играли ими и покрывали карты лото. Мешочек очень маленький, и они его взяли с собой. Увидев его, комиссар Чека просиял и не удержался, не сказать многозначительное а.., торжественно взял он его в руки, предварительно поставив под ружье сопровождавших его солдать, встряхнул несколько раз, медленно развязал и, думая что это золото, высыпал на стол. Лицо его исказилось злобой, я, несмотря на трагичность положения делала все усилия, чтоб не засмеяться. В протокол внесли: «Обвиняется Урусов и его жена в утайке звонкой монеты». Видимо, и комиссар не нашел возможным арестовать за это и и ушел, на время оставив Пишу на время, т. к. вскоре опять был обыски взяли почти все, вплоть до теплой вязаной курточки моего маленького сына. Мужа перевели по службе в лесной участок по постройке дороги. Помещение дали в лесу в сторожке, отдаленной от другого жилья не менее как за версту. Было очень неудобно, т. к. за всякой надобностью и едой нужно было далеко ходить. Когда муж уходил на работы, я оставалась совсем одна с детьми. Однажды одна добрая женщина, теща главного начальника Чека той местности, пришла меня предупредить, что власти, узнав, что на железной дороге служит не коммунисть, да еще дворянин, постановили его растрелять. Она лично слышала ночью, как он говорил это ее дочери. В то время ужасы и произвол были невероятные. Растреливали ежедневно (просто на площади) десятки людей, особенно молодеж за нежелание вступить в партию и комсомол. В числе ихе был растрелян и сын священника о. Георгия. Муж должен был тайно уехать, я и не знала куда. 28-го сентября подъехали верховые из Чека и сам комиссар. С ними была подвода. Обыскали каждый уголок и тут забрали все почти последнее, что у меня было. Первый вопрос был: «Где Ваш муж?» Я ответила наугад: «Уехал в командировку за пилами». «Куда?» - «Не знаю». «Как вернется, пусть немедленно, явится в Чека. Если Вви его укроете, то ответите, вы поняли?» Бедные дети, сколько на их долю выпадало страшных переживаний!
При переезде в лес к нам пристала довольно крупная и веселая дворняжка и сразу стала другом, и чувствовала себя как членом семьи. Очень чуткая на всякий шорох, она могла лаем предупредить о приближении кого-нибудь, и они боялись, чтоб муж мой, если он с нами, не успел бы скрыться ночью в лес, т. к. одной рамы не было, и вместо нея была занавеска. После их отъезда собака лежала отравленная, еще совсем теплая. Дети плакали. Страшно было непередаваемо. Три ночи подряд, часов около двух, в полной темноте, еще издали слышала я топот лошадей и будила детей. Раздавался резкий стук, крик: «Отворите!» Дочерям моим было уже 18-ть и 15-ть лет. Этилюди, разбойники, начинали любезничать с ними. Невыносимо даже вспоминать! Все здоровые, не старые, в больших красных бантах на левом плече, в военной форме и всегда засученными рукавами, они были дьявольски страшны. На нежелание дочерей с ними разговаривать и на страх, заставлявший их трястись, один из них говорит: «Да знаете ли вы, кто я такой? Я палач, и кончаю лично со всеми контрреволюционерами".
Только и утешались молитвой, и читали акафист Св. Николаю перед образом, данным мне при особых обстоятельствах, который был нам самой дорогой Святыней и неоднократно спасал от бед. Он - небольшой, бумажный, и потому темной силе не нужен. В последний приезд их, они мне сказали: «Сегодня мы здесь последний раз Я поняла что это означает. Утром рано бежали тайно через лес до ближайшей станции, где оказался человек, а не зверь, начальник, который, рискуя жизнью, отправил нас в товарном поезде в Ростов, куда предполагал скрыться мой муж, и я нашла его в управлении дороги.

19. Владикавказ

Я понимала, что нужно ехать дальше и самое лучшее на Кавказ, но устроиться в то время с

билетами было крайне трудно, и даже почти невозможно. Товарный вагон целый, как это не странно, но легче было устроить, т. к. муж числился служащим. Он не взялся хлопотать, будучи уверен в неуспехе. Надо было не терять времени, т. к. за спиной чувствоваласв погоня. Я пошла сама в управление. Меня посылали из одного отдела в другой. Там еще было много "прежнихъ", как говорилось, людей, и все они считали успех моей просьбы сомнительным, говоря: «Если Вы и получите наряд на. вагон, то Главный начальник, строгий коммунист, не подпишет». Я просила мне указать его кабинет и без доклада, просто вошла к нему. Отчаяние положения, при молитве, всегда даеть силы. Он удивился. Без дальних слов, я сказала: «Просьба моя большая, но вы можете сделать доброе дело. Дайте мне разрешение на вагон, для поездки с семьей на южный Кавказ». Он молча посмотрел на меня пристально, и затем спросил: «А очень нужно?» Я говорю: «Да! очень!».
Взял и написал: «Исполнить немедленно мое распоряжение о предоставлении вагона на имя гражданки Н, с назначением на службу в управление дороги города Грозного ее дочери».
Радости и удивлению не было конца. Вагон был прицеплен в тот же день, и мы уехали. Эта езда первые два дня была одним из лучших и счастливых периодов нашей загнанной жизни. На третий день заболела дезинтерией моя старшая дочь, и когда приехали в Грозный, то она не могла встать и пойти к началвнику дороги, чтоб поступить на работу. Целый месяц, с его разрешения прожили в вагоне; шел дождь, было грязно, сыро и холодно. В конце октября на мою просьбу о поступлениия еще слабой после болезни, дочери, инженер, мусульманин, начальник дороги ответил: «К сожалению, это немыслимо». У него нет ни одного свободнагс места. Я рассказала ему еще раз о горьком положении. Ведь мы были, буквально, как нищие, голодные и измученные. Да, тогда в 20-м году еще была возможность людям с неокаменелым сердцем помочь другому в нужде. Он взял мой документ на вагон и переписал его на Владикавказ, сказав «Я начальник всего округа и даю распоряженк принять там Вашу дочь на службу, в контору дорог. Я не знала, как благодарить. Опять затрещал по всем швам старый вагон и повез нас обратно до Беслана, а оттуда по железнодорожной ветке на Владикавказ. В вагоне была железная печка, и на каждой остановке мы сбирали отбросы угля, кусков дерева и щепок.
По приезде нам начальство станции дало разрешение только на трехдневный срок оставаться в вагоне, до приискания помещения, и то потому только, что была бумага о поступлении (назначении) моей дочери на железнодорожную службу. Дорогой ей опять сделалось хуже, — она лежит больная, холод тяжелый. Когда я пошла с детьми собирать что-либо, чтоб затопить печку, меня едва не арестовало железнодорожное Чека; по путям запрещено ходить, есть совсем нечего. Что было делать? Спрашиваю, есть ли в городе монастырь. Знаю, что нигде не встретишь сочувствия в нужде и помощи ближнему, как там. Монастырь женский, во имя Иверской Божьей Матери есть и недалеко от вокзала. Пошла туда, попросила приветливых монахинь провести меня к игуменье. С первого слова меня обвеяло теплом от выражения лица и обращения этой доброй матушки Феофании, с которой в короткое время мы стали друзьями и полюбили друг друга. Когда я рассказывала и попросила о даче мне немного дров и сырой картошки, то окружавшие и сочувственно слушающие меня монахини в один голос вскричали: «Благословите, матушка, пойти с ними и отнести дров и чего-нибудь покушать!"
В то время во Владикавказе уже наступал голод. У монастыря отобрано почти все имущество. Я пришла обратно в вагон в сопровождении двух монахинь, несших не только мешок с дровами, и не одну кортошку, уже вареную, а хлеба и постного масла. Ирочке принесли лекарство. Три дня они сопровождали меня по городу и много помогли найти довольно большую и светлую комнату. Все три дня приносили дрова и еду в вагон. Ирочка могла уже встать и сама идти. Через два дня она уже пошла в управление, сразу получила работу в канцелярии по службе движения. Мы стали получать ее небольшой, как называли, паек, и все по 150 грамм хлеба, и муж, устроившийся в той же квартире рядом с нашей комнатой, стал помогать. Трудно все же без имущества: нужно было платить за комнату, за дрова, еду и т. д. Монахини дали мне совет пойти, попросить молитв у бывшей во Владикавказе блаженной, звали ее все по имени и

отчеству, Анастасией Андреевной.
Я считала высшим счастьем общение с людьми такой праведной жизни и обрадованная пошла немедленно. Много лет, до революции, жила она во дворе в сорном ящике и зиму, и лето. Юродствующие, как известно, пользовались у русских православных верующих большим почитанием и верой в их слова, смысл которых приходилось иногда долго обдумывать, чтоб понять, но сказанное ими обычно исполнялось или немедленно или по истечении иногда и продолжительного срока и предсказание или предупреждение становило ясным. Матушка Анастасия Андреевна пользовалась особым почитанием, она за свою святую: имела от Бога дар ясновидения. Монахини рассказали, что перед самой революцией, в Рождества Христова, по окончании литургии, Епископ закончил молебен и начали прикладываться ко кресту, в собор вошла Матушка Анастасия Андреевна. Она ходила в монашеском манатийном одеянии и с посохом. На всей мантии у нея были пришиты красные, кумачевыя ленты а под левой рукой она несла индюка. Прихожане говорят: «Владыка, посмотрите, что такое с блаженной, что значат эти красные ленточки и в собор она внесла индюка». «Оставьте ее, сказал Епископ, она ничего не делает зря, ей нельзя мешать».
В соборе, как часто бываеть, были с правой стороны перед солеей два кресла под сенью были места для Государя и Государыни, оставленные после их посещения Владикавказа. Она подошла к Царскому креслу, посадила на него индюка, поклонилась ему со всех сторон, взяла его опять по, левую руку и вышла из собора. Взволнованный епископ сказал: «Грозит, как видно опасность: нашему Государю, и на троне его будет другой, нежелательный для России. "
По захвате большевиками власти, ей запрещено было жить в сорном ящике во дворе, и в пересилиться куда-нибудь в дом, она согласилась только на то, чтоб ей из фанерки сколотили крошечную хибарку в одно маленькое окошечко без печки. В холодные зимы морозы доходят иногда свыше 20 гр. Все, кто имел скорбь, шли к ней. Я пошла, постучалась и с волнением произнесла, как полагалось: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя!" Она ответила за дрерью «аминь» и вышла ко мне со словами: «что тебе Мария? » Я поклонилась ей и говорю: «Матушка я не; Мария, Наталия», - она опять: «Нет, ты не Наталия а; Мария, » - гладила меня по щеке и вынесла яблока со словами: «А это деточкам, деточкам».
Каждый раз, что я у ней бывала, она ласково посылала им из принесенного ей почитателями пирожок, то еще, что-нибудь, а сама никогда ничего не ела. Как питалась и чем жива была даже и монахини, не делавшия шага без ее благословения удивлялись.
В монастыре я бывала почти каждый Очень сошлась с моими монахинями, но особенно с доброй матушкой игуменьей. Она не была образованная и, как видно, происходила из крестьянской семьи, но была чудной, смиренной души.

20. Игумения Антонина

Наступил 1922 г. Прихожу я как то к ней и она мне и говорит: «Я хочу открыть Вам один секрет, о котором кроме меня, матушки казначеи, и моей келейницы, рясофорной монахини, никто не знает. Пойдемте». Она провела меня через несколько комнать, и в последней, из которой вела винтовая лестница на чердак, сидела другая игуменья. Я сразу поняла, что это игуменья, т. к. у нея на груди был золотой крест. Она была очаровательна, не только ласковой, какой-то чарующей духовной красотой, но и наружной необычайной красотой. Еще сравнительно молодая. Ей нельзя было дать 40 лет, как ей было. Три месяца, несмотря на зимние морозы, ее скрывали на чердаке, и только изредка спускали вниз в эту комнату, чтоб обогреться. Тайна хранилась полная. Ей носила еду и все нужное только келейница. С ней тоже мы очень скоро сошлись и тоже привязались друг к другу. Она, была очень образованная, из хорошей дворянской семьи.
Она мне рассказала свою историю. Была она игуменьей женского монастыря в г. Кизляре на Кавказе. В начале революции, когда грабили все кругом, и монастыри особенно, к ним ворвалась толпа бандитов большевиков, разорила все, ограбила и застрелила несколько

сопротивлявшихся монахинь.
Когда на короткое время Кизляром овладела Белая Армия, то кто-то неизвестный указал им на лиц, разоривших монастырь и убивших монахинь. Они были расстреляны. Когда же Белая Армия отступила и большевики стали уже полными хозяевами положения, то стали доискиваться, кто выдал их Белым. И вот ее, ни в чем не повинную, обвинили и приговорили расправиться с ней. Господь помог ей бежать ночью, и она дошла до Владикавказского монастыря, где игуменья Феофания ее и спрятала. По всему Кавказу были расклеены объявления: «Кто укажеть местонахождение бывшей игуменьи Кизлярского Монастыря, Антонины, получит за ее голову 3000р. золотом». Целых полтора месяца я с ней виделась почти каждый день. Один раз в очень морозную ночь, когда сверх обыкновения лежало и снегу много, в час ночи стучат в мое окно. Все проснулись и перепугались. Кто ночью может стучать, как не ГПУ? Отдернула занавеску и глазам не поверила. Вижу в белой бараньей шубе матушку Антонину и поддерживают ее с двух сторон мать казначея и келейница Анфиса. «Скорей, скорей отворите, спрячьте матушку».
Вошли! Мы погасили свет, чтоб не обращать ночью внимания и что же услышали? Услышали о необычайном, явном чуде Божием. За несколько дней перед этим, о чем я не знала, пришла в монастырь молодая девица, назвавшаяся княжной Трубецкой. Она в слезах просила игуменью ее принять, говоря, что отца и мать ее расстреляли, имение разграбили и она осталась одинокой в своем горе. Так подделалась и сумела войти в доверье, что игуменья по простоте душевной не только обласкала и приняла, но вскоре рассказала ей о тайне матушки Антонины. Девица тут же скрылась, это был агент ГПУ, разыскивающий Матушку Антонину. В ту же ночь монастырь был кругом обложен войсками, чтоб никто не мог выйти. Пошли с обыском, требуя выдачи ее. Когда кь ней прибежала келейница сообщить об этомь, она сказала: «Ну, что же делать? Если Господу угодно, чтоб меня нашли, пусть будет так, а если на это Его Воли неть, то Он закроеть людям глаза и они, видя, не увидят. Пойдем и выйдем посреди них». На нее надели шубу, пошли и просто вышли на глазах у всех красноармейцев из ворот. Командир кричит: «Кто сейчас вышел из ворот, кого вывели?» Они все слышат, т. к. еще были тутъже за несколько шагов, а красноармейцы отвечають: «Никого мы не видели». «Да как же, вышел кто-то в белой бараньей шубе и две монахини ее вели». Но все отрицають и не понимают, что такое неладное с командиром. Обыскали, перевернули все и должны были уйти ни с чем. Итак, ее привели ко мне. Я конечно была счастлива, что могла ее спрятать, хотя у нас и было очень для нея рисковано, т. к. мы сами ожидали ежеминутного ареста. Я говорю: «Мне больно то, чем я смогу кормить матушку, ведь мы так плохо питаемся», а монахини и говорят: «Да мы будем два раза в день приносить обед и ужин». Просидели они до утра, матушка Антонина осталась у нас, а они пошли в монастырь и скоро принесли ей еду, что и продолжалось ежедневно по два раза в день в течение двух недель, что у нас жила. Ее нельзя было не полюбить. Дети души в нейне чаяли, и даже муж мой, довольно вообще равнодушный ко многому, уважал и с удовольствиемъбеседовал с ней. В то время бывали случаи, что можно было за деньги получить тайное убежище у ингушей в горах. Монастырь хотел это сделать, но они запросили такую сумму невероятную, что и все имущество, оставленное монастырю после ограбления не смогло бы уплатить за нее. Мы решили, что у нас она останется на Божию Волю и ничего не предпринимать, тем более, что мы ее так все полюбили. Она страдала ужасно при мысли, что если ее найдут, то ответит не только она, но и мы. Во всем ее деле было, конечно, чудо и исключительный Промысел Божий. Ведь когда ее в ночь обыска не нашли в монастыре, при чудовищной слежке ГПУ, никто не проследил, куда ходят с едой два раза в день монахини.
Так прошло две недели. Я ей в общей комнате, моей с пятью детьми, отделила уголок за занавеской из марли, где была кровать; над головой — икона и горела висячая лампадочка, принесеннаяиз монастыря. Один раз вижу я, что матушка всю ночь, стоя на коленях, так горячо молится в слезах. Мне через марлю видно, и я спать не могла, ее душевное состояние передавалось и мне Рано утром она обращается ко мне и говорить: «Исполните, пожалуйста, мою просьбу. Пойдите к блаженной Анастасии Андреевне, и ничего не говоря ей другого,

скажите только: «Матушка Антонина просит Вашего благословения». Я пошла, она как всегда вышла с приветствием, назвала Марией, спросила, в чем у меня нужда. Я ей сказала, что М. Антонина просит ее благословения. «Да! Да!... скажи ей, чтоб ничего не боялась, что задумала и о чем молилась, пусть, пусть исполнит, пусть идет в большой казенный красный дом, пусть идет». Я передала Матушке Антонине ее ответ, и лицо ее просто просияло. «Я решила сама себя сегодня отдать в руки ГПУ, я очень мучаюсь тем, что вы ответите за меня, и если молилась, и все же был страх и колебание, то теперь, после слов блаженной меня ничто и никто удержать не может». И дети, и я в слезы. На что можно надеяться. ГПУ ведь это непередаваемая страсть. Она ушла, простившись с нами тоже со слезами, но с удивительно спокойным лицом, как бы просветлевшим и похорошевшим. Она была в мантии и золотом игуменском кресте на груди. Несмотря на все приказы и требования, он не снимала монашеского одеяния. Прошло немного больше часа. Все мы сидели молча, отдавшись горю, и думали о ее судьбе, как вдруг моя 11-ти летняя Наташа, смотревшая в окно, закричала: «Матушка идеть!» Она вошла такая радостная, такая необычайно хорошая, что описать нельзя словами. Вот что она нам рассказала: «Я пришла в ГПУ, дежурный спросил, по какому делу. Я ответила, что скажу и назову себя только начальнику. Подошли другие с требованием подчиниться порядку и зарегистрироваться, я сказала: «Передайте начальнику, что я желаю его видеть, и не ему не подчинюсь». Они пошли и доложили. Тот велел передать, что никому не разрешено нарушать закон приема; я ответила, что хочу говорить только с ним. В это время приоткрылась дверь в коридор, и начальник сам выглянул. Увидев меня, он сказал: «Пройдите». Я вошла. «Что Вам угодно?» - «Вы за мою голову даете 3000 р., я Вам ее сама принесла...» «Кто Вы?» - «Я игуменья Антонина Кизлярского монастыря». Он был до того поражен. что встал и говорит: «Вы? Вы.... Игуменья Антонина. И Вы пришли сами к нам?» «Да, я сказала принесла Вам свою голову. Он достал из из стола мою фотографию, я достала из кармана такую же. «Вы свободны... идите куда хотите!» Когда я уходила, он сказал: «Через год обязан дать Вам какое-либо наказанье по законикто не проследил, куда она пошла из Іникто нас не тронул. Она поселилась открытмонастыре, где прожила год. В последствии я узнала, что ее назначили один год прислуживать в коммунистической гостиннице города Ростова. все так же, не сняла ни мантии ни креста. Ни один коммунист не допускал ее прислуживания, все относились без злобы и оскорблений, и кланялись ей. В 23-м году возможны были такие факты но, конечно, возможны как продолжение бывшего с ней явного чуда. Через 12 лет встретилась в Казахстане г. Актюбинске, где жила высланным туда сыном тоже с ссыльным Архимандритом Арсением. Както то я вспомнила о ней в разговоре, и вдруг он говорит«Матушку Антонину, да я ее хорошо знаю, и могу Вам о ней сообщить. По окончании срока наказания она собрала около себя 12-ть монахинь, поехала в Туапсе, с целью высоко в горах основать тайный скит. В то время многие монахи из разоренных монастырей надеялись отшельнически поселиться; в горах для избавления от гонений болыневиков. Но ГПУ было хитрее. Лесниками были поставлены сыщики и агенты, которые обнаружили все скиты и жилища отшельников, из которых почти все были на месте расстреляны. Когда Игуменья Антон поднялась на верх большой, высокой горы, встретилась с одним монахом из того скита, где был и я. Наши монахи предложили и немедлено исполнили и вырыли, как было у нас, под корнями громадных деревьев вроде пещер для помещения, и затем оборудовали и церковь. Недолго прожили мы, с радостью помогая им в их трудах. Из 14-ти монахов меня одного как еще юнаго, сравнению с другими, не расстреляли, а сослали на 8 лет в дальний лагерь Сибири. По окончании 8-лет в Алма-Ату на поселение. Игуменья Антоник ее монахини были арестованы, но не расстреляны на месте, а увезены. О дальнейшей судьбе этой замечательной монахини я ничего не знаю».

21. Голод

до лета 1922 года прожили сравнительно благополучно, благодаря работе дочери и поддержке моего мужа. Мой сын Петр 14-ти лет, зная, что не имеет прав по окончании семилетней школы

на учение в высших учебных заведениях благодаря своей фамилии, просил отдать его в четырехклассное железнодорожное техническое училище. Это было очень трудно, и принят он был только потому, что директор не был коммунист, и еще потому, что, пройдя всего три класса школы, на конкурсном экзамене сдал его лучше большинства. Здоровье старшей дочери было неважное, слабые легкие плохо выносили Владикавказский климат. Начальство ее службы предложило перевести ее на постройку железнодорожной ветки в г. Нальчик. Нальчикь известен в России как лучший бывший курорть для легочных больных. Мы все с радостью приняли это предложение. Помещение дали нам за 4 версты от города, в чьем-то отобранном фруктовом саду, к плодам котораго, конечно мы не имели права прикасаться, да и сад был всего в несколько деревьев. Кругом во всем этом дачном поселке были роскошные сады, изобилующие обычно прекрасными фруктами, но не для нас. Дачка летня на зиму для жилья не приспособленная и совсем и негодная, но для нас, таких отбросов, как большевики ки называли интеллигенцию, сойдеть и это зимой. Лето прожили. Ирочка служила до августа, когда неожида но прекратили постройку дороги и она осталась бе места. Ей нельзя было исполнять никакой физическ работы, и я стала с июля месяца ездить в осетинсий район, где были казачьи станицы, и работать по уборке хлеба и молотьбе. Поочередно брала с собой кого-нибудь из средних детей, которые понемногу тоже помогали, а Ирочка с младшими двумя оставалась дома. За работу хорошо кормили, и я возвращалась каждые 3-4 дня на один день домой, могла им привозить белый хлеб, арбузы, дыни и даже свиного сала, а по окончании уборки привезла и пшеницы на зиму. Три месяца у казаков было еще в том году чем питаться, за них большевики еще не принялись, но на всем Кавказе наступал катастрофический голод, от которого в городах начали уже умирать. Трудна была с непривычки такая работа, засоряла глаза, жара невыносимая, мне обычно давали одну из самых неприятных обязанностей, это отгребать мякину и солому от машины. Тут нельзя было разнеживаться, приходилось, раз нанялась, целый день работать и стараться не отстать от других. Таня моя подавала снопы в машину, она была, по общему мнению, исключительно хорошенькой, и мое сердце болело, когда молодые казаки шутили и, ухаживая за ней, кричали: «Ну, Танька, не отставай, живей, живей». Дети любили эти поездки еще потому, что в бывшей очень богатой станице, с населением в несколько тысяч человек, нередко бывали похороны, а священник, очень сочувствовавший тому, что я должна из-за бедности наниматься к крестьянам, водил нас на поминки, что свято, традиционно поддерживали казаки. Обычно во дворе поставлены были нищенские длинные столы, сколоченные к этому случаю из досок. Табуретки и скамеечки для сиденья были только для священника, для причта, учителя школы и родственников покойнаго; меня с детьми, вероятно, по просьбе священника, всегда и включали в их число, а все прочие, которых набиралось иногда больше сотни, главным образом из городов потянувшихся побираться из-за голода, сидели просто на земле. Тут подавался обычно жирный свиной суп или борщ, разные пироги, жаркое, непременно взвар и без конца домашнего пива и пухлого белого хлеба, сколько хотели. Не прошло года, как казаков за буржуйство стали уводить в Сибирь, и станичники рады были бы сами у кого-нибудь просить хлеба, а голод усиливался с неудержимой быстротой. По окончании работ я целые дни ходила с детьми в лес, примыкавший к дачам. В начале его была масса диких яблок-кислиц, диких груш и мушмалы. Дальше в горы уходил девственный буковый лес, деревья в два обхвата и больше толщиной. «Куда ты, мамочка, набираешь, смотри же, ведь половина балкончика завалена?» Я отвечала: «Ничего все пригодится, можеть, это будеть единственным нашим питанием и спасет от голодной смерти».

Население там кабардинцы. Народ довольн мирный, но ненавидящий с самого начала большевиков, но не всех русских. Интересно, что если им попадался русский в руки, то они, мусульмане, заствляли показать, есть ли крест на груди, и если крест оказывался, то отпускали, а кто без него, тех час: застреливали. Конечно, не из-за уважения к кресту, они слышали, что на ком крест, тоть не большевик Скоро на коммунистах-безбожниках, которым по каким-нибудь обстоятельствам грозила опасность от кабардинцев оказывались кресты. Цель

оправдывала средства. Когда я у ни просила поискать картофель на уб ранных местами полях, то они всегда не только разрешали, а сами бросали в корзинку несколько штук картофелин, которыми мы и питались ежедневно стараясь растянуть муку, смолотую из заработанной пшеницы. Ходили кабардинцы всегда с ружьем Городской судья Нальчика только что женился, я его молодую жену знала. Они пошли гулять и зашли довольно далеко в лес. Вечером не вернулись, другой день тоже. Заявлено было в ГПУ. Стали иск и нашли обоих застрелянными.
Прошел сентябрь, перебились. В октябре начали голодать. Петю я отвезла во Владикавказ в училии где его поместили в общежитие. Кормили крайне мало и плохо. Местное население могло ученикам, своим родственникам, все же чем-то помогать. Здоровья он был слабенького, все по той же причине страданий наших от большевиков. После тяжелого ревматизма, и суставного, и мышечного всего тЬла, после неве роятных страданий, когда нельзя было до него дотронуться, так мучился 9-летний мальчик, он стал медленно и долго поправляться, но у него остался эндокардит сердца. Было это еще Ярославле, в 17-м году. Был холодный день, он лежал в тяжелой ангине, с очень высокой температурой. Мальчиком был напуганный уже и очень впечатлительный. Прибежал кто-то прислуги сказать, что через кухню идуть несколько чекистов с обыском. Мне помогала при нем сестра милосердия. Она говорить: «Он в жару, перепугается, снесите его скорей к доктору, напротив». Я завернула его в одеяло и через улицу отнесла его. Доктор этогь его и лечил. Мальчик все же был сильно испуган. Доктор сказал, что его нельзя было трогать при той особой форме ангины, что у него была. Болезнь осложнилась и он полтора месяца пролежал в этих страданиях, а затем началась пляска Св. Витта. Четыре месяца его всего корчило. Господь дал, он поправился, но болезнь сердца осталась, что всегда служило моим страхом за него. Это была еще главная причина, почему я не могла бежать в 17-ом году за границу. Долгое время его приходилось носить на руках, а было еще двое маленьких. И вот я ничем не могла ему помочь в питании. Ъздила его навестить в конце ноября. Повезла диких груш и одна добрая женшина дала мне для него три яйца. Это было такое ценное сокровище, и я представляла себе, как его бледное личико осветится улыбкой, когда я выну ему три крупных яйца. Я не выпускала, конечно, из рук узелочка. На станции Беслан поезд нужно было дожидаться целую ночь, мороз был свыше десяти градусов. Страшная картина кругом: старики, взрослые люди, дети качались на ногах, как скелеты худые и стонали от голода, везде трупы. Я долго не могла войти под крышу вокзала, там было так набито, что это была одна масса стоящих плотно один к другому живых и мертвых тел. Если бы я сама не видела и не испытала, то, кажется, не поверила бы. Несмотря на всю заботу об узелке, у меня его выдернули. Это было для меня истинным горем, как приеду я к своему дорогому мальчику с пустыми руками? Я горько плакала и, прозябши, втиснулась в вокзал. Казалось, булавке упасть некуда, а все более и более сдавливали эту массу входившие полумертвые люди. Простоять пришлось до утра. Стоявший рядом в красноармейской шинели неумышленно встал мне сапогом на кончик ноги. На все мои просьбы сдвинуть ногу он этого не мог. Много леть после этого палец болел, он был утром совсем черный и онемелый. Как только рассвело и скоро должен был подойти поезд, стали из вокзала всех выгонять. Дрожь пробирает при воспоминании. Тех, кто сам ходил или еще мог двигаться, просто выталкивали, а мертвых, умерших стоя, брали за голову и за ноги, бросали на большия телеги и сбрасывали за станцией въяму. Я сама видела, как некоторые еще двигались, если кто-нибудь обращал на это внимание увозивших, они цинично заявляли, все равно помруть. Подошел поезд, я только что села, как вбегають двое, по виду жулики, спекулянты, которых тогдабыло без счета, и бросили мне под ноги мешок. Мешок с чем-то мокрым, я отодвинулась, этовиделаженщина, сидевшая напротив. Мешокь лежить, никто не идеть, а уже подъезжаем к Владикавказу. Когда приехали, то я дождалась, пока все вышли и никого больше неть, а мешокь Тут. Попробовала поднять, с пуд будет, пахнеть селедками. Ни кондуктора, никого. Подняла и вынесла из вагона, думаю, надо отдать милиции. Выхожу, женщина меня дожидается. Спрашивает «Вы куда с мешком?» Я говорю: «Да хочу в милицию железнодорожную отнести». А она говорит: «Это чтоб Вас посадили! Ведь ясно, что это. На станции Бесланъбыл обыск и ловили воров,

спекулянтов. Эти двое, что бросили мешок конечно, должны были скрыться, вот и все дело». Она взвалила себе наплечо мешок и говорит: «Идемте скорей». Пошла вперед, я за ней в большом смущении, не зная, что она хочеть делать и кто она. Пройдя две улицы, она вошла под ворота какого-то дома, переложила в свой мешокъполовину селедок и говорит: «А это берите и не бойтесь, да скорее, пока никто не видел». В таком положении в жизни я никогда не была, чужое, можеть, краденое, а я возьму! А друтой голос шепчет: «Петя голодный, это тебе вместо украденного мешочка послано и хозяин все равно не найдется». Взяла и принесла Петь, хоть без хлеба, а все же еда. А он еще как рад был им. Потом, конечно, каялась, но воровством моего поступка священникъне признал.

22. Нальчик

Побыв у него немного, я должна была ехать обратно в Нальчик. В Беслане удалось почти сейчас же втиснуться в товарный вагон. На станцик Нальчик приехала в восемь часов вечера. Идти одной четыре версты невозможно. Решила просидеть ночь и утром рано идти. Железнодорожная милиция (иными словами ГПУ) не разрешила и приказал уходить. Думаю, пойду, буду стучаться в дома может, кто и найдется добрый и пустить переночевать; знакомых никого. Подходят ко мне трое мужчин, хорошо одетых, и спрашивають: «Что Вы так раздумываете, куда Вам идти?» Я говорю: «На Долинские дачи». —«Идемте с нами, мы врачи санатория. Когда подходишь к дачам, то дороги расходятся, но мы Вас проводим до самой дачи». Я долго отказывалась. Снегу было в том году очень много. На мне мужские, солдатские, грубые сапоги, т. к. обуви у меня не было никакой. Обычно я ходила в так называемых Кабардинских поршнях. Это сшитые просто колпаки с острым носком, много больше ноги. Кабардинцы обматывали ноги спервa Кявказским теплым сукном, затем соломой и сверху опять сукном, как в России онучи. Поршни были из сыромятной коровьей кожи и всегда должны были мокнуть в воде, т. к. насыхали и их только мокрыми натягивали. Я же не имела ничего, чтоб обмотат ноги, и натягивала мокрые поршни прямо на ноги, и они превращались при ходьбе в морознвие дни в ледяные корки. Господь хранил, и я не получила ревматизма. Так вот, сосед по даче, молодой мужчина, дал мне свои громадные сапоги. Я стала доказывать врачам, что не смогу за ними поспеть, что я стерла ноги и палец болит, но они очень любезно настаивали и уговорили.

Я не сообразила, что они просто думали найти во мне собеседницу, в чем они ошиблись, ошиблась и я, т. к. это были советские врачи, в чем и убедиласв. Ночь была лунная, но небо сильно покрыто тучами, так что было то светло, то темно. Налево за рекой, в горах раздавался ужасный вой шакалов, или, как там называют, чекалки. Врачи говорят: «Лишь бы волка не встретить, они ночью бродять в этих кустах». Вдруг один шепнул: «Скорей за кусты и присядьте!»

Ъхал верхом кабардинец с ружьем. На фоне гор, при свете луны, в бурке, —это было красиво. К счастью, с ним не было собаки и он нас не видел, а иначе, как врачи говорили, хоть одного, он уж пристрелил бы. Тучи покрыли луну и стало много темнее. Начал падать снежок. Мы прошли немного больше половины дороги, когда повалил густой снегь и поднялся ветер при морозе. Доведя меня до расхождения дорогь, они мне заявляют: «Нам не по дороге, нам налево идти, а Вы теперь около дачи и не собьетесь» Просить их было бы бесполезно, да я и не хотела, но испугалась, нигде ни огонька и дороги не видно. Снегь шел сплошной массой. Я сразу сбилась и не попала на дорогу к дачам. Неожиданно упала куда-то вниз, в сугробы снега. Когда отошла оть испуга, то сообразила, что упала с насыпи строившейся железнодорожной ветки. Видны стали силуэты деревьев. Я попала в лес. Полотно железной дороги я сразу потеряла, но мне думалось, что нужно идти направо. Шла лесом в полной неизвестности. Тучи немного разрядились, и я стала различать кусты, которые ночью казались мне то волком, то кабардинцем, то какими-то чудовищами, протягивающими лапы. Форма колючих кустов, диких груш, терновника и других сама по себе какая-то фантастичная, а ночью—особенно.

Долго ходила я и боялась попасть в дикий букови лес. До рассвета еще далеко, ветер холодный и усиливался, и снова пошел снег, ноги болят. Второй раз упала и на этот раз пролежала несколь минут, не будучи в силах подняться. Мысль о том что здесь, где-то близко, на даче мои дети одни и подозревают о моем неминуемом, казалось замерзании, была ужасна. Наконец поднялась пошла дальше. Наткнулась на терновник, чувстввую что это не одиночный куст, а как бы сплошная изгородь, и пошла, касаясь ее, думая, значит, тут жилье.
Исколола руки, вижу свет в окошке, шагов за 30 за изгородью. Что если я попала в кабардинский аул Первое, набросятся собаки вроде волкодавов, а затем и сами они не очень-то любезно встретят, если собаки; не разорвуть. Чувствую, открытый проход и пошла огонек. Дальше ничего не помнила. Когда пришла в сознание, то вижу, что около меня стоять мои, две старшия дочери, перепутанные и в слезах. Тут же старик-хохол, по имени Павло, его жена и сын Поселок дачный очень большой, и я, милостью Божьей, зашла лесом с другой стороны его. Изба Павло была крайняя у леса. Старик рассказал мне «Слышу я, что кто-то закричал «помогите». Я говорю сыну: «Ты слышал?» А он: «А что?» —«Да ведь человек закричал «помогите» и голос женский> сын говорит: «Ну кто же, отец, в такую метель; бурю, да еще в такой час ночи может ходить Старик взял фонарь и говорить: «Идем, я ясно слышал». Вышли и видим, что в снегу недалеко лежит человек.
«Да это же наша знакомая барыня с дач!: назвал улицу. Они меня подняли и принесли к себе в избу. Сын пошел сообщить моим детям. Это второй раз я замерзала, и второй раз Господь спас Снег и мороз держатся в Налвчике недолго, скоро он растаял, стало в Декабре днем тепло, как весной, только очень грязно было, а ночью небольшие морозы. На даче сырость невозможная и холод Железная печка была, но дров не было. Недалеко приблизительно около версты от дачи, в лесу был оврагь, в котором по обоим склонам заросли орешника и много сушняка. Почти каждые три д рано утром, пока дети спят, брала топор, два ремня и большую соседскую собаку, которая ко мне привязалась, и шла одна в овраг. Дочерей, несмотря на просьбы не ходить одной, я не брала из-за возможности встречи с кабардинцами; я рубила длинные жерди орешника и перевязывала ремнем Было иногда невыносимо тяжело, но я вообще не унывала духом и все мне всегда казалось легко что можно по силам исполнять. Я волокла по земле сперва одну связку, бросала ее, пройдя саженей 15, затем шла до другой и так вплоть до дачи. С едой становилось совсем плохо, груши и мушмала подходили к концу. В конце ноября приходить сосед и говорит: «Хотите мяса?» —«Конечно, хотим, хотим!» —ответили в один голос. «Ну так идемте, в овраге лежит мертвая, еще мягкая лошадь. Как видно, сломала ногу и кабардинец ее застрелил». Он шел снять шкуру, а трое детей старших с топорами, которые он принес им, чтоб нарубить мяса, пошли за ним. Пишу трое, т. к. за несколько дней перед тем пришел из Владикавказа Петя 14-ти лет. Высшее школьное начальство узнав, что в железнодорожном училище учится дворянин, приказало немедленно его исключить, хотя он был одним из лучших учеников. И вот бедный, совсем голодный, прошел около ста верст один пешком.
Сосед содрал шкуру, я пошла с двумя маленькими навстречу. Идти с ними смотреть, как рубят лошадь, я не хотела. Уже издали слышу их веселое пение и смех. Я взяла у них заднюю ногу, которую, конечно, поднять не могла, хотя лошадь была небольшая, положила копыто на плечо и волокла ее по жидкой грязи, а дети несли, кто сколько был в силах. Этоть же сосед, добрый парень, тоже хохол, дал кадку, и у него был запас соли, которой он нам тоже дал. Он помог разрубить конину на мелкие куски. На другой день мы ее промыли в быстро текущей реке и посолили. Того, что принесли, хватило на месяц. С каким же наслаждением ели, как будто самое тонкое лакомство. Кончили, и опять есть нечего. Старшая дочь просит: «Отпусти меня, я поеду в Батум, там, говорят, хорошо, я буду искать какого-нибудь занятия». Сперва я и слышать не хотела. Как я могу отпустить 18-летнюю, хотя и очень разумную, ее одну в такое ужасное время. Она настаивает, доказывая, что все равно здесь мы умрем голодной смертью. Да, нужда, нужда безысходная могла одна заставить меня согласиться. Билет ей дали безплатный в пассажирском поезде, т. к. до того, как я писала, она служила на железной

дороге. Сварили последний запасной кусок конины, дала я ей последние ничтожные деньги. Она уехала, а я от отчаяния и упрекая себя, что отпустила, не находила себе ни места, ни покоя. На восьмой день приходит со станции неизвестный человек и говорит: «Идите скорей на станцию, Вас зовет Ваша дочь, она сильно больна и не можеть идти». Опять тот же сосед запряг телегу и сам повез меня. Бедняжка моя, она заболела дорогой по возвращении из Батума, где ничего не смогла устроить из-за безчувственного и безчеловечного отношения людей. Заболела сыпным тифом. Ее на одной станции взяли из вагона и положили в больницу. Только вера, молитва и сила воли могли сделать то, что она сделала. Решив, что умреть где-то одна в больнице, а не около меня, она в сильномъжару сбежала, села в товарный вагон и приехала в Нальчик, но уже идти не могла и лежала на платформе в уголке. Я привезла ее домой. Не забуду ее счастья. Из санатории попросила придти врача, рассказав все горькое положение. Пришла чрезвычайно отзывчивая, леть сорока, женщина врач, оказавшаяся крещеной еврейкой. К вечеру сделался жар у Андрюши маленького, и он слег в воспалении легких. Такого сердечного отношения, как у этой докторши, я никогда не могу забыть. Она не только приходила за полверсты, иногда по два раза в день, но и приносила обоим моим больным что могла поесть. В то время Господь хранил для земной жизни моих детей. Никто из остальных тифом не заразился. Об изолировании не могло быть и речи. Как Ирочка, так и Андрюша, не отпускали меня от себя, и я большую часть дня и ночи проводила, сидя на кровати у ней с Андрюшей на руках, а ночью прикладывалась около нея, а с другого боку Андрюша. Проболев долго и серьезно, они поправились. Рано рано утром мне все же приходилось их оставлять и идти за дровами. Мужа давно не было. Он уехал искать работы на более южный Кавказ. Надо было что-нибудь решать, и мы нашли, что лучше вернуться во Владикавказ, там все же легче найти работу и монастырь поможет. Переехали, т. к. в товарных вагонах ездили безплатно. Было пятнадцатое февраля. В тот же день посчастливилось найти полутемную комнатку в полуподвале, - грязную и неудобную, но и за то благодарили Бога.

На железной дороге Ирочку не приняли, хотя она лишилась места только из-за прекращения постройки железнодорожной ветки. Она буржуйка, как нас называли, и новый начальник, коммунист, не согласен был дать службу. Состояние ее здоровья несмотря на перенесенный тиф и голод, при Нальчикском климате все же стало лучше. Он выглядела свежей и немного пополнела. Ее я не пускала сама каждое утро стояла на базаре и брала какую угодно работу, и пирожки продавала, и вышивки брала делать, и шляпы шить, и кирпичи носить, а она оставалась дома с младшими. Против обычных правил природы во Владикавказе в это время вдруг наступили морозные дни. Один день деревья, как на севере, все покрылись инеем, мороз был свыше десяти градусов. Иду я как-то по монастырскому двору, где как и прежде бывала каждое свободнс время. Навстречу мне идет быстро, опираясь на посох, блаженная матушка Анастасия Андреевна. Ее тоже по-прежнему посещала. Когда я о ней писала, забыла сказать, что она была сильно горбатенькая. В монастыре я узнала, что это не горб, а она носит спиной 1 пуд песку и на ней вериги и власяница.

Так вот, она идет быстро, мантия на ней развевается. Увидев меня, поманила к себе рукой опять, называя Марией, говорить: «Мария, Мария, иди. скорей в собор и приложись к иконе Матери Божьей, что на аналое, в правом приделе, Матерь Божия с Младенцем на руках замерзла». Я с удивлением и страхом спрашиваю: «Как же замерзла, Матушка?» А она опять: «Да так вот и замерзла. ».. Потом подняла свои голубые глаза к небу, несколько секунд посмотрела и вдруг озарилась улыбкой и, обратившись ко мне, сказала: «Только запомни… не навсегда!» И пошла дальше. Матушки Антонины уже не было, монахини перебивались сами полуголодные, и я не могла искать их поддержки. Весной как-то еще бывала работа, а летом совсем стало плохо. Три месяца, май, июнь и июль мы не видели ни золотника хлеба и питались, покупая полугнилую картофельную шелуху, иногда платя по 15 миллионов за ведро. Тогда копейки расценивались миллионами. Это были года Нэпа, но для нас это не играло роли и было одним из самых тяжелых периодов нашей жизни. как-то шла я по городу с маленьким Андрюшей. Навстречу идет женщина, и в руках у нея большая белая булка. Бедное дитя, он

вздохнул и сказал: «Какая счастливая». По щечкам его текли крупные слезы. Первый раз в жизни я попросила милостыню в виде кусочка хлеба. Она отломила и дала Андрюше.
Один раз я стояла на базаре в ожидании предложения на работу, как обычно босиком из-за отсутствия обуви. Рядом со мной стояла молодая дама и держала на руке платье для продажи. Время шло, никто мне не дал работы, а она стала плакать. Я спросила, отчего и о чем она так плачет. —«У меня муж, бывший офицер, и трехлетний ребенок умирают с голода, я вынесла свое последнее платье и не продала. Что мне делать? Как вернусь домой с пустыми руками?» И разрыдалась! Я ничем не могу помочь, у меня ничего нет у самой, все же говорю ей: «Дайте мне Ваш адрес, я ничего не имею, но подумаю, что сделать». Она в слезах пошла кь себе, а я пошла и думаю: «Ведь вот, что я сделала, я дала ей какую-то надежду и ведь без основания. Ну вот что, первому, кто мне встретится, хорошо одетому и по виду не нуждающемуся, я отдам этот адрес и попрошу помочь». Мне нужно было проходить церковным двором. Я вхожу с одной стороны, а с другой входить дама в трауре. На ней элегантный английский костюм, и весь вид ее мне показался подходящим для моей просьбы. Когда мы поравнялись, я извинилась и говорю: «По Вашему одеянию и виду я решаюсь дать Вам этот адрес с просьбой помоч». Я рассказала ей о нужде и слезах той молодой дамы. Она говорить: «Конечно, я с радостью немедленно помогу и сделаю, что возможно, но Вы не можете ли мне помочь в одном деле?» Я говорю: «В чем же я и кому могу помочь?» —«Не знаете ли Вы, где мне найти одну даму (и называеть мою фамилию), я по всему городу ее ишу и никто не можеть мне указать, где живет в страшной нужде с пятью детьми». Я ничего не нашлась, что ответить, но очень смутилась. «А я не с Вами говорю? Когда я только издалека Вас увидела то сразу поняла, что это Вы!» Я ответила: «Да, это моя фамилия. ».. Она очень обрадовалась и взяла мой адрес. Вечером подъехала тележка, и какой-то молодой рабочий привез от нее целую массу разных продуктов. Тут были и белые хлебы, и постное ма и крупы разные, картофель и даже сахар.
В приложенной записке она просила меня придти к ней. О радости детей и моей говорить нечего. Тут только дети сознались мне, что не хотели меня огорчить и что помимо картофельных очисток они ходили: в мое отсутствие по чужим помойкам и выбирали корки от дынь и арбузов, и ели их. Фамилия доброй дамы—Шнейдер В. П., муж ее—профессор биологии. В течение двух месяцев она снабжала нас всем необходимым, а я шила ей и ее мужу белье чинила и старалась отблагодарить как могла работой Они уехали в Москву, а я с детьми в г. Дербент где муж устроился на работу и предлагал нам приеехать к нему. Я радовалась тому, что продвинемся много дальше к югу Кавказа, где совсем другой климат Снегь дольше одного дня не держится, морозы реди в январе погода большею частью такая, как у нас в конце марта в Ярославле. Не придется так хлопотать о топливе да и, по слухам, о голоде в то время там мало было слышно; он пришел через год и ту; там на базарах тоже стали продавать сомнительные люди сомнительные тонкие пирожки из картофеля начиненные мясом, как упорно говорили, человечьим. Это весьма возможно, т. к. в местах абсолютного голода люди часто пропадали безследно не только через ГПУ), и часто люди ели своих умиравших тоже от голода близких. Были очевидцы того, какь матери ели своих детей. История когда-нибудь раскроет эти ужасы и подтвердит факты а сейчас еще слишком у всех велик страх, даже спасшихся за границу, чтоб решиться это опубликовать.

23. Дербент

Муж мой устроился на обеспеченное место по восстановлению разоренной школы плодоводства и огородничества. Я везде и всюду наслаждалась природой. Подъезжая к Дербенту, была в восхищении город на самом берегу сине-зеленого, всегда волнующегося Каспийского моря, он поднимается; отлого и мало заметно в гору, покрытую виноградниками. На вершине ее—старинные живописные развалины большой крепости времен Тамерлана От нея на некотором расстоянии Персидский квартал собственно персидских татар, а ниже, опять некотором расстоянии, еврейский. Тамошние евреи обижаются, если их называют евреями, а

не жидами, какь было в ветхозаветные времена. Внизу у моря население разнообразное, смешанное, много русских, большею частью поселившихся там уже после революции. Погода была теплая, как летом. Квартира, в которую мы приехали, была совсем обособленная. Такъбыло хорошо. Небольшой домик бывшего владельца школы был окружен гранатовыми кустами, которые поразили меня не только красотой, но и тьм, чтоувешанные уже совсем спелыми гранатами, они одновременно покрыты бутонами и красивыми красными, словно из воска вылитыми, плотными цветами. Я не знала, что это в природе бываеть. Мне объяснили, что это исключительное свойство только гранатов; они весь год дают плоды и одновременно цвеТут. Аромата никакого. Инжирь, по-нашему виннаяя года, миндаль. грецкий орех и тутовое дерево(шелковица) составляли красоту; и богатство садаНа небольшом расстоянии—вспаханная кое-как земля с засохшими виногра; ными лозами. Плоды рук большевистских орд, уничтожавших и приводивших в негодность частно-владельческие имения, каковым была до революции школа плодоводства и огородничества. Владелец был русский. Еврейские виноградники были в 23-м году еще в руках собственников. Мы как в рай земной попали. Младшая доч, из двух старших моих, которой шел семнадцатый год, поступила на службу в железнодорожное управление. Старшая, познакомившись еще в 22-м году с одним бывшим офицером Деникинской армии, не смогшим уехать из России и чудом уцелевшим, стала его невестой.

Недолго продолжалось наше счастье. Всего через месяц муж мой ушел с работы. У него не было терпенья оставаться подолгу на одном месте, и он искал чего-то новаго. Нового не нашел, т. к. получить в то время дворянину службу было крайне трудно, и с квартиры пришлось съехать. Опять поиски, опять трудности существования. Нашли помещение на земляном полу в саманном домике, закоптьлое и все внутри в паутине. Все лучшее в городе занято. Вечером того же дня, когда мы чистили и устраивались, случилась опять страшная беда с моей бедной, чудесной во всех отношениях Ирочкой. Она, всегда сдержанная и терпеливая, закричала не своим голосом. Я стояла рядом, она отмахивается головой оть чего-то с ужасным криком. Ее укусил скорпион и впился в шею. Я не подозревала, что они там водятся. Он упал на землю. Прибежали три сестры, пожилыя хозяйки, засуетились, принесли пузырек с каким-то маслом, влили в оставленные скорпионом от укуса дырочки, миллиметра по два, да пожалуй и больше, шириной, и этим же маслом смочив вату, привязали к больному месту на задней части шеи под волосами. Это оказался настой из скорпионов же, единственное средство, могущее спасти оть смерти после их укусов. Боль стала утихать, и милостью Божьей воспаления не появилось, моя дорогая скоро поправилась. Вся прелесть природы для меня исчезла. Скорбь и Божье милосердие в этих скорбях были со мной и с детьми тогда везди всюду. Святитель Николай был с нами. Пишу тогда, т. к. это было видимое, осязаемое и глазами, руками Его Милосердие. Теперь, утратив всех дете до одного, я Милосердие Его понимаю и надеюсь на Него. Всех нас для будущей жизни вечной Он призываеть скорбями и печалями (и меня, и, может быть, еще живого кого-нибудь из детей). В этой комнатке мы не остались жить, несмотря на увещания очень приветливых трех хозяек, убеждавших нас что укусы скорпионов не есть обычное явление, а редкие и исключительные несчастные случаи.

Петя, не имевший, как я писала, права учиться в каком техническом или ремесленном училиг не говоря уже о высшем, по окончании семилетки (как назывались эти школы), не дающия никакого образования, выразил желание практически проити начальную техническую науку, и принят был в железнодорожное депо учеником-подмастерьем. Не раз вспоминалось выражение Толстого «крутые горки». Да, этот мальчик с пороком сердца ирасположением к повторению суставного ревматизма пережил поистине «крутыя горки». Всегда тихий, кроткий, терпеливый, он нес великий крест не по годам твердо и мужественно, поставив себе целью образование, чтоб по возможности скорей встать на ноги и быть мне помощником. На предложение вступить в комсомол он отказался. Это было можно, но отказавшиеся брались на заметку ГПУ и не могли быть уверены в будущей судьбе своей земной жизни при большевиках. Все верилось тогда, что не выдержить народ Божьяго наказания за отступление от Него,

обратится с покаянием, и придет конец всем мукам, но большинство русского народа равнодушно смотрело на уничтожение, на муки всех лучших людей, остававшихся верными Богу и не поклонившихся зверю. Первый год был для Пети ужасен. Коммунисты-машинисты издевались, посылали не раз в день за водкой. И не было той самой трудной работы, которую не возлагали бы на него, когда никто не хотел ее исполнить. Вот примеры тому. Безснежной зимой, в мороз, при буре с моря падал не снег, а замерзающий в льдышки дождь грушевидной формы. К берегу прибивало замерзших диких уток, с телеграфных проводов падали воробушки. Депо находилось на самом берегу моря. В тендере, полном водой, показалась течь, нужно было найти пробоину. Приказ коммуниста, начальника депо: «Полезай в воду и найди пробоину». Все комсомольцы отказались бы, а ему нельзя, просто расстреляли бы за неповиновение властям. Как был в сапогах и кожаной рабочей куртке, больше часу мой мальчик простоял по плечи в ледяной воде, пока отыскал пробоину. Пришел домой весь во льду, долго нельзя было снять сапог. Я думала, что потеряю его теперь, так невозможным казалось, чтоб он не заболел. Но у Бога все возможно. Другой раз нужно было заклепать низ у паровоза, стоящего для починки над канавой, куда стекал мазут, и тоже в морозный день, лежа на спине, в мазуте, он должен был исполнить эту ужасную работу, которую иначе, как лежа, нельзя было сделать. На следующий год отношение к нему стало немного лучше, и эти бесчеловечные души признали в нем тихаго, доброго товарища, всегда готового помочь всем и каждому. Да, много радости материнской о детях, но переживания их страданий невыносимы. Как легко было бы, если б все их мучения можно было бы взять на себя. После укушения Ирочки скорпионом нам дали квартиру в две комнаты от железнодорожного управления, ввиду службы Пети в депо. Муж поступил на работу по лесничеству за двадцать верств от Дербента. Зарабатывал Петя деньгами крайне мало, но зато мы получали хлеб и кое-какие продукты, зарабатывал муж и уделял и нам понемногу. Жить крайне скромно, но было можно. Так как мы приехали в самом конце сентября сбор поздних сортов винограда еще не был закончен, и виноделы-евреи без отказа приним на поденную работу, платя по ведру любого сорта винограда. Конечно, и я, и дети ходили, но мы; запоздали, и через несколько дней сбор был окончен. Там евреи все занимались виноделиеми как я писала, в то время были еще хозяевами своих садов. Вино делалось самым примитивным, вероятно, еще ветхозаветным способом. В громадном чану, сажени в полторы в диаметре, стояло три-четыре человека с засученными выше колен брюками. Они босыми ногами давили виноград, сок вытекал через кран. Вино прекрасное, но я всегда старалась не вспоминать этих босых ногь. Любили мы также ходить собирать колосья пшеницы сжатых полях в горы, с которых открыва чудесный вид на море. И тут природа была: отравлена: такого количества блох, как та возможно, от близости грязного персидского квартала, я себе не могла представить, они буквально тысячами нападали и особенно облепляли босыя ноги. Муж мой жил около маленькой станции посреди леса. Я очень интересовалась необычной для севера кавказа растительностью. Первый раз воочию видела что такое лианы и как они опутывают лес. Од раз видела небольшую змею, висевшую головой вниз держась хвостом за сучек дерева на большой высоте Что мне нравилось, так это масса чудесных шампинионов, попадались белые грибы. Я часто ездила туда и рано утром, почти у самой станции собирала их, сушила на зиму. Большинстро колоссальных деревьевъ—дубы, и мы собирали желуди на кофе. Поглубже в лесу, больше открытых местах, росла дикая айва В то время я не работала и могла отдохнуть,: хотя голод надвигался. как-то пошла посмотреть еврейский квартал. Моя заветная мечта была попасть хоть когда-нибудь в жизни в Иерусалим. Помимо духовного стремления кь Гробу Господню и Святыням Палестины, меня интересовали ветхозаветные постройки городов, улиц и вся природа, о которой я много читала и видела на картинах. Даже после свадьбы меня не интересовала обычная поездка; в Париж или Италию, я очень просила мужа согласиться на поездку в Иерусалим, но он не разделял моих мнений, считая их пустой выдумкой. Еще только подходя, я обрадовалась: мне прехвилось это селение уголком Иерусалима. Я хотела пройти осмотреть подробно внутренние дворики и помещения, ознакомиться хоть поверхностно с бытовой жизнью тамошних евреев, как вдруг при первых же

шагах на меня буквально набросились две старыя еврейки, выскочившия из домов, и стянуть одна к себе, другая к себе, быстро говоря что-то на своем языке. Я, конечно, ничего не понимала и никак не могла догадаться, в чем дело и что им оть меня нужно. Кое-как отбилась от вцепившихся в меня рукь и быстро пошла домой, сопровождаемая недружелюбными криками.

Оказалось, что была суббота и они не имели права зажечь огонь. В печи все приготовлено, заправлена еда, сложены дрова, подложены щепки, рядом лежат спички, но поджечь имеегь право только христианин, но не еврей. Вероятно, магометанам тоже не давали поджигать, т. к. их там всегда проходило много, но их не зазывали. Мне сказали, что я нанесла большую обиду этим двум старым еврейкам.

Удивительно и интересно, как они вообще стараются обойти свои законы. Напротив нашей квартиры жило богатое семейство. Вижу я один раз такую картину: к воротам подъехала коляска с парой хороших лошадей. За ней шло не менее тридцати женщин в чадрах, но чадры у них не спущены на лицо, а приподняты над головами. На левом плече они несли амфоры с водой. Они разделилиь: две стали у задних колес, две у подножек коляски, две у передних колес, а остальные перед лошадьми попарно. Из ворот вышел мужчина и старая еврейка, держашая на руках новорожденного ребенка в богатом голубом одеяльце. Они сели в коляску, и в момент, когда кучер подобрал вожжи, все еврейки стали обливать колеса, и т. к. лошади шли шагом, то они поливали перед ними дорогу. Оказалось, что восьмой день младенца пришелся в субботу, его везли в синагогу для обрезания, а в субботу евреи могли ехать только по воде.

Очень красивы были церемонии их свадьб, которыя я видела на улице. Богатейшие парчовые, всех цветов, вроде сарафанов платья, блестевшие золотом, белыя чадры. Впереди жених с невестой, у ней чадра опущена на лицо; затем родные, родственники, знакомые, за ними приданое. Сперва несут громадный белый хлеб, не меньше аршина в диаметре, весь расписанный золотом, затем шкатулки с ценностями, а дальше на ослах сперва перины, подушки, одеяла и сообразно богатству без конца сундуков. Что очень надоело, так это чуть ли не на каждой улице где-нибудь плач по умершим. Двери всегда на улицу открыты, и вы видите, как на полу на циновках, поджавши ноги, сидят кругом таганки с огнем женщины-плакальщицы в черных покрывалах и, подражая плачу, тянут заунывные причитания. Время плача зависит от размера состояния родственников покойника. По бедньш плач могь быть несколько дней, а чем богаче, тьм дольше, иногда целый год. Число плакальщиц тоже зависит от средствъ

Видела я, как хоронили они покойников. Они не дают даже часу пробыть ему дома, а как умрет, то чем скорее, тем считается лучше, его заворачиваютъв черное (без гроба) и несколько мужчин бегуть с ним что есть мочи на кладбище. Видела то, что читала только в Библии, как рвут на себе волосы, разрывають в клочья на себе одежду, не только в горе, но и при ссорах между собой, а ссоры между ними всегда и везде, даже на улицах при людях. Озлобление доходит до того, что пускают ножи в ходъ

Мы пробыли в Дербенть два года, и там начали применяться большевистские законы. Учет виноградных плантаций был не только в целом, а бралось на учет количество лоз и всех фруктовых деревьев. Затем частное имущество стали забирать, и в конце концов, при учете населения все владевшие прежде виноградниками и садами попадали в Сибирь. Как я узнала после, эти евреи с их ветхозаветным патриархальным бытом и верой не избегли той же участи. Они, эти евреи, не были подведены под общий уровень пользовавшегося всеми правами и привилегиями советского еврейства

В. персидском квартале не было ничего особенно интереснаго. У евреев везде там была чистота как в домах, так и в задних двориках, даже у каждаго, даже самого беднаго, был фонтан. У персов грязно, они производили впечатление какого-то дикого народа, не слыхавшего даже о примитивной хотя бы культуре, в чем можно было убедиться по их празднованиям и суевериям. В том году было полное лунное затмение. В момент наступившей

темноты из селения их раздались невообразимые звуки и вой. Петю моего молодые товарищи по службе позвали с собой к тому времени, чтоб посмотреть, как персы будуть прогонять нечистую силу, укравшую луну. Все, от мала до самого дряхлого старика, поднялись на плоские крыши своих маленьких домиков с барабанами, трубами, медными тарелками и т. д., х начали изо всей силы бить в них, причем кричали выли, грозили и махали чем попало: одеялами тряпками, кочергами, стараясь прогнать дьявола Был также у них национальный праздник раз в три года, называемый Саксей-Ваксей. Мы не пошли смотреть, т. к. заканчивался он тем, что после долгой ловкой и красивой джигитовки, сопровождаемой дикими танцами, молодой перс, получивший высшее одобрение толпы, исполнял танец, приводивший е: в состояние полной экзальтации, выхватывал кинжал и на глазах всех закалывал себя насмерть Это был у них священный обычай: жертва какой-волшебнице Лютне, спасшей в древние време Персию оть врагов во время войны. Это празднование было в том году последний раз Несмотря на все протесты еще полудикого племени привыкнувшего к этой традиции, большевики его отменили. Если б это было во имя Христианства, то можно бы и приветствовать это с их стороны.

24. Чеченцы

До весны кое-как мы дотянули. Старшая (Ирина) и вторая дочь (Татьяна) почти одновременно вышли замуж. Ни тоть, ни другой брак не удовлетворял меня, но я не мешала им, хотя это и было моим новым огорчением. Облегчением было то, что это вырывало их из голодной и почти сплошной все эти годы нищеты. Одно уиешение и, конечно, большое, что оба мужа хотя и не были особенно религиозными, но в Бога верили и венчались церковным браком без моего принуждения. Лето прожили. В октябре была чудная и даже жаркая погода. Мы наслаждались купаньем в море. Я сильно волновалась, когда волны перекатывались через головы, и сердце замирало из-за детей, а потом привыкла, видя, что никто из купающихся не боится, а напротив, еще стараются пройти дальше навстречу волнам. Каспийское море всегда волнуется, как я писала, и бьется о берегь. Муж мой вскоре оставил и то место и вернулся к нам. Нужно было и его кормить, а еды почти никакой. На базаре все страшно поднялось в цене. Началась обычная спекуляция и так называемое мешочничество, когда приходилось ездить далеко куда-нибудь, чтоб достать ржаной муки или картофель. Я ездила в январе к северу за Грозный при ужасных, преждеописанных условиях поездки по железным дорогам. Но меня все новое все же интересовало. Например, такая картина: морозная лунная ночь, недалеко от маленькой станции, куда не пускают ночевать, разложен костер, кругом мешочники и я среди них, но грелись не только люди. С низовьев гор выходили шакалы, привлеченные огнем, и рассаживались, как собаки, на задния лапы в расстоянии, самое большее, 50-ти шагов. Они имеють вид не то ощетинившихся волчать, не тоободранных, с торчашей шерстью лисиц. Глаза у них как огоньки горели, и они выли, и щелкали зубами. Иногда начинали смелеть и все вместе продвигались ближе к людям и огню. Бросит в них кто-нибудь горящей головней—они отступят, через несколько минуть опять, и так до рассвета. Когда человек не один, а несколько, они не трогают, но если их много, а человек попадется им один, то не миновать ему быть растерзанным. Петя, как железнодорожный служащий, имел право один раз в году на безплатную поездку для матери куда угодно. В декабре второго года его службы я решила съездить в Москву с маленьким 8-летним Андрюшей. Петя и 11-летняя Наташа оставались с отцом, и старшая Ирочка оставалась жить в Дербенте, хоть на отдельной квартире, но на нее я могла полагаться вполне. Билет был в классном вагоне, в котором купе для шести лиц выходили в проход. Ъхали в большинстве евреи, богато одетые (начало НЭПа), из Баку и Тифлиса, и только в двух купе были персы. Андрюша был чрезвычайно хорошенький и веселый, и персы с ним целый день забавлялись. Хоть мы и трудно понимали друг друга, но были такие, что говорили немного по-русски, и мы объяснились, куда каждый из нась ехал. Они угощали Андрюшу и меня чудесными тонкокожими грецкими орехами, изюмом и инжиром. До станции

Гудермес оставалась одна остановка. В Гудермесе начальником движения был инженер Г., с которым мы познакомились еще в Нальчике. Он, зная, что я собираюсь в Москву, просил от поезда до поезда сделать остановку и навестить его и его жену. Поэтому я надела на Андрюшу теплую куртку и шапку, т. к. была зима, да и в вагоне было холодно. Сама же не оделась, думая, что успею. Подъехали мы кь последней остановке, разъезду Инчхе, в четыре часа дня. Там поезд обычно не останавливался, а тут всталь. Внимания не обратили, думая, что что-нибудь обычное в дороге, или поезд встречный, или еще что другое. Стоим. Окна замерзли. Стоим час, стоим два, пассажиры волнуются, кондукторов неть, и никто не заходить сообщить в чем дело. Стоим еще час, стемнело совсем, и слышатся какие-то крики. Состав был большой и наш вагон последний. Дикие крики приближаются, и вдруг в вагон наш врываются человек двадцать чеченцев, страшные озверелые, в громадных папахах, все с ружъями и факелами в руках. Я в первый момент решила что кого-то ищет ГПУ, так как один кричал по-русски: «Деньги давай!» Тут я сообразила, что это нападение разбойников. Предварительно, пока они еще не вошли в наше купе, я притворила дверь. Бывшие с нами двос евреев выскочили, чеченец рванул дверь, я опять хотела прикрыть, он прикладом ударил меня в грудь, я упала на сиденье. К счастью. он ничего мне не повредил Он выбил окно и стал выбрасывать все, что было из вещей. Я воспользовалась этим, схватила Андрюшу и скользнула мимо него и других в соседнее купе, к знакомым персам. Их там было полно, т. к. все втиснулись в одно купе, я не выпускала Андрюшу. Ближайший к двери схватил меня за талию обеими руками, взял быстро вместе с Андрюшей к себе на колени и сказал: «Сиди и молчи». Опять Милость Божья. Как только я взошла, они успели запереть дверь. Чеченцы стали дверь рвать и бить прикладами. Персы дрожащими голосами стали просить сперва через закрытую дверь оставить их, все время крича: «Аллах, Аллах!» и еще что-то. Когда же дверь заставили открыть, мне и Андрюше движением глаз показали спрятать головы, что мы и сделали, уткнувшись в пальто перса. Один из них, трясясь, объяснял что-то именем Аллаха разбойникам. Они не тронули этого купе и закрыли дверь. Оказалось, что персы поручились, что никого, кроме мусульман, в купе неть. Везде, во всяком народе есть добрые сердца! Чеченцы искали русских и вообще коммунистов. Когда все ушли и можно было опомниться и выйти в коридор, то зрелище было невеселое. Все окна выбиты, мужчины в одном нижнем белье кричать в отчаянии, а многие рыдают. У них все пропало и отобрано золото (а оно у них, у евреев, было), бывшее на них спрятанно. В нашем вагоне была кроме меня только одна женщина, и ее забрали чеченцы, как и всех женщин из поезда. Эти несчастные никогда уже не возвращались, если чеченцам или ингушам удавалось кого-нибудь похитить.

Взошла луна, мороз, я без пальто, все, что было; о мной, выброшено в окно. Хорошо, что я заблаговеменно одела Андрюшу. Все полотно заброшено чемоданами, пледами, корзинами, которые разбойниики быстро подбирали и складывали на особого рода двуколки. Живугь чеченцы (вернее, жили) в горах, на самых почти вершинах, и действительно, правильно сравнение их с орлами. В то время никаким способом передвижения до них нельзя было добраться. Теперь пишут в газетах, что из-за восстания против советских коммунистических законов и режима все это племя насильно переселено в Сибирь. Вряд ли они смогут приспособиться и к климату, и к в корне противоположным условиям жизни. Ясно, что если это племя еще не вымерло все, то скоро исчезнет и память об этом народе с лица земли.

Оказалось, что с разъезда Инчхе два дня подряд звонили на станцию Хасав-Юрт, прося прислать военную защиту, т. к. какие-то подозрительные группы чеченцев спускаются на своих двуколках с гор и располагаются вблизи станции. Оттуда ответили, что они уже вызывали недавно бронепоезд, а была фальшивая тревога. Когда с Хасав-Юрта звонили на разъезд, что наш пассажирский поезд должен отправляться, то с разъезда ответа не последовало, и поезд все же пустили. Дежурный по станции, телеграфист и еще трое служаших в это время лежали связанными. Когда наш поезд подходил и должен был без остановки следовать дальше, то не было сигнала, что путь свободен, и дежурный не встретил, как должно было быть. Машинист остановил поезд. Немедленно на паровоз вскочили чеченцы, связали машиниста и кочегара и

стали ломать багажный вагон, но он был бронированный, и это им не удалось. И вот те три часа, что мы стояли, они, начиная с первого до нашего последнего вагона, грабили поезд. Не убили никого. Когда они быстро стали уезжать, нагрузив до предела двуколки, то выскочившие из вагонов пассажиры и кондуктора развязали связанных, и поезд мог двинуться на Гудермес. Догнать их было бы невозможно. Лошаденки совсем маленькие, вроде ослов, два колеса в диаметре не меньше сажени, посредине вроде ящика, и быстрота необычайная. В Гудермесе встречал меня мой знакомый и провел к себе. Андрюша был сильно перепуган, и я не меньше, и не хотела ехать уже в Москву, а вернуться домой, но он меня уговорил переломить себя, иначе страх останется навсегда. Дал мне свою теплую куртку, и через несколько часов мы поехали. Поездка туда и обратно прошла благополучно.

25. Подвиг подростка

В течение Января и Февраля особенного ничего не случилось. Пасха была в 1924 г. очень ранняя. Муж лежал больной. Погода в Пасхальную ночь ужасная. Шел мокрый снег при сильНОм ветре, но как не пойти К заутрене, да и освятить надо сделанный, несмотря на крайнюю трудность, куличик. Старшей дочери тоже нездоровилось, младших из-за погоды я не, взяла и пошла одна. Очень хороший был старый священник О. Николай. Церкви не во всех городах, но еще существовали и не «Живой» Церкви, а так называемыя Тихоновские. Когда стали выносить хоругви, то вдруг со всех сторон налетели ряженые комсомольцы в звериных страшных масках с рогами, и хуже, еще чем в звериных, с воем, визгом, лаем они окружили крестный ход, стараясь заглушить пение. Священникъки на минуту не поколебался, и как всегда все было исполнено как полагалось. Когда запели у у дверей храма «Христос Воскресе», то дикий рев, вой, хохот и кощунства дошли до ужаса. В храм они не вошли, но дожидались в ограде, и когда молящиеся стали выходить, они вырывали из рук узелки с куличами, пасхами и крашеными яйцами, бросали в грязь и топтали ногами. И так было во всех городах в эти годы. Ранней весной в Дербенте начинается «путина», т. е. массовая ловля рыбы. У нас в то время опять нечего было есть. Почти перестали давать и на железной дороге хлеб. У мужа воспаление легких. Что-то надо было придумать. Мне посоветовали пойти за четыре версты на рыбные промыслы, т. к. там можно как-то безплатно достать рыбы. Я пошла с двумя младшими. Погода прекрасная. На берегу очень длинные, низкие, вроде амбаров, постройки, под ними глубокие, во всю длину и ширину, цементные ямы. Тут же на берегу два привода, но не конских, а движимые полуголыми персами, человек по двадцать у каждого привода. Они вертели их, ходя кругом, и накручивали на них крылья сети. Из этих сетчатых крыльев, длиной в сто и больше сажень, выскакивали на песок большия Каспийские сельди и иногда очень крупные бычки. На них набрасывались дожидавшиеся еврей и еврейки, иногда вырывая с дракой друг у друга, собирали их в мешки. Этим многие сушествовали, как и мне привел Господь кормиться ими с мужем и детьми целый месяц, продавая на базаре. Кроме того, что мы кормились ими, у меня еще немножко и денегь бывало. Старший надзиратель, русский, приказывал гнать евреев, т. к. они мешали работе, и персы, не стесняясь, били их палками. Они отойдуть немного и опять надвинутся, и подбирают. Наконец, это им было воспрещено под угрозой ареста. Надзиратель подошел ко мне и спросил: «Что Вас, интеллигентную даму, заставляеть делать такую работу, нести четыре версты мокрую рыбу на спине?» Я ответила: «Крайняя нужда и невозможность устроиться на работу». Он сказал: «Можете приходить каждое утро и никто Вас не тронет». Это был еще только 1924-ый год. Рыбу, которая выскакивала на песок, не брали в засол, т. к. ее нужно было бы споласкивать и терять время, а по сравнению с тем количеством рыбы, которую подтягивали к берегу в так называемых мешках (середина сети), это было ничтожно. Хороший улов доходил до 4000 п. и больше. Когда крылья были накручены на приводы и мешок почти у берега, то к нему подъезжали по переброшенньш мосткам целой цепью тачки. Большими саками выбирали с лодок рыбу, складывали в тачки, подвозили к амбарам, выбирали осетров, карпов и другую крупную рыбу, а

сельдей живыми сваливали в ямы, где стояло двое людей, и засыпали их солью.
Каждое утро я ходила с детьми, не боясь, что меня тоже будут бить палками. Детям я давала нести по силам, всего по несколько фунтов, а сама несла за спиной иногда не меньше пуд
Приносили домой, отбирали на еду на один день, а остальное несла на базар, где один продавец брал у меня остальную рыбу за ничтожную цену. Все шло хорошо, но я из-за этого едва не лишилась жизни. Думаю, что это было причиной моего заболевания тяжелой малярией, и я пролежала в больнице от 5-го Апреля до 5-го Декабря. Был сильный дождь детей я оставила дома, а самой нельзя было не идти т. к. на другой день совсем нечего было бы есть. Шла под дождем туда четыре версты и обратно, на спине мешок с мокрыми селедками. Я насквозь промокла и, придя домой, долго тряслась и не могла согреться Один раз, когда я возвращалась домой, шла дорогой, с обеих сторон окруженной фруктовыми садами, и восхищалась цветущими деревьями персиков и миндаля, и все таким казалось весенним молодым, радостным. Но меня смутило одно обстоятельство, и все настроение сразу перешло в уму не постижимую тревогу, было что-то неизвестное таинственное в этой чудной природе. В каждом саду у входа стоял соломеннь шалаш. И вот на один из них села невиданная мною до тех пор черная птица и прокричала три раза каким-то тяжелым резким криком. Она была немного больше воронь без отметинки, черная, необъяснимым внутренним чувством мне не понравилась Рядом шли двое, говорившие плохо по-русски, и один сказал другому: «Здесь сегодня будет покойник». На вопрос почему он так думает, тот ответил: «Да ведь это птица смерти!—он назвал ее, но я ж разобрала. —Где она прокричала три раза, у того дома будет смерть». Дня через три после того, что я так промокла, я сильно заболела и лежала в большом жару. Через улицу напротив нас жил машинисгь, не коммунист, верующий, и он и жена его. Мы познакомились и бывали другь у друга. У них было два сына, Володя и Вася, семи и шести лет. Улица с обеих сторон обсажена белой акацией, которая уже начала цвести. И вот на дерево, прямо против моего окна, но с противоположной стороны улицы, под окнами машиниста села эта черная птица, прокричала три раза и улетела. Я решила, что это она мне смерть предвещает. Не прошло десяти минут, как вбегает испуганный и взволнованный донельзя мой Андрюша со словами: «Мамочка! Володю и Васю задавило». Несмотря на жар, я приподнялась с кровати и вижу: бежит несчастная мать и под обеими руками держит своих мертвых мальчиков. Оказалось, что они играли в песке в громадной яме, где брали песок для города. Не раз заявляли обыватели городскому управлению, что нужно загородить, т. к. дети туда бегают, и одна сторона грозит обвалом, но внимания обращено небыло. Без ведома родителей мальчики играли там и. были задавлены обрушившейся глыбой. Другой случай был не менее поразительный. В том доме, где у нас было две комнаты, внизу жил во втором этаже инженер, уже немолодой, с женой и сиротой племянницей, очень хорошей, 17-летней Марусей. Средства у них были достаточные, они сумели сохранить кое-что, и он занимал хорошую должность. Дядя любил и жалел племянницу, дочь своей сестры, но жена его ненавидела ее. Буквально не давала ей жить, целый день бранила, мучала работами и не раз лишала еды. Со своими слезами и горестями Маруся, как выберет минутку, то прибегала ко мне. Я ее очень жалела и полюбила, как умела утешала. В том же дворе был другой неоольшой дом, где во втором этаже жила хохлушка вдова с взрослой дочерью и двумя сыновьями. Это было вскоре после случая с детьми машиниста. Я еще лежала дома, а не в больнице. Приходить хохлушка в слезах и говорить, что дочь ее сильно заболела, и вот прилетела птица смерти, села на подоконник и прокричала три раза. Никакими словами нелъзя было ее убедить, —что этого может и не быть. —«Неть, в моей комнате сегодня будеть смерть». И смерть была у нея в ту же ночь, но не смерть ее дочери, а бедной Маруси. Как оказалось, за два дня перед тем дядя и тетя ее уехали на месяц на курорт. Марусе оставили деныи на пропитание. И что же она сделала: накупила чего было возможно, назвала знакомую молодежь, угостила, повеселилась, истратила большую часть денегь, со всеми как-то странно простилась и ночью вбежала в комнату хохлушки с криком: «Спасите, я отравилась!» Но было поздно даже позвать врача, она мертвая упала на пол. Вскоре меня перевезли в больницу, где я пролежала четыре месяца с

тяжелой формой малярии с безпрерывным сильным жаром. Никакие средства не помогали. Я уже не похожа была на живого человека, меня выносили на кровати в больничный сад, т. к. в палате я задыхалась, и я лежала там почти все сутки без движения. Дербенть—одно из самых малярийных месть КавказаМуж поступил на службу и не умел как-то вовсе заботиться о детях, и они очень плохо могли питаться, т. к. время было голодное. Дочь в ожидании ребенка приходила ко мне по два и по три раза, и приносила кофе, который меня заставляли пить, т. к. от слабости ест я не могла. Младшие двое были большую часть дня около меня. На мое беспокойство об их питании они всегда весело говорили: «Не беспокойся, мамочка, мы сыты». Впоследствии я узнала, что они изобрели промысел, который им очень нравился, но меня посвятить в это дело не хотели до времени моего выздоровления. Каждую субботу они ходили с утра с сумками или мешками в еврейский поселок и поджигали у всех печи, за что им щедро сыпали грецкие орехи, сушеные дыни, груши, миндаль, инжир и изюм. Они были сыты вкусными сладостями и еще снабжали этим и Петю, и отца. Как пришло им это в голову? Изыскивали бедные дети, наверное, всякие возможности заработка. Мое выздоровление доктора считали невозможным и объявили моей Ирочке, что я медленно угасаю и нет уже возможности поднять силы в организме. Единственное, что можно бы, и то сомнительно, это перевезти на родину в Москву, чтоб переменить чуждый мне климат, но не думали, чтоб я перенесла дорогу до Москвы. Вторая дочь жила с мужем в Ростове-на-Дону.
Ему написали с просьбой помочь перевезти меня. Немедленно приехала за мной жена его, моя дочь Таня. Меня на носилках внесли в санитарный вагон. Когда Ирочка прощалась со мной, то уверена была, что мы с ней расстаемся навсегда. Она умела взять себя в руки и утешала меня, говоря, что я скоро вернусь к ним и мы опять будем все вместе, и при сильной воле не позволяла младшим плакать. Когда же поезд отошел, у ней оть горя начались боли, и пришлось отвезти в больницу, где через несколько часов родилась моя первая внучка, Ниночка, недоношенная два месяца. Такая была крошечная и слабенькая, что только любовь такой матери смогла ее выходит в грелках. Об этом я узнала только в больнице в Москве. По дороге пришлось на две недели остановиться в Ростове, т. к. вызванный ко мне в вагон врач велел везти на две недели в больницу из-за слабости сердца. Через две недели меня увезли в Москву, где я пролежала еще четыре месяца. Итого с 5-го Апреля по 5-ое Декабря—в злостной тропической малярии, в тяжелой форме, как значилось на дощечке над моей головой. Болезнь была совсем исключительной формы, и что мне надоедало, так это масса незнакомых врачей, которые постоянно приезжали из других больниц и Малярийного Института, привозили студентов-медиков и читали разъяснение моей болезни, но я не была свободной, как прежде могли быть лежащие в больницах люди, допустить это или нет. Платило за меня управление железной дороги в Дербенте как за мать служащого там уже помощником слесаря сына Пети, и я являлась собственностью Советского Союза. Персонал врачей, большею частью из прежних еще, был очень заботлив и сердечен. Они мне говорили, что на консилиумах не было ни одного голоса за возможность выздоровления. Тоска по детям не оставляла меня никогда во время всей болезни. Когда я начала поправляться и учиться после восьми месяцев лежания ходить с двумя палками, то меня из больницы отпустили поправляться к родственникам в Москве. Я через неделю объявила, что еду обратно в Дербент. Все возмутились: «Как, опять туда, где ты малярию получила? Да мы не пустим». Вызвали врача и он сказал: «Ни в коем случае!» Опять, полагаясь только на то, что Господу все возможно, я настояла на поездке. Меня посадили в вагон, заплатили обер-кондуктору, чтоб заботился обо мне, и я уехала, не будучи еще в состоянии ходить без двух палок. Ъхать четверо суток. Дала телеграмму. Все мои дорогие встречали меня на вокзале. Да! Я была счастлива в то время. Только Петино лицо бледное и грустное. Я сразу что-то почувствовала недоброе. Увидела свою 4-месячную черненькую, с большими красивыми глазками, внучку. Не выпускала из рук своих младших, все около меня. Образ Святителя Николая, бывший и в больнице неразлучно со мной, привез меня домой. Только Петин вид меня тревожил. На мой вопрос в тот же день он мне не сказал, а дал опомниться от радости и отдохнуть, а затем, оставшись со мной наедине, с взволнованным и

изменившимся лицом сказал: «Мамочка, я комсомолец, но не суди меня, а прежде выслушай». Никакой гром не поразил бы меня так, как это звестие. У меня дыхание остановилось. Как! Мой мальчик, мой любимый сын, и что я слышу!Несколько времени я не могла произнести ни слова, а затем сказала: «Я не знаю причины, но если ты не выйдешь из комсомола, у меня сына Пети больше нет». Весь побледневший, он говорит: «Да, я выйду, но выслушай мое оправдание! Меня вызвали в комсомольскую ячейку и спросили, почему я не комсомолец. Я ответил, что по своим убеждениямъне могу им быть. Тогда мне объявили: «Или ты сейчас подпишешь, что ты вступаешь в комсомол, или немедленно будет дана телеграмма в Москву выбросить твою мать из больницы, т. к. ты, как контрреволюционер, будешь выгнан со службы». Мамочка! Я сказал, что посоветуюсь с отцом. Ну, а папа сказал: «Конечно, вступи, нельзяже маму больную выкинуть на улицу из больницы». Я поняла все страдание его, я знала, чем грозит выход ему, но я предпочла бы страшное горе его мученичества, но не могла согласиться на это. Он меня просил позволить только ему не заявлять прямо о выходе, а не пойти на два собрания, которые были ежедневно, и он будеть считаться механически исключенным из комсомола. Любовь и жалость заставили меня на это согласиться, ведь ему было всего16 лет. Его выкинули, по их выражению, но незнаю, как случилось, что с работы в депо не уволили и он вскоре сдал экзамены на слесаря-практика. Нужен он был в депо как исполнительный работникъ

26. Ейск

Через месяц у меня начались опять приступы малярии, но не в прежней форме. Я дня три болела, и то большею частью выносила на ногах, то была здорова, то иногда и неделю лежала. Решено было переехать на Северный Кавказ в г. Ейск, на Азовское море, где местность немалярийная и хороший курорт. Через четыре месяца мы уехали. В дороге я лежала опять больная, но уже подъезжая к Ейску, почувствовала себя вполне хорошо и два года ни разу не болела. Истощенная болезнью, я не могла надеяться ни на какую физическую работу, а на службу меня не приняли бы, да я и не хотела. Зять, муж моей дочери Ирочки, не сразу нашел себе работу, а муж мой неожиданно уехал к брату в Москву, и я его пять леть после этого не видала. В первый день, как мы приехали, зятю удалось найти комнатку, но очень маленькую, так что даже на время нельзя было поместиться всем нам, да к тому у Наташи и Андрюши начинался коклюш, и нужно было их отделить от слабенъкой малютки Ниночки. Мне указали на комнату. Вышла, или вернее, словно выплыла очень полная хозяйка-купчиха и, взглянув на наше одеяние и узлы, сказала: «Неть, я не пущу таких оборванных квартирантов, да еше с такими вещами, на что они мне?» Нелегко было это слышать, но что было поделать, я и сама сознавала, что иной нищий выглядел лучше нас.

Нас было четверо: Петя, я и двое младших. Хозяин оказался сердечней и сказал: «Да ты на одежку-то не гляди, иной и в богатой придет, да не будешь знать, как от него отвязаться». И, обратившись ко мне, сказал: «Дело к ночи, куда вам деваться вот комнатка, переночуйте, там посмотрим, что Богь дасть» Подстелили свои лохмотья на; блестящий крашеный пол и заснули, как убитые. На друго день и хозяйка стала мягче, он оказалась совсем не такой безсердечной, а на третий день объявил; «Ну, живите уж, куда вам деваться». Через несколько дней приносила по кусочку пирога или хлеба просила меня по вечерам приходить к ним побеседовать и почитать из Священного Писания, т. к. они были оба неграмотные, но в церковь ходить любили.

Когда мы через два месяца перешли в другую большую комнату, то нам взаимно было грустно расставаться. Петя к этому времени поступил на узловую станцию в 50-ти км. от Ейска, уже помощником машиниста, а комнатка была совсем маленькая, негде было повернуться, а ему нужно было отдохнуть в промежутках между его дежурствами на паровозе. Через день он приезжал домой. Почти весь заработок он привозил домой. Два месяца до его поступления были исключительно трудными.

Священником собора в Ейске был старый протоиерей Отец Василий, очень мне пришедшийся

по душе, как и его матушка. Андрюше было 12 леть, он его, по моему и его желанию, взял прислуживать в храме. На него надели стихарик, чему он несказанно радовался. За очень короткий срок выучился читать по-славянски и читал очень хорошо во время службы. До 1927 г. не пропускал ни одной службы и очень гордился тем, что приносил домой хлеб, или что-нибудь из других продуктов, уделяемые ему О. Василием из того, что он получал за требы. В Ейске голода в то время не было. Это богатейший край, несмотря на налоги и отбирание властями всего возможнаго, местные жители еще могли жить и щедро награждали, и заботились о своих священниках. Но денег, пока Петя не поступил на работу, абсолютно не было, жили до крайности бедно. Слышу один раз в церкви, что священник обращается к приходу со словами: «Братья и сестры, по окончании службы я сам обойду вас всех с тарелкой и прошу отозваться на мою просьбу помочь одной интеллигентной даме, живущей в полной нищете с тремя детьми». Я не подумала ни минуты, что это он призывал помочь мне, и только узнала, когда он принес мне домой 25 руб. В то время в Ейске это были деньги и можно было некоторое время прокормиться, и покупать молоко. Петя получил службу и зять мой нашел работу, я успокоилась и начала делать коврижки с арбузным медом, которого там много, и продавала на базаре. Так прожили мы до конца 1926 года. В начале 27-го г. Я увидела на базаре цветы из цветной древесной стружки. Цветы и на цветы не похожи, а идуть хорошо, спрос большой. Попробовала сделать, вышло на цветок похоже, продала моментально. С этого времени цветы стали большой помощью в нашей жизни, когда мне обстоятельства давали возможность ими заниматься. При дальнейшей практике на мою работу стали обращать внимание и уже дожидались меня на базаре, чтоб успеть купить до других. Я получила, по-моему, большой комплимент, напомнивший мне басню Крылова «Осел и соловей». Подошли две хохлушки. Одна говорит: «Бачи яки цвиты, як живеньки». Она хотела купить, на что другая ответила, что это совсем не интересно: «Такие цветы поставит в хату, они совсем как живенькие, а живых и без того много, вон у той бабушки, так интересно: розан-то красный, а бутон голубой, да и на цветок не похоже». Купили у той бабушки. Но были и ценители. Я получила приглашение приехать с цветами в Ростов кь одной даме, которая делала цветы и сдавала в цветочный тресть. Она просила меня делать, сколько могу, и два раза в месяц возить в Ростов. Она их выдавала за свои, и мы обе получали от них прибыл. Жить стало легче, и я могла даже мясо покупать, и в летнее время наслаждаться дынями и арбузами. Конечно, тотчась, о моей работе узнал финансовый отдел. Пришли с обыском проверить размер моего производства и какие запасы материала. Хотя запасов и не было и работала я одна только для скромного очень прожития, наложили налог и стали неожиданно являться проверять. В 1927 г. на второй день Пасхи получаю телеграмму: «Привезите всё, что есть, побольше красных». Ну, думаю, чьи-нибудь советские похороны. Красных у меня не было готовых, но взяла, что было, и поехала. Похороны оказались не одни, а сорока человек. Случилось событие, указавшие верующим на явное проявление Божьяго Суда, но озлобившее коммунистов. Под Ростовом есть колоссальный завод сельскохозяйственных машин. Рабочие в числе 40-ка человек отказались в день Воскресения Христова ехать на работу, говоря, что Бог их накажет за это. Несмотря на угрозы, они отказались.

Тогда 40 коммунистов заявили: «Вот мы вам докажем, как Богь карает и поедем вместо вас». Что они сделали с отказавшимися, не трудно себе предс

тавить, на следующей Пасхе они, наверное, были в Сибири, но известно ни мне, ни моим знакомым о них не было, с ними же самими случилось следующее. Сорок человек сели на открытую грузовую машину. Шофера, тоже не хотевшего подчиниться, все же заставили ехать. Нужно было еще в черте города проезжать через рельсы. Шлагбаум сторож не успел закрыть, и налетевшим паровозом все до одного, кроме шофера, которого чудом выбросило из грузовика, были убиты. Я видела на другой день процессию в сорок красных гробов, состоящую из открытых платформ грузовых, разукрашенных елками, цветами и красными флагами, конечно при игре большлого военного оркестра. На следуюший год уже никто не посмел отказаться, а затем и не находилось таких, которые считали бы это грехом а если и были

единицы, что, конечно, возможно, то и виду не могли показывать, чтоб не попасть в ГПУ Был еще случай в Ейске, где Господь наказал коммуниста в моменть хулы. Приехал, известный вероятно и заграницей, профессор, протоиерей Введенский, (как утверждают, крешенный еврей) Был разрешен диспут о существовании вообще Бога или нет. Конечно, ни я, и никто из моих близких не присутствовали, и могу передать только то, о чем говорили везде и все. Введенский не признавал Спасителя Сыном Божиим. Присутствующее духовенство пререкалось с ним. Комиссар городавстал и сказал, указав на часы, бывшие на его руке: «Вот сейчас без десяти минут шесть, посмотрим, накажет ли меня Бог, если Он есть, за мои слова». И позволил себе ужасную хулу на Бога, к счастью, не знаю в каких словах, и захохотал. В момент его смеха — звонок по телефону, стоявшему на столе перед ним. Береть трубку, бледнееть и бросается бегом из собрания. Ровно без десяти минуть шесть его единственный сын, десяти леть, нечаянно застрелился, играя с револьвером, забытым им на столе кабинета. Позднее пришлось слышать, что и это явное наказание Божие коммунист-хулитель объявил случайностью и не вразумился, оставшись неверующим (и бесы верують, но трепещут), или врагом Божиим.

27. Бог-Судья

Как я писала, Петя служил помощником машиниста на узловом разъезде. Это не селение. а только депо для смены паровозов и бригады дальнего следования Прислали туда как практиканта молодого комсомольца с тем чтоб он сдал экзамен на помощника машиниста. Все три месяц он не отходил от Пети, проявляя самые дружеские отношения. Петя был с ним дружен, но в откровенности никогда не вступал. Человек этот был ленив и абсолютно ничего не знал, и не сдал бы экзамена без Петиной помощи. Он его всецело подготовил, и тоть сдал экзамен. Когда уезжал, то сказал наедине: «Ты хороший товарищ, добрый и помог мне, без тебя я не сдал бы экзамена, а потому и я помогу тебе советом и открою тайну. Я был на три месяца приставлен к тебе от ГПУ. Всегда можешь этого ожидать, а потому следи за собой и будь осторожен». Вот какая подлая слежка и трудная жизнь была: нигде и ни минуты человек не был свободен и гарантирован от измены и шпионажа! Это и породило такое грешное недоверие почти ко всем новым встречающимся людям. Даже самые высокие идеалисты, прожив много лет в советской России, не могли побороть в себе подозрения и недоверия. Летом 1926 г. поехала я с двумя младшими в Москву. Билет безплатный, и мне хотелось навестить родных, и побывать на могиле безгранично любимого мною отца. Бесплатный билет один раз в году был существенной привилегией службы на железной дороге. Не комсомолец или не коммунист был всегда как нелюбимый пасынок у злой мачехи. Вся молодежь могла учиться во всех высших школах, как научных, так технических, так и профессиональных, но они нет. Все имели право на безплатный курорт, но они нет, все пользовались полным питанием, но они нет, все имели туристические билеты куда угодно во время отпуска, но они нет и т. д. Так вот, мы поехали, в то время я еще не делала цветов и денег у меня совсем не было. Когда мы приехали на Скорбященское кладбище, то недалеко от могилы моего отца священник служил кому-то панихиду, а я говорю: «Вот дети, как печально, у нас нет возможности заплатить священнику, чтоб и у дедушки отслужить панихиду». Идем и видим, что на его могиле блестит что-то ярко, как бы стеклышко на солнце. Подходим, и в головах у отца лежит совсем новенький, словно только что отчеканенный, полтинник. Мы поразились. Андрюша радостно подбежал к батюшке, прося отслужить панихиду. В то время серебряные 50 коп. имели цену. Много всегда и везде в поруганной России было чудесных случаев и немедленной кары Божьей, и чудесного спасения по вере.

1. "Пророк Илия"

Мне рассказывала монахиня, жившая в станице Кавказской (Центр. Кавказ), что в Ильин день

(20-го июля) все население колхозами убирало пшеницу. Небо стало покрываться тучами, стали торопиться. В Ильин день испокон веку бывает, за редким исключением, гроза, и это не поверие, а истинный факт, наблюдаемый и мной в течение моей долголетней жизни. Некоторые стали уговаривать спрятаться, указывая на Ильин день, в сарай, так как черная туча быстро надвигалас, и уже не отдаленный, а слышан был почти над головами зловещий фом. Один из председателей колхоза, коммунист, позволил себе кощунственную выходку, обращаясь к Пророку Илье, я не буду повторять его слова, скажу только, что он его пригласил подкатить к ним на своей колеснице. Раздался дружный одобрительный смех. Две молодых женщины испугались этих слов и бросились из сарая, куда все столпились из-за хлынувшего дождя, со словами: «Смотрите, как бы Илья Пророк и на самом деле не подкатил к вам». Они добежали до болыпого дуба, стоящего одиноко среди поля, и укрылись под ним. Страшный ударил гром после ослепительной молнии и сжег почти моментально сарай со всеми смеявшимися над Пророком. Обе женщины только промокли.

2. «Незнакомка»

Сестра моя, оставленная в Москве, не арестованная, хоть и бывшая фрейлина, а оставленная по соображениям властей, о которых скажу в другом месте, рассказала мне о лично ею слышанном.
Она стояла в очереди за керосином, но главное, ей хотелось купить гарного искусственного масла для лампадки. Конечно, оно не для этого употребления продавалось, но верующие понимали, для чего старушки его покупают. Очередь была очень большая, и ей пришлось бы простоять, возможно, не один час, и потому она через головы спросила, есть ли гарное масло. Около нея стоял молодой пожарный в форме. Он обращается к ней и говорит: «Эх, бабушка! Теперь это не в моде». Она думая, что это насмешка, не допуская ничего другого, ответила: «Для вас, молодых, не в моде, а для нас было и будет в моде». —«Не думайте, что это шутка с моей стороны; я сам пришел за маслом для лампадки». Раздался сочувствующий ему хохот многих лиц. «У нас в селе случилось такое необычайное чудо, что не уверовать в него и, конечно в Бога, невозможно. Я сам видел, и никакая сила меня не разуверит». —«расскажите, расскажите и нам про Ваше чудо», —просили одни, издеваясь, а другие со страхом Божиим, но таких кроме моей сестры, было очень немного. «Ои радостью расскажу, не скрою», —сказал пожарный Все замолчали
«В нашем селе была убогонькая нищенка родилась она калечкой, совсем почти без ног, всю жизнь ползала на карачках. Кто не знал ее Сорок лет она приползала на паперть и просил; милостыню. В нашем исполкоме назначено было собрание по вопросу о выявлении кулаков (самыхи трудолюбивых и не пьяниц крестьян), раскулачи вании и высылке их. Все должны были обязательнс присутствовать. Приползла и убогонькая и осталась; самой двери. Вдруг входит никому не известная женщина, вся одетая в черное, наклоняется над неи и говорит: «Зачем ты здесь? Здесь тебе не место! Идо за Мной!» Она вышла, выползла за ней и калечка «Давно ли ты такая?» —спросила ее Незнакомая. «Да с самого рождения». —«А хочешь быть здоровой?» — «Да как же не хотеть, матушка!» —«Ну, ступай си Богом». С этими словами она не стала видна, а у нашей убогонькой откуда взялись ноги! Ведь их не было! Она встала на ноги и сама пошла домой. Что только было у нас! Все село сбежалось, и неверуюищ не могь отрицать, все знали ее. Вся окрестности всполошилась, едуть и идуть, каждому ведь интересно. Дошло до властей, всполошились и они, прислали ГПУ на расследование. Ничего сказать не могут дело ведь налицо. Тогда они объявили, что это колдовство, и какой-то враг указал на дочь дьякона, ее посадили в подвал, обещая расправиться за то, что смутила колдовством своим всю окрестность.
Входит Та Женщина, что исцелила калечку, и спрашивает: «За что вы посадили дочь дьякона?» — «Да она тут каким-то неизвестным средством смутила все население». —«Дочь дьякона не виновна, отпустите ее, это Я сделала, Меня и посадите». Так и сделали, дочь дьякона

выпустили, а женщину заперли большим замком. Когда утром отперли, тс никого в подвале не было».
Все молча слушали, как кто хотел, так и воспринял рассказ. Нет сомнений, что за разглашение чуда Божьего он стал мучеником за веру

3. «Пионерка»

Еще интересный случай я лично слышала от сестер Боткинской больницы в Москве. Там в 1927 или 1928 году, не помню, лежала девочка 10-ти лет, очень тяжело больная туберкулезом позвоночника. Страдала невероятно. В ней принимал участие весь персонал больницы. Девочка тихая, кроткая, страдала больше года, и все только ждали ее смерти как избавление от мук, а смерть не шла к ней. Ея родители были простые крестьяне в подмосковном селе. Сестра ее каждое утро привозила в Москву молоко и каждый день навещала ее. Один раз девочка проснулась в большом волнении и, обливаясь слезами, никому не хотела объяснить причины. Когда пришла ее сестра, она сказала ей: «Сегодня ночью я во сне шла по белой лестнице, которая упиралась в небо. Шло много людей, взрослых и детей, были такие девочки, как я. Долго мы шли и видели в конце большой свет. Когда подошли, то увидели, что Свет этот шел от Кого-то, Кто стоял на самом верху. Одних Он пропускал в большую светлую дверь, а других нет… Двух девочек, шедших со мной, Он ласково пропустил, а меня остановил: «Тебе нельзя сюда, ты— пионерка», —сказал Он. И стала она просить сестру пойти к учителю, заведующему школой, и сказать, чтоб вычеркнул ее из списка пионерок, и так ПРОСИЛА Б ТАких слезах, что сестра пошла к учителю и просила его вычеркнуть девочку из списка. На это он ответил: «Вот еще вздор, какой-то бред больной, и буду я ее вычеркивать, останется пионеркой, а ты ей скажи, что я вычеркнул, вот и все». На другой день, когда сестра пришла в больницу, то застала больную еще в больших слезах. Она видела тоть же самый сон, и когда сестра, желая ее успокоить, сказала, что она вычеркнута и больше не пионерка, она ответила: «Это не правда! Не правда… Он меня не пустил. Пойди опять, скажи, что я не хочу, пусть вычеркнет, а еще пойди в церковь и попроси у священника для меня красную большиую книгу. Я один раз, когда никто не видел, забежала посмотреть, что в церкви, я ведь никогда не видела. Священник держал большую красную книгу и читал. Попроси его дать мне эту книгу». Все это она говорила, лежа без движения. Она ни один месяц уже не могла поднять голову. Сестры больницы говорят, что невозможно было без слез видеть горе этого умирающого ребенка, и в этом горе было что-то особое, затрагивающее страхом душу. Они сказали молочнице, во что бы то ни стало потребовать ее исключения. Она пошла к учителю и не отстала до тех пор, пока учитель не вычеркнул девочку и не разорвал ее документа. Затем она пошла к священнику и все рассказала. Он был потрясен. Болъшая красная книга была Евангелием. «Не могу же я дать церковное Евангелие, вот у меня есть листки от разорванного Евангелия, ты их ей отнеси». Когда на другое утро она вошла в палату больницы, то с удивлением увидела, что доктора и сестры окружають девочку, она сидела радостная и какая-то совсем необычайная. Она протянула свои худенькие ручки, как палочки, взяла из рук сестры листочки, прижала к груди исказала: «Он, Тот Светлый, что на верху лестницы, сказал мне: «Сегодня я тебя возьму к Себе, ты больше не пионерка». Сказав это, она опустилась на подушку и вздохнула в последний раз. Господь взял ее кьСебе. Человеку верующему, тому, кто знает, что такое пионерство, рассказ этот является несомненно возможным фактом и может быть только трогательным, но не удивительным. В большинстве случаев это некрещеные дети. Не буду разбирать причин, побуждавших родителей предавать своих детей с рожденья сатане. Будь то убеждения, будь то страх перед арестом и ссылкой за крещение ребенка, или еще иные побуждения, все равно факт, что вместо Святого Таинства Крещения над детьми совершался обряд октябрения, дети назывались октябрятами и получали имена: Ленина, Сталина, Нинель (Ленин наоборот), Маия (в честь первого мая) и т. п. Октябрятами они назывались в честь 17-го Октября, дня большевистского переворота в России. Я не знаю, в чем состоял этот страшный

обряд, т. к. потому что никогда не присутствовала на нем. Там, кроме безразличных людей, идущих на эту церемонию из-за угощения, были только коммунисты. До 6-летнего возраста дети были октябрятами, после 6-ти механически переходили в следующую ступень—пионерства, а затем, с 16-ти—в комсомол, где уже самостоятельно давали обеты отречения от Бога. Могу привести следующий пример:

4. "Комсомолка"

У дочери моей младшей была подруга Лена М. Мать ее, верующая, ни под каким видом не хотела, чтоб она вступила в комсомол, и пионеркой она не была и была крещеная. У нея был брат, бывший офицер Белой Армии, живший в Сербии. Отецъ— генерал, убитый в боях. Брат писал Лене о том, что если она вступит в комсомол, то пусть знает, что брат от нее отрекся. (Во времена Берии и Ежова такое письмо не могло бы дойти). У нее были необычайно большие и красивые волосы. Две густыя косы спускались ниже колен. Мать очень гордилась ее волосами. В один день приходит Лена откуда-то домой и ужас матери невообразим: обе косы отрезаны до самой головы. На испуганный вопрос матери она заявляет: «Я—комсомолка». Глупая девочка поддалась пропаганде и, наученная не предупреждать мать, обрезала по правилам комсомола косы. Мать не могла утешиться и готова была от нее отречься, но она еще не приняла посвящения. Обряд посвящения хранился в глубокой тайне, и я не знала самой сути его, пока не услыхала от самой Лены. Так же неожиданно пришла она домой один раз весной и объявила: «Я вышла из комсомола!». Это известие и обрадовало и взволновало мать, как я писала о своем сыне, так знали все, чему подвергнется рано или поздно тот, кто вышел. Вот рассказ Лены: «Нас всех, подлежащих посвящению, привели к лесу, где на поляне у опушки разложили костер. Пока мы давали всякие клятвенные обещания, поднимая руку, дело шло, но когда мне велено было три раза перепрыгнуть через огонь и в это время произносить страшное отречение от Бога, я отказалась и ни за что не согласилась, и заявила, что выхожу из комсомола». Ей было 16 лет.

5. Суд над Богом

Андрюша мой в то время учился в семилетней школе, ему было 12 лет. Преподователь русского языка объявил, что будет диктант с заголовком: «Суд над Богом». Андрюша положил перо и отодвинул тетрадь. Учитель увидел и спрашивает его: «Ты почему не пишеш?» —«Я не могу и не буду писать такого диктанта». —«Но как ты смеешь отказываться? Садись и пиши». —«Не буду». —«Я тебя поведу к директору». —«Как хотите, исключайте меня, но «Суда над Богом» я писать не буду». Учитель продиктовал и ушел. Вызывают Андрюшу к директору. Тот с удивлением на него смотрит. Небывалое явление: 12-летний мальчик и так тверд и непоколебим, и при этом спокоен в своих ответах. Директор, видно, имел еще где-то в глубине души искру Божию и не решился ни о нем, ни обо мне как матери заявить кому следует, а сказал: «Ну и храбрый же ты, иди!» Что я могласказать своему дорогому мальчику? Я обняла его и поблагодарила. Все это нанизывалось ему, и в 1933 он был сослан на первую ссылку 17-ти лет. [Впоследствии принял мученическую кончину]

6. «Довольный»

Я была знакома в Ейске с одним высокопорядочным человеком, хозяином большого садоводства. У него отобрали оранжереи, которые теперь стояли пустыми, т. к. фруктовые деревья и цветы, за которые он получил не одну золотую медаль на выставках, были вырублены и сожжены. У него был свой дом небольшой и оставшийся маленький чудесный садик. В его семье все были верующие и горько оплакивали судьбу Государя и всей Царской Семьи. Иногда он не могь сдержаться и со слезами вспоминал о нем, конечно, только при своих, но одной ночью за ним пришли, арестовали и увезли. Месяца через два получено было известие, что он

в Харькове в тюрьме вместе с бывшим воинским начальником г. Ейска. Через два года его освободили. Он вскоре заболел и умер, не будучи в состоянии вынести всего происходящего. Он мне рассказал один интересный и характерный для большевиков эпизод во время его заключения.
Помещались они в тесной общей камере, спали на грязных нарах и кормили их безжалостно голодно и плохо. Один раз тюремный начальник вызывает их обоих по фамилии и велит следовать за ним. Все знают, что когда вызывают без вещей, то это на расстрел, т. к. допросы давно были закончены. Ну, думаем, пришел и нам конец. Посадили не в черный ворон, а в автомобиль. Провезли несколько улиц и остановились перед хорошим домом. Повели по большому светлому коридору, отворили дверь и впустили в чистую комнату с двумя кроватями, покрытыми хорошими одеялами. У каждой кровати по столику и на нем спички и папиросы. С них сняли грязные тюремные одежды и одели в чистые халаты. Пока надзиратель не вышел и не запер за собой двери, мы могли только молча перебрасываться изумленными взглядами Когда же остались вдвоем, то стали ломать голову и делать предположения, что бы это могло означать Часов в 10 вечера принесли вкусный ужин изи двух блюд. Во время ужина отпирается дверь и входит тюремное начальство и два англичанина си переводчиком. Начальник к ним обращается и говорит: «Вот видите, в каких у нас находятся условиях интеллигентные арестованные. Спросите сами их, довольны ли они». Конечно, мы ответили что довольны. Англичане очень все похвалили и ушли. Через час нас одели опять в нашу грязную одежду и повезли обратно в ту же тюрьму, и ту же камеру. Всякие комментарии излишни.

28. Женщины-палачи

Мы жили в то время на квартире у простых и очень хороших людей. Они только недавно женились. Он был сын мелкого торговца, который за несколько лет перед тем умер.
Молодой хозяин как купеческий сын был уже обобран и разорен. Один раз ночью стучат мн в дверь. Приходит испуганная хозяйка и солдат ГПУ. «Идите, Вы будете понятой при обыске Ваших хозяев». Неприятное дело, но отказываться нельзя Обнинение предъявлено в том, что за отцом хозяина числилась небольшая недоимка, а потому постановлено конфисковать имущество у сына как наследника. Стали все описывать. Хозяева покорно молчали, все вещи вносились в протокол. Производивший обыск увидел на столике золотые часы, ловким, вероятно, привычным воровским движением он спрятал их в карман, это не ускользнуло от хозяина и он сказал: «Часы тоже должны быть в описи, почему Вы их спрятали?» Тогда представитель власти шепнул ему на ухо, но так, что и я слышала: «Скажи еще слово, тогда не обрадуешься, когда я с тобой посчитаюсь». Это был обычный прием, производивших именем закона обыск.
В 1926 году жизнь кругом и у всех становилась хуже рабской. Всякая собственность движимая и не движимая отбиралась. В Ейске при каждом домике—фруктовый сад. Большею частью абрикосовые и много персиковых деревьев. Весной комиссия пересчитала все деревья и наложила запрещение на снятие урожая. Владельцам разрешалось поднимать падалицу, и то только до времени, когда начнется государственный сбор. За городом строили консервный завод. Урожай в том году был исключительным. Завод ко времени сбора готов не был. Громадное количество подвод по наряду увозило стрясенные абрикосы. Абрикосы, никогда, между прочим, не трясут, а снимают осторожно, особенно, как в данном случае, когда они переспеют. Их тысячами пудов сваливали просто в кучи. На замечание опытных людей, что добро пропадеть даром, получался, как всегда, ответ, чтоб не учили, т. к. это их дело, а распорядителями, как везде, были или воры, или уголовники, почему-то везде был почет пастухам, совершенно безграмотным и тупым людям. Дня за три обобрали сады во всем городе. На другой день кучи громадные осели и потекли ручьи сока по всем направлениям. Понятно, что из всего вышло. Консервов не делали, и даже на уксус нельзя было использовать, т. к. не было бочек, и вся масса заплесневела и была уже сухая. Таких примеров не перечесть.

Когда еще мы жили в Нальчике, то ранней весной приехала агрономическая комиссия показательная, состоящая из безусых мальчищек, прошедших ускоренные курсы. Цель их приезда была научить кабардинцев и местных русских крестьян как надо сеять просо, а они его сеяли испокон века. Крёстьяне и кабардинцы просили дать им право сеять, как их столетиями научил опыт, но «ученая» молодежь не согласилась. Они решили так: «Мы посеем один показательный участок, а вы другой, увидим, у кого будет лучше». Вспахали, привезли семена. Крестьяне. шепчутся и в сторону посмеиваются, но сговорились и виду не показывать. Посеяли, разошлись. У крестьян на участке показались густые всходы, у комсомольцев ничего. У крестьян уже колосится просо, а у них голая земля. Что же оказалось: молодые агрономы посеяли не просо, а ободранное пшено. Конечно, смеяться можно было только в кулак или при плотно закрытых дверях, чтоб не оказаться в ГПУ. В то время уже происходили неслыханные безобразия. Всех не согласных с колхозами немедленно арестовывали. Стали обирать кулаков и ссылать в Сибирь, якобы, как нажившихся от эксплуатации рабочей силы. Кто были эти кулаки? Это были лучшие земельные труженики, которые не пропивали своего имущества, а работая от зари до зари, сумели себе и домик выстроить, и посадить несколько фруктовых деревьев, да в лучшем случае, иметь трех свиней и трех коров. Арестовывали и за двух коров, если у хозяина был работник. Когда прохожу теперь и вижу у крестьян в Германии, у самого бедного штук 6-7 коров, а у зажиточного и по нескольку десятков, то перед глазами встает безобразная картина советского разбоя. Начались аресты в самый разгар уборки урожая. Толпами сгоняли, как овец, ни в чем не повинных мужиков в сараи, держали иногда их стоя вплотную, без еды по 2-3 дня, пока разбиралась вина их в зажиточном образе жизни. Председателями были бывшие лодыри, пьяницы, но большей частью пастухи. Хуже всего были судьи бабы, они всегда оказывались самыми жестокими, особый почеть был скотницам. Святой пророк Давид говорит: «Горе тому народу, где самые низменные из народа возвысились, повсюду тогда ходит нечестивый». Как метки эти слова по отношению к властвующей большевистской орде.

На станциях Кавказа можно было встречать то здесь, то там женщину в красном платке со страшной наружностью, с кличкой Маруська. Перед ней открывались все двери. Она, подходя к буфету, предъявляла бумагу тем, кто ее еще не знал, и требовала себе безплатно всего, чего только хотела. Я поинтересовалась, что это за особа? Мне сказали, что заслуга ее была очень оценена высшими властями. Она была передовой в мучениях офицеров и собственноручно выкалывала им глаза раскаленной спицей. Говорили, что она становится бесноватой, припадочной и мешается в рассудке. У меня в Таганроге был дядя, очень хороший и уважаемый всем округом врач. Он мне рассказывал о всех первоначальных зверствах революции, где не только подвизались узаконенные изверги Чека, а затем ГПУ, но всякий желающий издеваться над помещиками, военными и просто богатыми людьми\это поощрялось и награждалось властями). Дяде приходилось много раз сталкиваться с такими людьми. Суд Божий постигал их еще на земле, самый ужасный. Им: зде виделась нечистая сила, она их преследова

днем, но особенно ночью. Они доходили до припадков, готовы были отдать все награбленное, умоляли давать им усыпляющие средства, чтоб забыться, а окровавленные образы все яснее реально вставали перед глазами, но, вероятно, не совестью, если б не было этих видений, то они спокойно продолжали бы свое дело. Какое медицинское средство могло против этого помочь? Большое число таких припадочных было среди матросов, они падали, испускали пену и бились где попало, особенно при большом стечении народа. Мне пришлось видеть это на станции Ростов-на-Дону. Когда я была в 1944 г. в Праге, то видела бежавшего из Сов. России священника. За чаем в архиерейском доме он рассказал интересный случай, который и передам от его имен

«До революции был я соборным старостой в Саратове, имел хорошее состояние и собственный дом. В 1920 я был за это арестован и с другими 40-ка человеками перевезен на лодке по Волге на середину реки, где нас поместили в трюме стоящей на якоре баржи. Люди были разные,

было и духовенство. Среди их почтенный епископ. Условия были крайне трудные, но мы, все верующие, утешались беседами и общими молитвами шепотом. В одно утро привели к нам трех арестованных матросов. Плохо, очень плохо было и до этого, но с их приходом жизнь стала совсем невыносимой. День и ночь они издевались над нами, доходили до зверства. Когда нам привозили передачи, они все забирали, вынимали все лучшее себе, а остальное выбрасывали за борт. Пробовали протестовать, пробовали уговаривать, особенно смиренный епископ, становилось еще хуже. Мы голодали, но о жалобе не могло быть и речи, т. к. подверглись бы еще худшей мести с их стороны. Так прошло около двух недель, когда этих трех матросов вызвали на палубу на допрос. Часа через три их поивели обратно со связанными назад руками. приговоренных к расстрелу. Несмотря на все их злодейство к нам, у всех было чувство жалости и хотелось что-нибудь сказать, подбодрить, что и пробовали мы, и особенно епископ. Чем можно утешить озверелого безбожника? Мы спросили, чего бы они хотели. Один попросил поесть, другойпокурить, а третий угрюмо молчал. Когда все мы улеглись на ночь, и я лег в меховой мешок, бывший со мной, т. к. была осень и холодно, спать я не мог. Вдруг подходит ко мне этот третийматрос и говорит: «Вот Вы, как я видел, имеете дело с духовенством, так скажите мне, где же: Ваш Бог? Если б Он был, то не дал бы меня, совершенно безвиннаго, присудить к смерти за дело, которое я несовершал. Нет, нет Бога!» А я ему и говорю: «Почему Выдумаете, что Бог Вас именно за это дело, о котором Вы говорите, что не были невиновны, наказывает? Может быть, Вы совершили какое-нибудь другое тяжкое преступление, бывшее прежде?» А он отвечает: «Да, я убил из мести нашего капитана, а когда его маленький сын бросился его защищать, я и его убил». —«Так видите, Вы как неверующий не покаялись, за что и должны теперь пострадать, но Бог есть и Богь Милосердный, всепрощающий. Он и теперь мог бы Васъпростить и избавить оть смерти, если б Вы Ему помолились». Он нервно и быстро говорит: «Научите меня, скажите мне хоть коротенькую молитву и я буду молиться». Я стал думать, какие ему слова сказать и вдруг все забыл, не могу вспомнитьни одного слова, а он умоляет. Тут я смог только вспомнить и сказал: «Да говорите хоть бы два слова: «Господи, помилуй». Он отошел, и я видел, какъон просил о спасении. Под утро я заснул, но очень скоро нас разбудил окрик, вызывающий этих трех. Вскоре послышался ружейный залп. Мы все перекрестились, как вдруг вбегает тот, что молился и кричит: «Есть Богь, есть Богь!» Когда он пришел в себя и немного успокоился, то сказал: «Я молился и все говорил: «Господи, помилуй». Наконец устал и немного забылся. Вижу, подходит ко мне старичок и так ласково говорит: «Ты не бойся, Господь услышал тебя, иди с верой». Когда нас поставили и взвели курки, то один из двух приговоренных сказал: «Подождите, отпустите его, он правильно показывал, что не участвовал в нашем деле и невиновен». Мне развязали руки и отпустили». Он уехал совсем с баржи.

«Целый год я ничего о нем не знал, — продолжал, священник. —Меня отпустили через месяц. На Пасхальную заутреню я как староста пришел раньше всех в храм и вижу спину стоящого на коленях человека. Фигура его мне показалась знакомой. Подхожу ближе к иконе Спасителя, перед которой он молился и вижу, что он плачет. Я не хотел мешать и этошел. Тут вспомнил, кто этот молящийся с такой верой, это был спасенный матрос. За ранней обедней он исповедовался и приобщался Святых Тайн. По окончании службы он вручает мне 50 тысяч руб. и просит принять в дар для храма, но я не нашел возможным принять, т. к. он сам сказал, что эти деньги заработаны преступлениями и он не хочет их теперь иметь. Он стал умолять. Мы пошли вместе к владыке, но он тоже не нашел возможным принять их на нужды церкви. Тогда эн сказал: «Эти деньги—цена слез одних людей, им я вернуть их уже не могу, так дайте ях другим нуждающимся, пускай за счет одних получат помощь и порадуются другие». На это владыка согласился и деньгами этими утешили много бедных семейств. Это было в 1920 году. Все арестованные, подвергающиеся допросам; следователей ГПУ, утверждают, что ужасней следователей-женщин ничего на свете нет. Есть женщины-палачи, которые, держа револьвер в руке, еще кокетничают с своими жертвами перед убийством.

29. Праведники

Все же не одни только ужасы видела я за 25 лет. Много я написала и о чудесных милостях Божиих. НЂкоторых людей праведной жизни Господь хранил от насильственной смерти из рук большевиков. Величайшим счастьем и утешением бывали встречи и столкновения с ними.
Бывая в Ростове для продажи цветов, я услышала о дивном 106-летнем старце, отце Иоанне Домовском, проживавшем в Ростове в отдельном маленьком домике. С утра до ночи ириходили к нему посетители за советами и утешением. С ним было явное чудо охраны его Божьей милостью от ГПУ. Не раз приходили, забираясь его арестовать, но ГПУ с его силой и физической, и сатанинской не могло этого.
Верующие всегда дежурили и день, и ночь, мгновенно собиралась толпа у его домика. Конечно, без помощи Божьей нельзя было противостоять сатанинской силе. Старец умер у себя в келии в 1927 г. своей смертию от старос
Я была у него два раза, и чудное благоговение исходило от этого древнего по годам, но всегда молодого духом старца. Большею частью он лежал на своей койке и принимал посетителей не вставая, одетый в подрясник. Иногда вставал и подходил с пришедшим к углу, где висела масса икон и много лампад над покрытым донизу столом, где он совершал богослужение. Он был высокого росту, совсем не согбенный, и с него, казалось, можно писать картину, изображающую Апостола. Первый раз он меня принял, беседовал, не вставая, а второй—встал и молился в священном углу. Когда он отпустил меня, благословив, и я уже вышла за дверь, он стал звать меня по имени обратно. Я вернулась, он еще стоял в углу, на нем была епитрахиль. Он положил мне руки на голову и несколько минут про себя молился, затем медленно благословил большим крестом со словами: «От наглыя смерти». Я поняла, что он снял с меня что-то страшное, грозившее мне, видимое его прозорливостью. Не раз я бывала в условиях неминуемой, казалось, гибели, и всегда помню эти его слова и благословение. Когда я была в первый раз у него, то прислуживающая монахиня впустила меня, пока он еще не отпустил другую женщину. Она не просто плакала, а рыдала, умоляя его о чем-то. Я не могла не слышать разговора, т. к. была Тут же около, и он не сказал мне отойти, вероятно, нужно было, чтоб я еще более укрепилась в своем чувстве и мнении к коммунистам. «Батюшка, я люблю его, у меня оть него несколько детей, ну как я уйду от него? Это же мой муж!» —говорила она. А он отвечал: «Оставь и уйди, верующая в Бога не может быть женой коммуниста». Так она и ушла в слезах под его запрещением, а он в последних словах сказал ей: «Прощения за это не будет никогда».
В этом самом году я была в Ростоее, когда взрывали громадный собор. К счастию, я не видела этой потрясающей картины, но испытала содрогание всего города и громовой ужасный звук. На другой день видела груды разрушенных камней. Близко не подошла, страшно было и невольно вспомнилась молитва: «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его». Вскоре был взорван собор в Таганроге. На нем был громадный золотой купол, и поддерживали его 12 Апостолов очень красивого и красочного письма. В то время храмы уничтожались по всей широте необъятной России. Обычно начинали взрывом соборов, а затем и церквей. Все ценное предварительно выбиралось: священные сосуды, ризы, лампады и все. что было из золота. серебра и драгоценных камней, увозились предметы и образа древнего письма и работы, представлявшие ценность, а остальные, хотя бы и чудотворные, уничтожались и подвергались поруганиям. Все это продавалось или отдавалось евреям для перепродажи заграницу. Трудно себе представить тот объем ценностей, что было ограблено и частью вывезено из России или разобрано по рукам представителями власти. Ведь все царские драгоценности миллиарды стоили. В одной уже грановитой палате в Москве были такие камни в исторических коронах, каких во всем мире нет, т. е., вернее сказать, до того времени не было
В старинных имениях русского дворянства каких произведений искусств только не было. В имении моей бабушки была большая картина, которую я в детстве, помню, очень боялась: это были в натуральную величину два средневековых рыцаря, оригинал Рембрандта. Картина эта

была вывезена из Версаля. Дед моей матери, известный казачий атаман, граф Платов, получил ее и другие ценные предметы в дар от Франции при подписании мира в Париже по окончании войны 1812 года. Картина принадлежала старшему брату моей матери, моему дяде. В самом начале революции он был посажен в тюрьму как помещик и предводитель дворянства. Все имение было разграблено, и Рембрандт исчез

В то время еще оставляли кое-какие храмы для живых и обновленческих церквей. Конечно, никто из истинно верующих не ходил в эти места кощунств. Я не могу их называть храмами или церквами. Когда взорван был храм Христа Спасителя в Москве, который весь внутри, начиная с громадных икон знаменитых художников и кончая полом, был из мрамора и тонкой мозаики, вы могли видеть, как из нагроможденных гор развалин этих увозили на грузовиках и превращали в щебень святые мозаичные остатки икон, которыми мостили улицы. Это было сделано, чтоб люди под ногами топтали святыню. Волей неволей приходилось ходить по таким тротуарам и улицам. Все роскошное метро, которым большевики гордятся. построено из разноцветныхъмраморов разрушенных старинных церквей и памятников с уничтоженных кладбищ. По улицам сбирали мусор и навоз в мешки, сшитые из дорогих золотых и серебрянных риз. На месте богатейшего кладбища «Скорбященского» при Скорбященском бывшем монастыре, снесенном целиком, устроен парк культуры с разными увеселениями. Там был похоронен мой отец, скончавшийся в 1914 г. Родственникам было предложено открыть могилы и перевезти гробы с покойниками на Ваганьковское кладбище. Я в то время была на Кавказе. Сестра моя перевезла отца. Это было крайне трудно и стоило очень дорого, но она сумела кое-что спрятать, до чего ГПУ не добралось. Прошло десять лет уже с его смерти. Был подведен цинковый гроб и в него сдвинут прежний. В 1941 г. весной было предложено опять отрыть, перевезти за много верст от Москвы, т. к. на месте Ваганьковского кладбища должно было быть вырыто озеро для спортивных целей и катанья. Не знаю, что сделала сестра моя с могилой отца, матери, брата и другой сестры, но я не имела средств, чтоб перевезти мою дочь, скончавшуюся в 1930 году. Было объявлено, что все оставленные в земле гроба будуть вырыты и сожжены. В июне началась война, и дальше я ничего не знаю. На месте бывших храмов устраивались обычно какие-нибудь увеселительные места: кино, кафе, пивная и т. д., а на месте алтарей танцевали, распутствовали, устраивали также модные ателье, и где были престолы, там раздевались, примеряя белье и платья. Я не берусь разъяснять сути обновленческих и живых церквей, потому что просто не интересовалась работой лукавого и не знаю ее в подробностях. Одно знаю, что рукоположения не требовалось, а просто назначали священником кого попало, лишь бы подорвать авторитет истинной Апостольской Церкви православной. Священники могли разводиться, снова жениться без ограничения, ходить в театры, кино, трактиры и т. д. Архиереи тоже были женатыми и в увеселениях не стеснялись. В неслужебное впемя ходили в штатском. Таинство крещения и брак преследовались вплоть до войны, хоронить со священником было запрещено вплоть до вступления лжепатриархом Алексия, и насильно старались заставить хоронить с музыкой. Сколько лишнего горя это создавало для многих. До 1930 или 1928года, не помню, разрешалось свободное сожительство без ограничения возраста и даже без регистрации. Что только творилось в совместных школах, невозможно передать. Девочки 14-ти лет нередко становились матерями. Детейзабирало государство, а матери продолжали ученье. Вот и не помню в каком году, но даже болыпевики ввели гражданскую регистрацию. Безбожная пропаганда велась всюду и везде. По всем улицам на стенах домов и учреждений расклеивались плакаты: «Религия—опиумъдля народа» и «Пропаганда—наше орудие». В частные дома являлось ГПУ для проверки, не висят ли иконы, и тех, кто не хотел добровольно снять икон, рано или поздно арестовывали и ссылали сперва на 5, а по истечении срока еще на 10 лет, и они уже пропадали без вести, лишенные права переписей. Так и я лишиласьуже как 10 лет своих двух младших сыновей, Пети иАндрюши, за веру и нежелание идти хотя бы на компромиссы. Начиная с первого дня революции и за все время моего пребывания в этом аду у нас. перед образами горела лампадка. Меня неарестовали только из политической лжи перед иностранными посольствами. Им втирали

очки, что якобы ссылаются только политически виновные, а в доказательство указывалась я, а в Москве моя сестра, фрейлина Императрицы, и другие старыя дамы и мужчины известных фамилий, которые не были арестованы. Это была все та же подлая ложь. Я лично потеряла 12 человек моей семьи и со стороны мужа семерых. 18-летняя племянница моя была в 1922 г. схвачена на улице за то, что разговаривала со знакомым по-английски. Целый год ее держали в одиночном, крайне тяжелом заключении, обвиняя в шпионаже. Она была с рожденья воспитана сперва няней, а затем гувернанткой англичанкой., ИХ БЫЛО ЧЕТВЕРО БРАТЬЕВ И СЕСТЕР И ВСЕ ПОГИБЛИ за это. Брат мой, отец ее, только что лишилсяжены, но она умерла своей смертью в больнице. На эту дочь, умную и чрезвычайно хорошую девушкуон только и мог опереться в своем горе и иметь помощницу в воспитании трех младших. Он просил, доказывал ее невиновность, но всенапрасно. Через несколько месяцев она заболела резкой формой туберкулеза. Весной она лежала в тюремной больнице. 4-го Мая положение было безнадежно, брату разрешили свидание. И он, и бедная больная умоляли отпустить ее умереть дома. Не разрешили. 6-го утром она умерла, а в 3 часа дня брату принесли извещение, что дочь его признана взятой по ошибке, с нея слагается обвинение в шпионаже, и он может взять ее домой. Какая злая и характерная сатанинская насмешка! Брату отдали ее тело. Через два года был призванъна военную службу следующий за ней брат, и увезен в Одессу. Через месяц сообщили о его смерти. Как и отчего умер, неизвестно, но, возможно, тоже за английский язык. Еще через год сослана в лагерь Сибири была вторая дочь, а младший сын посажен в Бутырскуютюрьму в Москве. Не выдержал горя бедный брат мой и заболел смертельно. Перед кончиной удалось выхлопотать, чтоб сына из тюрьмы привезли, по его просьбе, проститься с отцом в больницу. Все кругом плакали, когда этого совсем юнаго, невиновного (что для многихъбыло понятно) ввели в палату в сопровождении двух солдат ГПУ с ружьями. Срок был дан 5минуть. Отец, чувствуя смерть, просил продлить хоть на минуту свидание, а сына, припавшего в нему, пришлось силой оторвать. Его вывели только за дверь, и брат скончался. Второй брат мой умер в Архангельске в ссылке. Третий брат мой, Петр, я о нем писала, все первые двадцать лет революции почти сплошь проводил в ссылке, и в 1934 году пропал после суда, о чем напишу дальше, без вести. Сестра моя младшая в год объявления войны, когда я рассталась с Москвой, была уже 12 лет в ссылке, и о ней ничего не было известно. Умерли в тюрьме моих двое дядей и трое братьев моего мужа. Мои два сына, как я писала, в 1937 г. пропали без вести, о чем напишу дальше подробней.

Познакомилась я с двумя очень религиозными, и скажу более, по общему мнению, праведной жизни старыми мужем и женой. В царское время он занимал очень высокую должность в Иркутской области в Сибири. Фамилию не называю. Люди потеряли трех сыновей в Белой Армии. Неоднократно был он арестован и не раз проводил не один год в крайне тяжелых условиях тюрьмы. Разорены они были, конечно, до абсолютной нищеты. Нередко можно было видеть, как этот высокий, с белой окладистой бородой, типа истинного боярина, ходил по базару с корзиной или мешком и подбирал отбросы овощей. У них в Хабаровске оставался последний старший сын, бывший офицер лейб-гвардии гусарского полка, каким-то чудом не только до 1926 г. спасшийся, но и занимавший место заведующего конским ремонтом; он был женат, имел дочь и могь уделять родителям только ничтожную сумму. Не будучи ни коммунистом, ни вором должен был существовать на крайне маленькое содержание. Он очень печалился бедственному положению своих родителей. Ему удалось устроить себе командировку и безплатный проезд для закупки лошадей, не помню куда, но он смог урвать два дня, чтоб повидать отца и мать. Я познакомилась с ним. Он был хороший, честной жизни и так же верующий, как и они. Очень симпатичный и красивый, лет тридцати.

Он показал мне несколько портретов Государя, Государыни и великих князей, все с собственными подписями и сердечными словами, показал и свой портреть в парадном гусарском мундире. Я не одобрила этого, это была ненужная неосторожность возить с собой эти портреты, что я ему и высказала. Он ответил на это: «Мой Государь до самой смерти будет при мне». Пробыл он три дня и уехал обратно. Несколько месяцев не было писем, и наконец,

пришла печальная весть от вдовы его. По дороге назад он был арестован ГПУ, отобраны портреты и без суда расстрелян. Старики остались совсем беспомощные. и нищие. а были очень крупными помещиками Харьковской губернии. Мне пришлось их видеть через три года после моего отъезда в Москву. Меня посылал к ним с поручением один старец, принадлежавший к катакомбной церкви, возглавляемой митрополитом Иосифом, это были молитвенники, терпеливо несшие посланный им Богом крест.

В 1930 году дочь моя, Ирина, о которой я писала, что она после 1918 года никогда не могла совсем поправиться, заболела сильными болями в области печени. Местные врачи находили необходимым сделать операцию, но специалистов хирургов там не было, и мы решили уехать все в Москву. Я чувствовала непоборимую душевную тоску, давившую меня тяжелым предчувствием несчастия. Да оно скоро и постигло меня, за две недели до ее смерти я потеряла сына, и это стало началом уже не маленьких предыдущих печалей и трудностей, а ниспосланных мне великих скорбей и горя. Мы переехали

Найти квартиру было неизмеримо трудно. Несколько времени, недели две, жили все с мучавшейся болями Ирочкой в комнатке у брата моего мужа, где он жил. Если б мы знали, что обещанной им комнаты нет, то оставались бы еще в Ейске, но приехали и делать нечего. Наконец, нашли комнатку 6 на 6 аршин и переехали туда в числе семи человек: зять, больная Ирочка, Наташа, Петя, Андрюша, я и внучка Ниночка. Спали на нарах, один над другим.

Через месяц только Ирочку положили в больницу. Несмотря на настояние врачей на немедленной операции в области печени, советский профессор-коммунист Бурденко не давал возможности лечь в больницу, доказывая, что у нея туберкулез брюшины и операция не нужна. Когда же оказалось неизбежным ее сделать, то было поздно. Вскрыли область желудка, сделали пятивершковую рану. Желудок оказался здоровым. За это время назрел громадный нарыв в печении, из-за количества гноя нельзя было рану зашить. Бог будет судьей профессору, умышленно ли было оттянуто сколько времени вопреки мнениям других врачей, неизвестно. Среди всех способов уничтожения большевиками дворянского сословия бывали и такие случаи. Через 10 дней я с ней рассталась навсегда. Все это время я провела, не отходя от нея, дежуря дни и ночи, прикладываясь на стульях рядом, т. к. уход был ужасный и я не доверяла никому. Мне это разрешили. До последней минуты, несмотря на ее страшные страдания, я не теряла надежды на ее выздоровление. Своей кротостью и невероятным герпением она поражала всех. Глубоко верующая, с полным сознанием своей смерти, она скончалась, не переставая молиться. Один раз в неделю я ездила и привозила ей Ниночку, в которой она души не чаяла, но и при последнем расставании с 6-летним ребенком она не впала з отчаяние, и только крупные слезы молчаливого горя передавали ее душевное состояние. Она сказала мне: «Мамочка, я тебе ее отдаю, она теперь твоя. Я знаю, что умираю». Накануне смерти она мне сказала: «Вот я еще живу и лежу здесь, а другая я, легкая, как воздух, стою уже у своего тела».

За две недели до ее смерти мне принесли траурное писыѵю из Франции, к счастью, не при ней. Мне сообщали о неожиданной смерти от несчастного случая моего сына Николая в Ницце. Громом поразила меня эта ужасная весть, писать о том не буду. Я сознавала только одно: надо скрыть от Ирочки это известие, оно убило бы ее прежде зремени. Они были с детства неразрывными друзьями. Да, Господь не посылает креста превыше сил, и они у меня нашлись, чтоб взять себя наружно в руки. Часа три я не могла бы проронить; слова, и она испугалась бы. Я отговорилась делом, задержавшим меня.

Через несколько дней она меня спросила: Отчего, когда я заговорю о Коле, у тебя глаза полны слез?» Я ответила, что мне сообщили о том, что он болен, а она и говорит: «Не плачь, мамочка, главерное, он в лучших условиях находится, чем и здесь в этой советской больнице». 19-го Февраля 1931 г. она скончалась. Разрешили мне взять ее из морга и похоронить. После этих двух смертей дорогих моих взрослых детей все трудности жизни, изложенные ранее, стали такими бледными и ничтожными.

За время болезни Ирочки вышла замуж младшая Наташа. Я осталась с Петей, Андрюшей и

Ниночкой. Вскоре и Петя женился. Средства были очень небольшие, едва хватало на самое скромное пропитание. Я делала понемногу цветы, и со страхом быть арестованной за то, что не имела налогового свидетельства, продавала их из рук в руки. Андрюшу взял учеником-практикантом биологической лаборатории к себе профессор сельскохозяйственной академии, Прянишников. Он стал получать небольшое жалованье.

30. Животный страх

Я зашла вперед и возвращаюсь к 1927 году, когда мы еще жили в Ейске. В этом году случилось в русской православной церкви событие, в корне изменившее всю нашу жизнь. Мы перестали ходить в церковь.
Вышел знаменитый исторический декрет митрополита Сергия, повлекший за собой разделение верующих. Он, как известно, призывал русский народ признать советскую власть, «радоваться ее радостям и разделять ее печали». Установил поминовение властей за литургией. Это был политический маневр сатанинских слуг. Митрополит Сергий вошел в контакт с ГПУ.
Когда декрет дошел до Ейска, я сразу почувствовала в нем хитрую козни сатаны и сказала: «Андрюша, в храм наш мы пойдем только в том случае, если О. Василий не признает поминовения». Я была уверена, что этот почтенный благочестивый протоиерей, несмотря на слухи о жестоких преследованиях не признавших, ни на минуту не поколеблется. На меня посыпались нарекания, споры и разделения, доказывая, что Церковь всегда остается Церковью, облеченной благодатью. Я переживала очень остро этот вопрос и решила ехать в Москву, где надеялась найти лиц, на авторитет которых могла бы положиться, но и то в том случае, если их мнение будет совпадать с моим, и твердо сказала себе: «Я не вступлю ногой в тот храм, где будут молиться о мирном житии с велиаром». Приезжаю в Москву и, к радости, застаю там своего брата, только что отпущенного после второй ссылки. Он жил не в Москве, а на даче в ее окрестности, т. к. не имел права жить в столицах. В этот день он случайно приехал тайно в Москву. Там у меня были сестры, тоже на меня напавшия и готовыя даже отречься оть меня за мое мнение. После я поняла, что это был все тот же животный страх и чувство самосохранения, т. к. признавшие поминовение так не преследовались. Брат обрадовался мне, мы были с ним одних мыслей. «Пойди в бывший Крестовоздвиженский монастырь, —сказал он мне, —там замечательный, еще сравнительно молодой священник, О. Александр, на его верование можешь положиться вполне». Бедный брать мой, или вернее, высокосчастливый, за веру гоним был все 30 лет революции (до моего отъезда из России). Его после пяти лет ссылки выпускали и разрешали поселиться только не в столицах. В церковь у себя в поселке он не ходил. Пока О. Александр еще не был замучень и служил, он изредка имел возможность приезжать к службам. Когда же не осталось в Москве ни одного храма, где не поминали бы властей, он не ходил в церковь вовсе. Его вызывают в ГПУ: Почему Вы не ходите в церковь?» (Они знали, что он был последним исполняющим обязанности прокурора Святейшего Синода при Царе и понимали, что если он не ходит в церковь, то из-за непризнания ее). «Я отвечал», —рассказывал он мне, —что предпочитаю молиться дома». —«Мы-то знаем, почему Вы не ходите, Вы не признаете нашего митрополита». — «Мне непонятно, какой может быть Ваш митрополит, раз у вас гонение на веру и на церковь!» —«Вы прекрасно понимаете, что мы говорим о митрополите Сергии». —«Ну, в таком случае, я его не признаю».
Домой его уже не пустили и отправили в новую ссылку, для новых страданий. После 1937 г. о нем ничего не было слышно. Из Казахстана, где он находился, его отправили неизвестно куда на 10 лет без права переписки. Твердый в вере и непоколебимо мужественный был этот мой брат. Последний суд над ним был в 1937 г. при открытых дверях. Люди, видевшие этого преждевременно состарившегося, красивого не только лицом, но внутренним духом и достоинством, с которым он говорил, рассказвшали, что хотелось поклониться ему в землю. Он не защищался, а твердо шел на мучение за Христа
Так вот, по его совету, я пошла в церковь бывшего Крестовоздвиженского монастыря. Пришла

к литургии. И облик будущего мученика-священника, и все служение поразили меня глубоко. Я давно, да и не помню где, не была так хорошо настроена духовно. Да и быть иначе не могло. Чувствовалось, что все молящиеся испытывали то же самое. В храме благоговейная тишина, ни хожденья, ни разговоров даже шепотом не допускалось. Тарелочного сбора, нарушающего обычно углубление в молитву, не было. У дверей кружка на все требы и нужды церкви. Пел хор любителей, еще не арестованных прихожан. По окончании службы я спросила О. Александра, когда я могла бы с ним поговорить. Он ответил: «Воть я кончу требы, а Вы посидите в левом приделе, я приду к Вам и поговорим». «Вы приезжая?» — спросил он. Я ответила: «Да, издалека, с Кавказа». Он разоблачился и подошел ко мне в черном подряснике, с ремешком, как у послушников, хотя монахом не был. Я замечала, что у таких людей лица какой-то особенной неземной красотой просвещенные. Он сел около меня. Я ему рассказала о моих переживаниях по поводу декрета митрополита Сергия, сказала о том, что решила и сама не ходить, и Андрюше не давать прислуживать в храме, где будут молиться за советскую власть. Он очень обрадовался и благословил со словами: «Сергий—слуга отца лжи, Вы правильно рассудили это дело и никогда, ни при каких условиях не посешайте слvжений. гле бvдет поминовение, и не общайтесь с таким духовенством, хотя бы пришлось умереть без покаяния и отпевания». Слова его как чистая струя воды влились в мою душу. Они стали источником величайших земных скорбей, но живительным источником для души, и вот прошло 20 лет со времени разговора, и я не изменила твердвим своим взглядам и его заветам. Вечером я у него исповедовалась. Я свою безграничную любовь к детям и страх их терять не считала Богу неугодным и ничего ему об этом не говорила, когда он вдруг говорит: «Так нельзя любить детей, помните слова, сказанные Св. Симеоном Матери Божьей о том, что ее Душу пройдет оружие, так вот, эти слова были сказаны и всем матерям в Лице Божьей Матери, вам пройдеть оружие в душу в ваших детях». В то время я не подумала как-то, что он облечен провидением, а теперь через 20 лет, оставшись одна на свете от семерых детей, я вспоминаю его слова. Да! Я слишком их любила. О судьбе церкви и О. Александра напишу дальше

После говенья я на другой же день уехала в Ейск. Немедленно пошла к О. Василию. Вхожу и вижу: О. Василий, заложив руки за спину, взволнованно ходит взад и вперед по комнате, матушка горько плачеть. Я подумала, не горе ли у них какое случилось, и спрашиваю, что такое. Матушка буквально с рыданием отвечает: «Вообразите, О. Василий подписал в ГПУ признание поминовения и все требования, вплоть до обязательства сообщать все, что ему будет открыто на исповеди». Я ушам не поверила. «Отец Василий, неужели это правда? Вы могли это сделать?» С глубоким волнением в опавшем лице он ответил: «Не хватило духу быть мучеником».

Несчастный, да, да, именно страшно несчастный, и таких было много. Придя домой, я сказала детям: «Болыпе мы в церковь ходить не будем». В Ейске было три храма и все священники подписались в верности митрополиту Сергию. До 1930 года мы были лишены церковного служения.

По приезде в Москву я первым делом справилась, есть ли еще храмы, где держатся заветов св. Патриарха Тихона и не молятся за анафематствованных им властей. Таких оказалось два: Никола Большой Крест на Ильинке, где Андрюша сейчас же стал прислуживать и где Господь привел отпеть мою Ирочку, и Сербское подворье на Солянке. Бывший Крестовоздвиженский монастырь закрыт, О. Александр арестован и выслан на Крайний Север, на так называемую «Медвежью гору», где замучен до смерти

О нем рассказали мне следующее: он работал ца лесной разработке, ссыльные все относились к нему с благоговением дяже нодзиратепи не смели поднимать на него голос. Это не нравилось, конечно, начальству ГПУ, и они его не расстреляли, а замучили, что-то сделав с его головой. Накануне его смерти к нему на свидание была допущена его жена, приехавшая из Москвы. Он был здоров и все так же в бодром душевном настроении; просил ее передать оть его имени еще раз просьбу ко всем еще не сосланным прихожанам, чтоб твердо держались его заветов никогда не общаться с Сергианскими священниками. Наутро тюремное начальство

объявило, что он ночью повесился. Какая страшная сатанинская ложь! Этоть прием ГПУ не раз применяло для дискредитирования людей за праведную жизнь, почитаемых верующими. Никто, конечно, из таковых не поверил им в этой злостной лжи, тем более жена, которая это и рассказывала. Ей его показали мертвым. Голова была сильно распухшая. До ГПУ дошел; лух, о котором говорили и з Москве, что он тайно в праздник во время работ служил обедню на пне, и многие видели, как в чашу вошел огонь. По времени и месту это могло быть только с ним, ГПУ его уничтожило… Встретила я в Москве на улице одного очень мне близкого человека, и он мне рассказал историю про себя, которую тем, кто верит в Бога и чудеса Им посылаемые, интересно будет прочитать.

31. Св. мученик О. Владимир

У меня с детства была близкая подруга Н. Б. Она была немного старше меня и вышла замуж на два года раньше. В первый же год у нея родился сын Владимир. С самого рожденья мальчик поражал своими большими черными, как бы грустными глазами и необыкновенно смирным характером.

На второй год родился у ней сын Борис, тоже удивлявший всех с первого дня появления на свет, но, наоборот, чрезвычайно беспокойным харакгером и живостью. Обоих этих мальчиков я любила нянчить и возиться с ними. Владимир каким родился, таким и рос. Никогда, еще с самых младенческих лет, не хотел играть с другими детьми. Сядет тихонько в уголок, и иногда странным казалось, о чем думает эта маленькая головка? Отец и мать, оба верующие и религиозные, очень беспокоились за него. Одно, что он любил — это ходить в церковь. Когда пришло время отдать его в гимназию, то мать его мне говорила: «Я не знаю, как Вова можеть учиться, мне думается, что он совсем неспособный и вообще какой-то не совсем нормальный: ничто его не интересует, всегда молчит и о чем-то не по годам думаеть…» Все классы прошел первым учеником! Религиозность его родители стали понимать, но когда по окончании гимназии он объявил им о желании идти для дальнейшего образования в духовную академию, они были поражены. Они еще не уясняли себе его стремления к духовному пути и настояли на том, чтоб он сперва окончил университет, а потом, если его намерение останется неизменным, то они его благословят идти в духовную академию. «Ты еще очень молод, —говорили они, —послушай родителей». Он исполнил их желание и прошел курс юридических наук в Московском университете. Прошел не за четыре, а три года, что тогда разрешалось. По окончании поступил в духовную академию, был посвящен в диаконы, и затем в священники в 1917 году. Он не захотел быть женатым, но по уставу церкви не имел права быть безбрачным. Семья ега была дружна с одной тоже благочестивой семьей, в которой молоденькая дочь умирала в чахотке. Доктора не давали ей жизни болыпе месяца. Она знала молодого Владимира и знала, что умирает. Она сделала великое дело: согласилась обвенчаться с ним, чтоб он, оставшись вдовцом, имел право на священство. Она была так слаба, что с ее стороны это была святая жертва. Вернувшись из церкви домой, она уже не вставала и через две недели скончалась.

Владимир вступил на путь, к которому стремился и был избран Богом с рожденья. С самого начала стал пользоваться уважением и любовью прихода. В 1924 г. он и его родители были высланы на «вольную», так называемую, ссылку в город Тверь. Они не имели права покидать город и должны были всегда быть под надзором ГПУ. Служить он имел право. Проповеди его отличались полным безстрашием с самого начала, и когда вышел декрет Сергия, он призывал верующих не подчиняться ему

Проповедь, по словам слышавших, была необычайная по силе духа. Днем он пришел к родителям проститься, т. к. его кто-то предупредил, что он ночью будеть арестован. Он просил их ни при каких условиях, даже в момент смерти, не приглашать священника, вошедшего в контакт с ГПУ. В ту же ночь он был арестован и расстрелян в Москве (в 1930 году)

Его брат Борис, когда началось брожение революции, поддался пропаганде, вступил в

комсомол, а затем, к великому горю родителей, стал членом союза безбожников. Отец Владимир при жизни старался его вернуть к Богу, умолял одуматься и, вероятно, много молился о душе брата, но не поколебал его, и после убиения О. Владимира в 1928 г. Борис стал председателем союза безбожников в г. Петропавловске в Казахстане, куда уехал, женившись на девушке-комсомолке, тоже безбожнице.
Я знаю, что родители его, как и его невесты, сказали им, что если они не исполнят церковного брака, то они от них отрекутся. Несмотря на крайнюю разницу воззрений и целей жизни, Борис любил отца и мать. Они с невестой решили исполнить требования родителей, издеваясь над таинством, все же тайно повенчались. Тайно потому, что иначе были бы расстреляны. Больше я ничего о них не знала, т. к. в Москве не жила.
В 1935 г. я была на несколько дней в Москве, где встретила Бориса. Он радостно бросается ко мне со словами: «Господь по молитвам брата О. Владимира на небесах вернул меня к Себе».
Вот что он мне рассказал:
«Когда мы венчались, то мать моей невесты благословила ее образом «Нерукотворного Спасителя» и сказала: «Только дай мне слово, что вы его не бросите, пусть он сейчас не нужен вам, только не бросайте». Он, действительно, не был нам нужен и лежал в сарае, в сундуке с ненужным хламом. У нас через год родился мальчик. Мы оба сильно хотели иметь ребенка и были его рождению очень счастливы, но ребенок родился больной и слабенький, с туберкулезом спинного мозга. Средства мы сумели сохранить кое-какие и не жалели денег на врачей, да и получал я достаточно. Все они говорили, что в лучшем случае, при хорошем уходе и лежа всегда в гипсовом корсете, мальчик может дожить до шестилетнего возраста. Тут мы уехали в Казахстан, надеясь на лучший климать, и там я был председателем союза безбожников и гнал церковь. Ребенку пять лет, здоровье его хуже и хуже. До нас дошел слух, что в г. Петропавловск выслан на поселение знаменитый профессор по детским болезням. От нашего селения нужно было ехать 25 верст на лошадях до ближайшей станции. На Петропавловск всего один поезд в сутки. Ребенку совсем плохо, и я решил поехать и пригласить профессора к нам. Когда я подъезжал к станции, то поезд на моих глазах ушел. Я опоздал на несколько минут. Что было делать: оставаться сутки ждать, а там жена одна и вдруг ребенок умреть без меня? Подумал и повернул обратно. Приезжаю и застаю следующее: мать, рыдая, стоит на коленях у кроватки, обняв уже холодеющия ножки мальчика.
Местный фельдшер только что ушел, сказав, что это последния минуты. Я сел за стол против окна, взял голову в руки и предался отчаянию. И вдруг вижу как наяву, что отворяются двери сарая и из них выходит покойный брат О. Владимир, он держит в руках, лицом от себя, наш образ Спасителя. Я обомлел, вижу, как он идет, как на ветру развеваются его длинные, русые волосы, слышу, как он открывает входную дверь, шаги его слышу. Я весь остолбенел и похолодел, как мрамор. Он входит в комнату, подходит ко мне, молча передает мне образ в руки и как видение исчезает. Я не могу передать словами, что испытал, но я бросился в сарай, отыскал в сундуке образ и положил его на ребенка. Утром он был совершенно здоров! Приглашенные лечившие его врачи только руками разводили. Сняли гипс. Следов туберкулеза нет. Тут я все понял, я понял, что есть Бог, понял молитвы брата!Я немедленно заявил о своем выходе из союза безбожников и не скрывал происшедшего со мной чуда. Везде и всюду я возвещаю о случившемся со мной и призываю к вере в Бога. Не откладывая, мы уехали под Москву к моим родителям, где они поселились по окончании срока ссылки. Окрестили сына, дав ему имя Георгий». Я простилась с Борисом и больше его не видела. Когда приехала в Москву в 1937 году, то узнала, что после крещения он с женой и ребенком уехал в Кисловодск на Кавказ. Борис везде открыто говорил о своем заблуждении и спасении. Через год он, будучи совсем здровым, неожиданно скончался, и врачи не определили причины. Его убрали большевики.

32. Св. мученик О. Валентин

В церкви Никола Большой Крест был очень старый, известный своей непоколебимой стойкостью против большевиков и открыто восстававший против Сергия и его декрета, О. Валентин Свенцицкий. Церковь при его служении бывала так полна, что стояли не только на лестнице, но и во дворе массы людей. Большевики его, конечно, замучали бы в ссылке, если б он не заболел и не умер своей смертью.

Слава о нем пронеслась далеко, и большевистской власти, где цель оправдывает средства, нужно было дискредитировать его обычной ложью перед верующими. Он умирал без сознания, а они напечатали во всех газетах письмо, якобы написанное им перед смертью, где он обращается ко всем прихожанам, прося последовать ему, он якобы приносит покаяние в своем заблуждении, поняв его в последния минуты. Просит последовать митрополиту Сергию и признать декрет и поминовение. Под письмом подложная подпись. Большевики устрорили ему грандиозные похороны. Многие из прихожанъбыли введены в заблуждение и перешли в Сергианские церкви, но одаренные умом поняли новую дьявольскую хитрость в подложной подписи. Время это было страшное, невообразимое. Отказавшихся от поминовения и не согласных подписать требования, связанные с декретом, стали немедленно арестовывать и расстреливать, не стесняясь численностью. Как передавали в то время на ухо друг другу, в течение одного месяца было в Москве расстреляно до 10-ти тысяч человек начиная с митрополитов и кончая псаломщика а миряне по всей России расстреливались мим лионами, заточались в тюрьмы и ссылались ужасные условия концлагеря Севера и Сибири Лубянка в Москве стала местом массового мученичества. Прохожие старались избегать проходить около дома смерти ГПУ, т. к. стоял далекое пространство нестерпимый трупный запах; Трупы увозились по ночам, это старались делать; как можно скрытнее, но не успевали с вывозом Не все отказавшееся духовенство было арестовано немедленно. Некоторых, известных своей стойкостью, с целью оставляли при их храм; несмотря на проповеди их, призывающие неповиновению. Это бьша политическая цель. Г следило и отмечало всех, кто посещал эти храмы! и постепенно люди эти арестовывались или просто исчезали, как и священники, обвиненные по 58 п. 10 как контрреволюционеры. Первое время духовенство, признававшее Сергия, оставлялось на местах, но как только улеглась первая волна. арестов и расстрелов, стали выбирать и из среды их тех, в ком сатанинская власть чувствовала веру в Бога, но подчинившихся по малодушию или недомыслию. В глубине сути всех гонений, конечно, стояла борьба слуг антихоиста с верой в Бога, а обвинение в контреролюціи оправданием этих гонений: Личность митроп. Сергия была пресмыкающаяся перед властями. Многие задавали другь другу вопрос: «Неужели митроп. Сергий принимает участие в гонениях и разрушениях храмов?» Некоторые не допускали, чтоб он принимал активное участие в этом, но, к сожалению, это было так. Я могу привести лично мне известный пример, подтверждающий его фактическое участие в этих делах.

В церкви Никола Большой Крест пела в хоре молодая девушка, очень скромная и симпатичная. Вся ее семья была религиозная, и следовательно, не признавали Сергианской церкви. Мы познакомились, и я с Андрюшей ездила не раз к ним на дачу под Москвой. Верочка служила на главном почтампте в Москве, она была приветливая и миловидная. В ее отдел приходил по делам службы какой-то начальник из ГПУ, он увлекся ей, стал с ней заговаривать, к ужасу ее и ее семьи, спросил их адрес. Перепугавши, конечно, всех, он приехал неожиданно на дачу. Ведь намерений этих страшных людей никогда нельзя было узнать. Поздоровавшись, вынул коробку пирожных, что в то время простому смертному было недоступно, и отдал Верочке, прося принять его как гостя. Стал приезжать часто и ухаживать за ней. Наверное, все под платьем потихоньку крестились, прося избавить от такого гостя, но делать было нечего. Один раз он застал меня с Андрюшей у них. На вид ему было леть 30 и довольно интересной наружности. Почти сейчас же пошли гулять, кроме отца и матери Верочки, и мы с Андрюшей поспешили ретироваться. Верочка говорила, что он мог бы ей и понравиться, но одна мысль, что он не

только начальник отдела ГПУ, но, как он сам сказал, заведующий церковными делами, ее отталкивала и приводила в ужас. Он сделал предложение. Она отказала. «Как могу я быть Вашей женой, когда Вы не только не верующий, а гонитель Церкви, и никогда и ни за что я не могу на это согласиться». Во время разговоров он старался ее всячески оторвать от веры в Бога, но она была непоколебима, тем более, что была одной из любимых духовных дочерей замученного О. Александра. Он не отставал, грозил застрелить ее и себя, причем один раз даже вынул револьвер инаправил на нее. Навещать продолжал. Положение семьи было ужасно. Ни сон, ни еда не шли на ум. Только один разговор, чем все кончится, местью или оставит в покое. Верочка металась, как пойманная птичка, стараясь вырваться из когтей ястреба. Один раз во время службы (на почте) ее вызывают и передают повестку явиться немедленно в ГПУ на Лубянку в кабинет… Это оказался его кабинет. Он велел ей взять трубку телефона и, взяв вторую, вызвал митрополита Сергия. «Слушайте разговор», —сказал он ей. Разговор шел о разрушении одного из храмов въМоскве, причем Сергий не только не выражал протеста, а принимал участие в этом страшном деле, давая свое согласие. «Вы слышали?—сказал начальник. — Вот какому духовенству Вы покланяетесь» Она ответила, что этот разговоръне может поколебать ее веру в Бога, а что митроп. Сергия она и прежде не признавала, а теперьубедилась, что не ошибалась в нем. Начальник сказал ей: «Мать моя была верующая, и я до зрелых лет молился, но один случай, о котором не буду рассказывать, так на меня повлиял, что привел к безбожию». Въсердце этого человека все же где-то в самой глубине оставалось сострадание, но, конечно, не ко всем людям, а к Верочке, которую он, как видно, действительно любил. Он ее оставил. Прошел год и она арестована не была, дальнейшей судьбы ее точно незнаю. Как говорили, вышла замуж за другого. Еще другой случай, характеризующий митроп. Сергия, могу привести, т. к. тоже лично слышала оть очевидицы. Подругой моей старшей дочери была Маня Р. Это была дочь бедного приказчика магазина. Родители ее были равнодушные к религии. Маня у нас подолгу жила в имении летом, и мы часто говорили с ней. Она говорила так, как говорят миллионы сбитых учением в школах с толку. «Я не верующая, но знаю, что что-то есть высшее, а Бог ли это, не знаю». Вот эта Маня рассказала мне с возмущением следующее. В то время было уплотнение квартир и ей приходилось ходить в жилищный отдел, хлопотать о своей комнате. «Сижу я в приемной и дожидаюсь очереди. Входит монах, уже старый, толстый. Я хоть ничего в этом не понимаю, но все же поняла, что это не простой монах, кто-то повыше. Он подобострастно и униженно обращается к служащим комсомольцам, называя их товарищами. Мне стало стыдно за него. (Комсомолкой Маня не была и презирала их). Один из них говорит: «Сейчас позвоню по телефону». —«Дайте я сам поговорю, зачем Вы, товарищ, будете беспокоиться». Он хотел взять трубку, но тот не дал. Вызвал кого-то и говорит: «Знаете, все же ведь как-то неудобно, что люди скажут? У телефона митрополит Сергий, заместитель патриарха, нельзя ли устроить, чтоб не уплотнять его комнаты и не вселять к нему жильцов?» Ответ был благоприятный и митроп. Сергий с поклонами ушел. Хотя я и не интересуюсь делами церкви, но мне было стыдно за него», —сказала Маня. После умершего О. Валентина в церкви Никола Большой Крест было еще два священника, но они как-то тайно исчезали. Пришел предложить свое настоятельство О. Михаил Л. Сказал слово, подкупившее прихожан, и его просило о настоятельстве болыиинство. Два года он служил. Сумел многих расположить к себе. Между прочим, мой Андрюша, как говорится, души в нем не чаял. Не нравилось, что вне службы ходил в штатском, волосы подстрижены, имел красивую наружность, службы знал без ошибок, так что не был самозванцем в священническом сане, но все же своей одеждой смущал. Некоторые опытные люди предупреждали не доверяться и быть осторожными. В начале 1932 г. церковь закрыли. О. Михаила видели в военной форме ГПУ на улице. Он оказался провокатором и предал всех прихожан. Некоторое время никого не арестовывали, и все перешли в Сербское подворье на Солянку. Андрюша и там прислуживал. На первой неделе Великого поста я немного опоздала и торопилась. Андрюша уехал раньше. Была сильная гололедица. Выйдя из трамвая, я быстро пошла и упала около Ильинских ворот. Почувствовала

жгучую боль в левом боку и не могла идти в церковь, а уехала обратно домой. Поднялась сразу температура, дошедшая к утру до 40°. Врач установил надлом левого ребра и на почве травмы плеврит. Отвезли в больницу. Безпокоилась я сильно, что моя уже 8-летняя внучка и Андрюша, совсем еще дитя, несмотря на свои 17 лет, остаются одни без меня. Служба Андрюши была недалеко от больницы, и он иногда по три раза в день забегал спросить, как мое здоровье. Этого мальчика везде и все любили. Мне говорили дежурная сестра и женщина-врач, как в 12 часов ночи прибегает Андрюша: «Покажите мне мамочку, хоть через дверь». — «Андрюша, да ведь этого нельзя ночью, что ты выдумал?» А он так умильно просить, что нет силы отказать. «Ну что с тобой делать, пропадешь из-за тебя!» И все же отдернеть занавесочку у двери в палату, он убедится, что я жива, и радостный уходит. Болела я тяжело и долго. На пятой неделе начала поправляться, на шестой стала понемногу вставать. В субботу Вербную сидели у меня сын мой Петя с женой и Андрюша. Подошел доктор и говорит: «Ну, Андрюша, я тебя порадую, бери маму завтра домой, она теперь может дома поправляться». Петя очень хотел как старший сам приехать за мной, но у него была серьезная работа и решено было, что завтра ровно в 6 ч. вечера приедет Андрюша на такси. Все трое ушли веселые. В ту ночь я вижу сон. Лежу я в пустой комнате, где только кровать и болыне ничего. Лежу одетая и словно жду кого-то. В 12 часов ночи легкий стук в окно. Смотрю, стоят мой покойный Коля и брать Владимир, убитый в Карпатах в 1915 году, Коля говорит: «Иван с нами, мамочка, уже пора!» Как бывает во сне, я мгновенно очутилась одна в каком-то необычайном месте. Направо против меня чудная картина гор в невиданных на земле красках (проснувшись, конечно, я их не помнила), но во сне стояла в очаровании и говорю: «Что это? Ведь на земле таких красок нет!» Налево от меня неисчислимое количество белоснежных, тянущихся к небу деревьев, стоящих в тихой зеркальной воде. Между деревьями бесконечное число белых светящихся лодок всех размеров, начиная от крошечных. В каждой лодочке лежит тоже весь в белом светящийся человек. Прямо против меня, в отдалении, жуткое, бушующее, совсем черное море. Я оказалась тоже в лодочке и вижу, что налево от меня моя покойная мать, а направо моя Ирочка. Я не успела придти в себя от радости свиданья, как чувствую, что моя лодочка качается. Я говорю: «Мамочка, моя лодочка качается!» А она отвечает: «Этого быт не можеть, кто здесь, тот на вечном покое!» В это время моя лодочка как бы срывается с якоря и уносится в страшное море. Я слышу, как мать моя говорить: «Значит, тебе еще не время!» В этот момент я проснулась с невероятно тяжелым чувством, что попадаю в какие-то жуткие жизненные бури, и мне ясно почувствовалось, что что-то неблагополучно с Андрюшей и я его не увижу.

33. Юный страдалец Андрей

Сон оказался пророческим. Я начала плакать, подошедшая сестра испугалась, думая, что у меня что-либо болит, стала успокаивать, а я одно твержу: «С Андрюшей несчастье!» Да оно и случилось, несчастье, но о таком мне не думалось, ведь он был еще так молод. Позвала сестра доктора, дали капли, просили успокоиться, говоря, что это плод фантазии от слабости организма, а я чувствовала, что не ошибаюсь. Так было весь день. Я еще едва стояла на ногах, со мной стояла сестра у окошка, из которого видна аллея, по которой в больничные ворота въезжали автомобили. Ровно в 6 ч. вечера показалось такси. Сестра и говорит: «Ну вот Вам и Андрюша едет, а Вы-то придумали, да волновались». Из такси выходит Петя и его молоденькая жена, а ведь он говорил, что ему в этот час нельзя было уйти с работы. Я едва не упала. Входят они, стараясь не выказывать волненье: «Где Андрюша, что с Андрюшей?» Петя говорит: «Не волнуйся, мамочка, наверное, все обойдется благополучно, но Андрюшу сегодня ночью арестовали и увезли».

Нужно было добиться, в какой он тюрьме. Я не имела сил встать и самой ездить узнавать, но мне в этом помогли. Он находился в Бутырской гюрьме. В четверг на Страстной неделе одна добрая женщина повезла меня в тюрьму, держа под руку. Мне разрешили передавать ему еженедельно белье и продукты. В субботу я повезла ему пасочку и куличик, но, конечно, все не

в форме пасхи и кулича, а как хлеб и сладкий творогь з чашке. Крашеных яиц не разрешали, а нужно было крутые разрезать пополам, очищенными. При передачах полагалось прикладывать список передаваемаго, и я между строк поздравила его с Воскресением Христовым. Какая же была радость, когда мне принесли обратно записку с его распиской в получении, где и он поздравляеть меня и пишеть, что он бодр и целует меня. Это была Божья милость. Надзиратель, передававший, или не читал, или пожалел нас и пропустил. После этого все три месяца, что он провел в тюрьме, мы каждый раз писали по несколько слов другь другу. чернилом, Большой частью все они были густо зачеркнутычернилом а раза три прошло благополучно. На третьем месяце пришел ко мне незнакомый пожилой господин. Он только что вышел из тюрьмы, где за религию просидел в одной камере с Андрюшей, и теперь ехал на вольную ссылку в Казахстан (бывшая Киргизия у Алтайских гор, со столицей Алма-Ата, бывший г. Верный). Как обрадовалась я, можно себЂ представить.

Он сказал мне, что вся камера, в которой 300 человек, любит Андрюшу и называеть Ангелом Хранителем. Где кто затосковал и запечалился, там Андрюша, где поссорились и дело может дойти до драки, там Андрюша и непременно или рассмешит тоскующего, или умиротворит поссорившихся. «Помимо любви мы все прониклись и большим уважением к этому еще почти ребенку», —сказал мне господин Г.

Представить себе тот ужас, что охватывает, когда вызывають к следователю на допрос, может только тот, кто его испытал. Обычно допрашивают не один, а несколько человек. Епископы не выдерживали и при виде только обстановки, еще до допроса, падали в обморок.

Вызвали Андрюшу. Вернулся в камеру с убитым лицом и в слезах. Все окружили его и спрашиваютъ—ничего не отвечает. Дня три не хотел ни есть, ни пить. Наконец сказаль: «Я Бога обманул! Когда заполнялся протокол показаний, и мне предъявлено было в обвинение все буквально, что я говорил на исповеди О. Михаилу, я все понял. Когда нужно было дать ответ на вопрос: «Как ты относишься к поминовению властей?» Я испугался и написал: «Отношусь безразлично». Бедный мальчик!—сказал мне пришедший. — Какая чистая душа.

Когда его вызвали вторично на допрос для сверки показаний, то он обратился к следователю со словами: «Прежде чем снимать с меня второй допрос, я попрошу дать мне протокол первого допроса». —«Зачем тебе?» —удивившись, спросил следователь. «Я хочу изменить там одно показание». —«Это интересно», —сказал тот. Ему дали протокол, он взял со стола перо, зачеркнул слово безразлично и написал: «Отношусь отрицательно». С этим господином мы жили потом вместе в Алма-Ате и были большими друзьями.

Когда мне приходилось в приемной тюрьмы ждать очереди для передачи, то познакомилась со многими, также скорбевшими по близким заключенным. Приходил один пожилой, очень воспитанный господин. У него сидели две старушки сестры. И за что? При обыске нашли кусочек переписанного от руки акаффиста Иоанну Воину, и как раз последнее радование «Радуйся, Иоанне Воине». Они прочитали и говорят: «А! Вы радуетесь войне. Их без дальнейших слов арестовали и посадили в тюрьму. Три месяца просидели оне, пока удалось доказать, что это молитва и «Иоанн Воин» —имя Святого. Воть за что сидели и мучались люди. У некоторых из посещавших тюрьму для передач сидели дети даже 10-12-ти лет, которые наравне со взрослыми отправлялись в лагерь Сибири за то, что в школе что-нибудь сказали против властей, а ведь у большинства из таких детей были замучены или пропали родители.

Через три месяца мне разрешили свидание с Андрюшей через решетку, в присутствии часового ГПУ. Это означало, что скоро он будет выслан. Список вывешивался за один день и разрешалось проводить у поезда и передать, что возможно, даже деньги. Каждое утро я брала с собой мою внучку Ниночку и проверяли список. Я хотела, если б его отправляли не этапом, а вольно, ехать с ним. Душа моя разрывалась: взять Ниночку на неизвестность—боюсь, оставить Андрюшу ехать одного— не в силах. Я решила отвезти свою дорогую сиротку в семью расстрелянного О. Владимира, о котором писала, т. к. мать и отец его были моими самыми большими друзьями на свете. Думала приехать после и взять ее, когда как-нибудь устроимся. Нужно было мне съездить к ним за Москву, чтоб заручиться их согласием. Я пошла к

прокурору и спросила, в каком положении дело моего сына и сказала, что мне нужно на один день уехать и боюсь пропустить его отправку. Он порылся в бумагах и сказал: «Следствие о нем будеть закончено не ранее, как через две недели». Я уехала и все же сильно волновалась. На другое утро как всегда поехала с Ниночкой. Забыла взять очки, она уже умела читать. Я подняла ее и вдруг она испуганно говорит: «Бабушка! Андрей вчера отправлен». Горе мое было невообразимое. Я после узнала, что отправился целый транспорт, все провожали и снабжали необходимым, и Андрюша мой, бедный, до последней минуты отхода поезда ждал и убивался, что меня нет. Так и увезли его без копейки, без продуктов и белья. Я сейчас же поехала к прокурору. Ясно, что это опять было умышленное издевательство и торжество сатанинского злорадства этого, хуже всякого гада и животнаго, человека. На мой вопрос, почему он сказал, что следствие будет длиться не менее двух недель, он ответил: «Ошибка всегда возможна». Там я узнала, что отправлен Андрюша этапом в Алма-Ату, в Казахстан. На вопрос, как долго они проедут, мне ответили: «Поезд идет транзитом и через пять дней будут на месте». Опять ложь.
В тот же день с большим горем рассталась я с внучкой, отец которой был выслан на два года по обвинению в неправильном каком-то отчете, и отвезла к своим друзьям. Я Подъезжая к Алма-Ате, я совсем не знала, что делать, где найти ночлег, и найду ли вообще комнату. У меня было письмо к одному высланному туда агроному, но адреса давший мне письмо не знал. Вижу среди пассажиров почтенного человека и почему-то сразу решила, что это профессор. Так и оказалось. Я обратилась к нему с вопросом, не знает ли он случайно этого агронома, к которому у меня письмо. Оказалос, его близкий друг, но его сейчас неть, он в командировке.
Профессоръ—ссыльный, у него жена и двое подростков детей, комнатка одна, так что пригласить меня переночевать даже на одну ночь не может, но сейчас повезет меня к себе отдохнуть от дальней дороги, а там что-нибудь решить, хотя он сомневается, чтоб можно было найти даже уголок, так все переполнено ссыльными. Жена его очень радушно меня встретила и жалела, что у них нет места. Во дворе был небольшой сарай, заложенный дровами и хламом. Первую ночь они мне вынесли во двор походную кровать, а затем решили очистить сарай и там устроить. Было очень жарко, и я могла не бояться простуды, но было жутко, когда на ночь все кругом запирались от грабежей киргизов, а я одна в сарае, в совсем чужом городе. Так я жила до 26-го Августа, ежедневно по два раза бывая на станции, справляясь о транспорте из Москвы.
26-го Августа была я на платформе, когда подходит какой-то чин ГПУ: «Гражданка, что Вы здесь делаете всегда на вокзале, кого ждете?» Я сказала ему, как взяли моего мальчика, как он уехал, не имея ничего, что я посылала не одну телеграмму на сборные пункты по дороге от Москвы до Алма-Аты и, не получив оплаченного ответа, боюсь, не умер ли он дорогой. Я горько плакала, и мне показалось, что вижу как бы черточку незлобную на его лице. «Идите к пересыльной тюрьме и там ждите, сегодня прибудет из Москвы 300 человек».
Я с надеждой пошла и стала против ворот тюрьмы через дорогу, за низеньким заборчиком. Не прошло часа, как по дороге от станции едут дрожки и на них этот начальник. Он крикнул мне: «Ваш сын приехал». Я вспомнила слова Достоевского о поданной луковке и подумала, что эти слова с его стороны тоже та луковка, которую он мне подал. Я узнала, что мой мальчик жив и я увижу его. Он добавил: «Когда мы их всех перепишем, я дам Вам свидание». Подождать пришлось еще около двух часов, когда по дороге оть станции показалось облако пыли и топот шагов многих людей. Жара была нестерпимая. Идут, окруженные с двух сторон цепью солдат ГПУ, с направленными на них ружьями, как овцы, монахини, главным образом, и среди них миряне. Транспорт был почти исключительно из сосланных за религию. Я напрягала все внимание, чтоб среди массы голов не пропустить Андрюшу, когда раздался радостный и изумленный крик: «Мамочка!»
Все невольно подняли опущенные головы. Он выше всех ростом, и я увидела сияющее, дорогое мне лицо. Их пригнали в сквер, где переписывали, и мы могли все время видеть другь друга. По окончании меня впустили, и мы смогли обнять другь друга. И я, и он забыли все горести, и все положение вещей. Его увели за ограду тюрьмы, а я счастливая пошла в свой сарай. Это

считалось не заключением, а вольной ссылкой, и пересыльная тюрьма должна была по правилам через неделю отпустить его в город на свободное проживание и поступление на работу по своему выбору. Но постановление—это одно, а исполнение—другое, не неделю, а три месяца провел он в тюрьме, правда, не за замком в камере и мог свободно обходить большой участок когда и куда хотел, в районе, обнесенном каменной оградой. Тот же начальник за то, что Андрюша имел смелость спросить у него один раз, почему его так долго не выпускают, принял это за дерзость и стал делать препятствия.

Мне дали пропуск и разрешение приходить к нему и сидеть хоть целый день, что я и делала. В то время я имела возможность покупать в торгсине продукты. Мне перевел сын мой неболыпую сумму денег из Франции. Я могла кормить и даже баловать Андрюшу, изголодавшегося в дороге, т. к. давали только кусок ржаного хлеба и кипяток. Он был худ как жердочка. Почти у всех, кроме моего беднаго, были продукты, принесенные им при отправке. Ему не пришлось ехать с духовенством, которое, конечно, поделилось бы с ним, его посадили в вагон (единственный) с уголовниками. На одной лавке с ним ехал бывший казачий прапорщик, все время евший всякие сытные вещи и ни разу не предложивший ему хотя бы недоконченного кусочка; хлеб надзиратели воровали и давали крайне мало. Вагон наглухо закрыт, окна заделаны, чтоб не смотрели в них, так что было почти темно. Духота. Воды почти не давали, ехали полтора месяца.

Обстановка жизни на пересыльной ужасная. Одна за другой, и одна рядом с другой длинные крыши из соломы над землей, где помещались по 300 мужчин и женщин вместе. Это были вырытыя в земле канавы шириной в сажень, и над ними наведена острая • крыша. Нужно было спуститься несколько ступеней вниз, а по обеим сторонам канавы, на земле, подостлав свои одежды, помещались люди. Свет проникал только с двухъна базаре дыни и арбузы и носила, сколько могла, чтоб иметь возможность дать и рядом с Андрюшей находиться. На еду давали хлеб и ужасную бурду вместо супа, два раза в день. Давали в ушатах, в которых уголовники после еды стирали грязные носки и полное насекомых белье. Я неоднократно обращалась в ГПУ, прося отпустить его ко мне, т. к. это было его право и очень многие ушли, но его не отпускали. Строже всего отношение было к верующим. Наконец, дали разрешение после полутора месяцев мне брать его на день с тем, чтоб к вечерней перекличке он был на месте. Спать было ужасно. Все несчастные завшивели до того, что не было средств бороться с этим злом. Одетый в чистую смену белья, которую я стирала холодной водой в ручье, на другой же день утром он был обсыпан ими. От всех антисанитарных условий, плохого питания и недоедания полного началась эпидемия дизентерии.

Когда я по утрам приходила за Андрюшей, то заставала уносимых умерших, иногда по несколько человек. Я несказанно боялась за него, это началось очень скоро по приезде. Безсилие вырвать его, ни в чем не повиннаго, из этой кошмарной обстановки было очень мучительно. Чувствовалось более чем рабство. Прихожу один раз, Андрюша не встречает. Сердце забилось в предчувствии. Спускаюсь в канаву, лежить мой мальчик в жару, в дизентерии, на земле, под крышей над головой, отчего просто нечем дышать, воздух убийственный. Я побежала к доктору, очень доброму и сердечному, тоже ссыльному, уже не молодому. Когда я сказала, что Андрюша заболел, он сочувственно ахнул и сказал: «Бедный Андрюша, славный юноша, я за него все время боялся. Что теперь делать с ним? У меня, как видите, в больничке ни одного места, лежат и на столах, и под столами, и по двое на койках. Вот, что сделаю: у нас есть распоряжение, что в случае переполнения больными, мы можем с согласия ГПУ класть в город, в больницу Красного Креста».

Он написал заявление и сказал: «Идите скорее в ГПУ и просите по моей записке дать право на это, и тогда везите его, там совсем неплохо: и врачи, и сестры все (кроме начальников)—ссыльные». Я пошла, прочитали и заявили: «Для сына Вашего никаких исключений». Просить—это все равно, что выжать воду из бездушного камня. «Я сказал нет и значит нет». С горем пошла все же в больницу, где секретарем была знакомая мне монахиня. Я ей рассказала положение. Она перекрестилась, села и написала: «По распоряжению ГПУ

принять в палату такого-то больного дизентерией».
Я ужаснулась и испугалась за нее, но она спокойно велела мне идти, нанять подводу, привезти на ней слова Спасителя, что нет болыпей любви, как если кто душу свою положит за други своя. Я пошла, наняла лошадь и привезла Андрюшу. Пролежал он две недели, я весь день была или у него, или во дворе больницы. Персонал врачей заботился о нем, милостью Божьей ГГТУ не узнало. За то время, что он пролежал в Красном Кресте, в пересыльной тюрьме произошло событие, еще раз подтвердившее мне, что то, чем мы огорчаемся, не зная судеб Господних, ведет часто ко благу. В одну ночь подъехало много подвод и забрало всех, кто еще мог ходить, до 300-т человек и женщин, и мужчин. Нужно было освободить помещения для вновь прибывшего транспорта. Их отправили поездом в Ташкент на работы, как сказали, недели на три. Из всех вернулосьоколо 30-ти человек! Все умерли от сыпного тифа или уже зараженные дизентерией. Их привезли в Ташкент поздно ночью, помещения нет, отвели киргизские брошенные юрты. Была середина ноября, шли непрерывные дожди и, что необычно для тамошнего климата, по утрам заморозки. В юртах вода. Людей насильно загнали в них. Простояли, кто сколько был в силах, затем садились или в изнеможении падали в воду. К утру все примерзли. Тут же начали умирать. Была между ними старая княгиня В., очень добрая и тихая. Ей оставалось два месяца до отбытия трехгодового срока наказания (за княжеский титул), она только думала и считала дни до освобождения, и нашла смерть в этих ужасныхъусловиях, о которых, если у нея где-нибудь еще остались родственники, никто никогда не узнаеть. После выздоровления Андрюшу отпустили, наконец, ко мне. Был конец ноября. В то время вернулся агроном из командировки, к которому уменя было письмо из Москвы, и предоставил нам свою маленькую кухню, где мы и жили, подстилая на НОЧЬ ПАЛЬТО
Если б не тоска по внучке, то мы были бы так счастливы с ним. Морозы, необычные там, доходили до 10°. Я в сарае сквозь разоренную крышу могла считать звезды. Поставленная в чем-нибудь вода замерзала до дна. Если б не одна добрая татарка, то я не вынесла бы. Она жила в том же дворе и была женой начальника милиции. Не знаю, знал ли он об этом, милиция была все же не ГПУ, но она каждый вечер приносила и укрывала меня, одетую в зимнюю плохенькую одежду, одеялами и сверху периной.:
Профессор В… ин, привезший меня в начале к себе, работал по сельскому хозяйству. В то время там была сельскохозяйственная выставка, и он дал Андрюше устроить овощной павильон. Он хорошо справился с этим, и получил по окончании пудовый арбуз и две банки варенья из этой выставкой. Бедность в питании была в то время еще не смертельная, но полуголодные киргизы со злобными замечаниями и угрозами в воздух останавливались перед богато обставленными павильонами с закусками, рыбным отделом, и сладостями и т. п., чего в тех местах для населения, конечно, не было, а только для коммунистов.
Я видела такую картину, могущую в оперетке вызвать смех, а в данном случае, слезы. Ожидалась комиссия экспертов из Москвы, и должен был принимать их вновь испеченный начальник края, коммунист из киргизов. Согнали сотнями людей. На эстраде оркестр музыки, и перед ним начальник этот и эксперты. Представители павильонов со съедобными, вкусными продуктами по очереди подносили их им на тарелках с вилкой на пробу, причем при каждой новой пробе, когда они наполняли рот, оркестр играл туш, а голодных заставляли кричать «ура», сама видела.
как-то вечером наш хозяин, агроном, предложил нам вслух прочесть «Чертово колесо» Чехова. Во время чтения, где выявлялся характер будущего русского большевизма в стремлении все старое ломать, сокрушать, разрушать, читавший, очень выразительно и хорошо, неожиданно вскочил с места и быстро открыл входную дверь. «Я не знал, что у меня есть еще слушатели, » —сказал он. Под окошком стоял ГПУ, приложив какой-то аппарать к стене. На другой ден агроном был арестован и увезен.

34. Учитель коммунизма Шетенев

Мне очень нравился город с его самобытностью. Особенно привлекал меня восточный базар. Караваны навъюченных верблюдов, разложенные прекрасные пекинские, бухарские, местные ковры, разноцветные войлоки для юрт, палатюи с парусиновой крышей, где жарились тут же на угольях или на вертеле жирная баранина и особого рода тесто, жаренное с массой пряностей. Груды чудных дынь, арбузов, колоссальных рассыпчатых помидоров, яблоки опорт, по два на кило (от этих яблок и город называется Алма-Ата, т. е. отец яблок), особого рода окрики зазывающих в свою палатку, иногда в национальных красочных костюмах торговцев разных национальностей; обширный рынок старьевщиков, где иногда попадались старинные интересные предметы искусства. Вся эта живая, пестрая картина меня очень привлекала, и я часто, почти ежедневно ходила туда. В 1933 году это было так!

Домики ввиду частых землетрясений все одноэтажные. Какие сады у каждаго! просто чудесно, словно земной рай. Дюшесы, персики, виноград могли конкурировать с лучшими плодами мира. горам. В голове так называемый головной арыкъ—это канал, устланный по дну и бокам камнем, несущий чистейшую горную воду. Улицы идут все прямыя, вертикально к горам, и по обеим сторонам их текут весело журчащие ручьи, водой которых пользуются и для питья; за ручьями ряды высочайших тополей и берез, которыя тоже гянутся, узкие, длинные, к небу и почти не уступают в вышине тополям. Лучшего желать нечего было. Так было до 23-го Декабря ст. стиля, когда из ГПУ без объяснения причин пришло распоряжение Андрюше на другой день, в Рождественский сочельник, выехат на поселение в г. Ахтюбинск. Оспаривать нельзя. Мы и прежде слышали, что это очень неприветливое место, население почти исключительно, кроме ссыльных, зовсем некультурные киргизы. Управление сельского хозяйства, где работало много ссыльных профессоров, дало ему письмо на тамошнюю паровую мельницу с просьбой принять его на работу. С грустью поехали, делать нечего!

В Актюбинск приехали в 12 час. ночи под Рождество. Вышли на станцию и решили просидеть до утра, т. к. никого и ничего не знаем. Снег метра на полтора, мороз большой. ГПУ приказывает выходить. На возражение, что Андрюша ссыльный и мы не имеем никого здесь, ответ короткий: «Нам до этого дела нет, уходите». Тогда Андрюша показал бумагу от управления на мельницу и просил оставить меня сидеть в проходе, пока он вернется. Он ушел искать мельницу. В городе освещения никакого, только вдали видна полоса электрического света. Я была в страхе. Ночью, один, в незнакомом городе, где такой полудикий народ, ходит мой бедный сын. Но он, несмотря на молодость лет, очень дельный и умный. Долго ходил, пока встретился киргиз, не говорящий по-русски, но слово мельница понял и указал на тот: сет вдали.

Я прождала его два часа. И вот он приезжает на розвальнях. Он дошел до мельницы и в одном окошке увидел огонь. Постучал… Вышел интелигентный мужчина, оказавшийся бухгалтером мельницы, тоже ссыльным, не ложившийся из-за не сданного годового отчета. Андрюша показал письмо из управления Алма-Аты и сказал ему о том, что мать его гонят с вокзала и он пришел просить разрешения дать возможность привести ее переночевать. Он разбудил конюха, велел запрячь лошадь и ехать за мной. Веселое лицо было у моего Андрюши, довольное. Нам разрешили поспать на столах в канцелярии. Было тепло, и мы радовались закончить так Рождественскую ночь. утром конюх предложил нам ввиду трудности найти комнату, да еще при наших материальных возможностяхостаться у него. Он был старик уже лет 70-ти и жена его тоже. Комнатка чистенькая в подвале. Нам отделили на полу уголок, и до приискания другого помещения мы спали на полу в одном углу, в другомъ—поросенок, и в третьем на двух кроватях с перинами—хозяева. Андрюшу за недостатком интеллигентных служащих взяли на другой же день в лабораторию, где он полгода был помощником лаборанта. Через полгода приказом из Алма-Аты был уже старшим лаборантом.

Неприветливый, холодный и неимоверно снежный Актюбинск весной не стал много привлекательней, но под теплым солнышком везде можно согреться. Очень тяжело было без

церкви. Она была, но обновленческая. Это был город политических преступников в царское время. Сначала был маленький аул, и всего 50 лет как стал обстраиваться. Громадная паровая мельница на 600 рабочих была организованна с самого начала. Область пустынная, совсем без деревьев, не говоря уже о фруктовых, в противуположность богатейшему природой городу Алма-Ате, зато необозримые поля пшеницы и других хлебных злаков. Огороды хорошие, особенно сладкие и вкусные помидоры, за отсутствием фруктов они их заменяли. У жителей, почти у каждаго, по одной корове, больше не разрешалось, за вторую попали бы в «кулаки» сперва, а затем и в Сибирь.

Интересно, что из-за невероятных краж, когда через разобранный потолок сарая вытаскивали скот, коров держали в той же комнате, где спали, правда, держали чисто, убирая не одинь раз в сутки, но везде был запах коровника. Цветов никаких, кроме тюльпанов весной, и у жителей, несмотря на то, что была часть населения хохлов, не было желания развести садик с мальвами и подсолнухами, как в Малороссии. Дынь и арбузов много. За городом в ровных зеленых берегах, среди ивового кустарника течеть прозрачная мелкая река, так что видно все песчаное дно. Мне представлялось, что таким должен быть Иордан, и я часто, когда бывала одна дома, сидела там на берегу.

Жара летом до 50° и зимой до 50° мороза. Пыль невообразимая. Все почти в особых очках. В давния времена это была часть теперь далеко отошедшего Аральского моря. В городе больше, чем на четверть аршина, засыпано мелкими ракушками, которыя, раздавленные лошадьми и грузовиками, обращаются в эту пыль и забираются в ботинки, так что при ходьбе приходится не один раз вытряхивать их. В то время мы жили в крошечной комнатке на земляном полу, где стояла большая широкая кровать, очень болыной стол, занимавший полкомнаты, и два стула. Встречаю один раз знакомую семью из Мосувы, безнадежно блуждающую в поисках помещения. Онъ— бывший камер-паж, она—принимавшая участие в церковных делах, высланы с двумя сыновьями 17-ти 15-ти лет, тоже на три года. Я их позвала с собой. Всегда при желании комната растягивается, как резина. Муж и жена на столе, сыновья под столом, и я с Андрюшей на кровати. Весело было, люди хорошие, жили мы два месяца вместе, в тесноте да не в обиде. Наконец, они нашли квартиру в две комнаты, а нам предложил один школьный учитель перейти к нему в дом. Они устроились спокойно, совсем одни, а мы попали к безбожнику, активному коммунисту. Такого зверя-человека мне не приходилось до того встречать в жизни. Первое, не хотел, чтоб мы у себя в комнате повесили иконы: «Чтоб у меня в доме этого не было». Так как я, конечно, не подчинилась и повесила и лампадку, то он назвал меня страшно кощунственно и возненавидел.

Мучал не только нас, но выгнал отца своего из его собственного дома, объявив совершенно незаконно (но для коммунистов свои законы) его своей собственностью. Бил старушку мать, которая перед ним немела и тряслась, а 17-летнего безответнаго, глупенького брата так бил по голове, если он чего-нибудь не исполнил в работе по двору и дому, что у того не раз текла кровь из ушей, и он почти оглох. Матери и брату давал на самое бедное содержание, а ему готовился всегда сытный жирный обед, который он в их присутствии съедал, сидя с ними за одним столом. Бедная старая мать его и брат изливали мне свой страх и трепетание перед ним, когда он уходил на уроки в школу. Мне приходилось потихоньку варить для нас на керосинке что-нибудь, т. к. он не позволял готовить в их кухне, он запрещал мне что-либо жарить, чтоб в доме не было запаха. Отца старика он поставил наемным сторожем на бахчах, и тот, живя в шалаше из прутьев во всякую погоду весной, летом и осенью, а зимой в холодном подвале дома, заболел. У него, очевидно, было больное сердце, ноги отекали невероятно, и один раз привезли его на подводе домой, этому я лично всему была свидетельницей, он стонал от болей. Вышел сын: «Ты что, лодырь, приехал, работать не хочешь, а? Сын тебя содержать будет, а как бы не так! Сию минуту назад и чтоб больше этого не было».

Увезли назад. Через два дня опять привезли. Сына-зверя не было дома. Привезший его и глупенький брат почти втащили его на стеклянный балкон, где на столе кипел самовар. «Как чайку попить охота», —сказал он. Бедная жена его налила ему стакан, всё оглядываясь, не

пришел бы сын, а он тут как тут и явился, сразу озверел и хотел выгдать, но старик не мог встать. Молча пили чай, отец не смел взять сахару, а сын накладывал себе по нескольку кусков в стакан. Я была в другом углу, где мыла свою посуду. Старик попросил помочь ему встать и хотел пойти лечь рядом в свою комнату, когда тот закричал: «Ишь чего выдумал, в комнату! Ступай в подвал, выспись и завтра чтоб на работу!» Ничего не сказал старик, и его свели в подвал, где стояла для него койка. Утром в семь часов пошел сын его будить на работу, старик был мертв.

Вот типичный экземпляр, кончивший высшую советскую школу, сын простого зажиточного крестьянина, надевший хороший костюм, (возможно, краденный), ставший безбожником-коммунистом, учителем школы. Дом был выстроен отцом и все принадлежало ему.

Нам пришлось терпеть. Сколько не искали мы комнатки, но найти не могли. Получаю как раз из Москвы телеграмму от зятя, отца Ниночки: «Приезжайте, возьмите Ниночку». До того я писала ему не один раз и умоляла отдать мне ее, мою дорогую девочку, завещанную и отданную мне моей покойной Ирочкой, но он не соглашался. Он по-своему ее любил. Взял оть моих друзей к себе. Женился после моей дочери на коммунистке. Своей любовью к женщинам он жертвовал и любовью к дочери. Женился, конечно, по-советски, т. е. просто приводил в дом то одну, то другую жену. Эта была уже вторая. Ниночка так боялась этой женщины, внушавшей ей отвращение, и возмущалась ее убеждениями не быть верующей, что бедняжка стала на себя не похожа и страдала ужасно. И вот я получила эту телеграмму.

Я немедленно уехала. Это было как раз перед советским годовым праздником 17-го Октября. 15-го я имела радость видеть своего Петю, а 16-го он был арестован. Словно послана мне была возможность повидать его перед ссылкой. На другой же день я уехала с Ниночкой, а его сразу отправили в Казахстан, но не на вольную, а в лагерь. Через полгода- ему заменили вольной ссылкой в г. Петропавловск. В то время одним из больших комиссаров власти был Енукидзе, это он помог его переводу. Вскоре Енукидзе был как контрреволюционер расстрелян. Жена молодая приехала к Пете с маленьким ребенком, девочкой, тоже Ирочкой, родившейся после моего отъезда из Москвы. Они прожили благополучно там почти все три года. В конце их, внучка моя умерла в три дня от менингита.

Итак, я привезла Ниночку в квартиру этого ужасного коммуниста. Бедная, слабенькая, необыкновенно тихая девочка, уже запуганная в Москве, попала опять в условия страха и ужаса. Часто забивалась в угол и пряталась во что-нибудь, чтоб не слышать его брани и криков. Один раз я, зная что он придет не раньше как через три часа, жарила оладьи в ожидании Андрюши к обеду. Сверх ожидания вдруг пришел. Услыхав запах, рванул запертую дверь в нашу комнату, вырвал замок, сбросил сковороду с оладьями на пол, а горящую керосинку со всей силы разбил в куски тоже об пол. К счастью, она горела слабо и потухла, не воспламенив разлившегося керосина. Затем, схватив табуретку, занес над моей головой и с кощунственными словами, как бесноватый, хотел ударить по голове. Я не знаю, как я выскользнула и выбежала на улицу. Был холодный зимний день, я была без пальто. К счастью, Ниночки не было дома, ее взяла к себе поиграть полюбившая и жалевшая ее соседка, а то она перепугалась бы насмерть. Она дала мне платок, и я побежала на мельницу к Андрюше, т. к. последние его слова вслед мне были: «Если вернешься, убью и тебя и твоего Андрея». Андрюша отпросился и мы пошли в милицию, конечно, не зная опять, встретим ли защиту или тоже коммуниста. Попросили видеть начальника, нас послали к областному. Как вошли, сразу поняли, что этот из приличных людей, как-нибудь спасшихся, и ободрились. рассказали весь инцидент. Он дал распоряжение немедленно отправить двух милиционеров и привести учителя под конвоем, а нас просил все о нем рассказать подробно. «Этого хулигана я давно добиваюсь». Его привели. Держал он себя непринужденно, нахально, и, обратившись к начальнику и собравшимся служащим милиции, начал речь: «Товарищ начальник, я того мнения, что этих негодяев дворян-помещиков давно надо бы всех поуничтожать, и ошибка властей в том, что с ними слишком мягко обращаются». Еще что-то пытался сказать, думая, что производит сильное впечатление своей ученостью, когда начальник спросил: «Ты кончил,

Шеменев? Так вот что, если ты хоть одним словом позволишь себе не только грубость, но и невежество с этим людям, то я с тобой расправлюсь и посажу в тюрьму. Слышишь?» А нам сказал: ; Идите спокойно домой, он вас больше не гронет». Надо было видеть всю подленькую, изменившуюся фигуру ошеломленного учителя. Мы домой не пошли, соседка, где была Ниночка, уступила нам переднюю в своей квартире, перенесла к себе наши вещи. Об этом случае стало известно всему городу. Все знали этого зверя, особенно родители детей, учившихся в школе, и нам предложили очень близко от мельницы комнату у очень хороших крестьян. Мы благодарили Бога за то, что благополучно избегли чего-нибудь худшего от учителя, и за то, что мирно и дружески стали жить с новыми хозяевами. Ниночка повеселела и успокоилась. Прожили мы у них больше году. У них тоже было несчастье, старшему сыну, ставшему самовольно «пионером», было 10 лет. Они его боялись. В то время везде в школах, в газетах и даже на стенах были объявления, что дети, предавшие своих отца и мать за контрреволюционное мнение, за иконы в доме и даже сообщившие, что у родителей спрятаны какие-нибудь вещи или продукты, получат новый костюм и безплатную поездку в Крым на полное содержание. Только завидят, что этот мальчишка идет, как друг другу быстро говорять: «Ваня идет, Ваня идетъ—молчите». А он ко всему прислушивается и за малейшее замечание грозит предать. Вот какое воспитание давали детям. Конечно, не все поголовно были такими, редко, но все же бывали и не испорченные большевистким воспитанием. В газетах на последней странице всегда бывал список детей-героев, например: «Николай Смирнов, ученик такого-то класса, за предательство родителей награждается тем-то и тем-то и вносится в список детской героики, а отец его за укрытие трех мешков муки ссылается в Сибирь».
По службе у Андрюши на мельнице тоже нелегко было. Директором бьл назначен коммунист из Союза безбожников, тип очень похожий на учителя, у которого мы жили. Узнав, что Андрюша выслан за религию, он его сразу возненавидел и старался причинять всякие обиды и неприятности, вплоть до того, что не выдавал полагающихся продуктов, а в то время становилось все труднее и труднее с едой. Сижу я один раз на крылечке с Ниночкой и поджидаем возвращения Андрюши с мельницы. Он запаздывает, у меня предчувствие чего-то недобраго. Видим, едет телега и на ней кто-то лежит, подъезжает, как трудно писать и переживать снова, но пусть узнают все, кто не знает или не верит, благодаря лживой пропаганде о «советском рае», истину о том, как страдал этот ни в чем не повинный мой бедный сын; таких были миллионы и это не преувеличено. В конституции Сталина на весь мир извещалось, что дети за родителей не ответственны, ни в рождении в высшем сословии, ни в делах их. В момент революции Андрюше было три года, а Пете восемь. На телеге лежит Андрюша, глаза закрыты и как бы в крови, язык распухший, вышедший наружу, брюки на коленях, как прожженные, и на правом колене маленькая, а на левомъ—во все колено, круглая рана. Сказать, конечно, ничего не можеть, лежит спокойно, без стонов. Ничего не понимая, в полном отчаянии я села к нему и повезла в больницу. Побежала к врачу. Люди дожидавшиеся, видя состояние привезенного больного, стали кричать: «В очередь, в очередь, нечего тут вперед идти, очереди дожидайся!» Я никого не послушалась и вбежала в первый же кабинет, прося придти к подводе. Пошла женщина врач, посмотрела и побежала за другими врачами. Его подняли и помогли идти. Собрались все и говорят, он сожжен и отравлен какой-то щелочью. По осмотре сказали мне, что глаза вряд ли можно вылечить, что он видеть не будет. Но Господь Милосердный не дал ему еще этого испытания, и уже через месяц глаза видели так же хорошо, как и прежде; язык втянулся, он мог есть, но на левом колене осталась навсегда глубокая круглая ямка, шрам почти во все колено. В большевистской России, как во времена Египетских казней, появился совсем особый, невиданный еще вид паразитов на хлебных, уже собранных в амбары злаках и на муке. Конечно, об этом тщательно скрывается от мира, и недостаток зерна, и вследствие этого голод объясняется засухой и неурожаем, но это опять ложь, все та же ложь. Называется этот паразит «хлебным клещем», он стекловиден, распространяется молниеносно, и при известном проценте его в зерне или в муке они не могут быть употребляемы в пищу человеку, а идут только в навоз или свиньям. Говорят, что при

абсолютном зрении видно клеща без микроскопа, зерно еле заметно как бы дышить, колыхаясь, но не могу этого утверждать. При первом обнаружении клеща амбары опрыскиваются раствором каустической соды. Как было и в данном случае, опрыскивателю надевают непромокаемую одежду, кожаные перчатки и противогазовую маску. Ничего того не оказалось. Никто из рабочих не соглашался. Призывает директор Андрюшу, хотя его как лаборанта это вовсе не касалось. и приказывает идти опрыскивать зараженный клещем амбар. Ссыльный ослушаться не мог. О результате я написала. Прожженные колени были от стекающих капель, глаза и язык от вдыхания. Поправился и пошел опять на работу. Месяца через два приходит домой совсем расстроенный и растерянный и рассказывает: «Прихожу утром на мельницу, у вороть встречает меня старый крупчатник, много лет испытанный мошенник, кланяется и говорит: «Здравствуй, товарищ заведующий!» Я прошел мимо, приняв эти слова за обычную насмешку. Иду дальше, рабочие обращаются с теми же словами, тогда я спрашиваю одного из них: «Что это вы и за что сговорились сегодня надо мной издеваться?» —«Как издеваться? Да ведь ты приказом из управления в Алма-Ате назначен заведующим лабораторией». Я и тут не поверил, меня, ссыльнаго, 19-ти лет, этого быть не может, это было бы для меня истинным новым несчастием. Прошел в лабораторию, зовут к директору. Он бросает мне злобно бумагу со словами: «На, читай!» Тут я увидел, что это ужасная правда, прочитав приказ: «Снимается с работы заведующий лабораторией Б. и назначается на его должность А». Эта должность почти равносильна директорской. Без подписи и разрешения заведующего не может быть отпущен с мельницы ни один пуд муки, а мельница выпускала ежедневно тысячи пудов. Директор был зол как никогда. Он обогащался на сделках и мошенничестве с крупчатником и понял, что этому пришел конец, т. к. подбить моего Андрюшу на обман или заставить уступить он понимал невозможным. Очевидно, приезжавшия тайные ревизии, где участвовали опытные ссыльные, убедились, что с момента поступления лаборантом Андрюши мука стала качеством лучше, и нужно было, чтоб и количество выхода стало больше. «Что мне делать, мамочка? Вед я не могу бороться с этими старыми опытными волками, они меня сейчас же съедят! Я пробовал отказаться, но директор сказал, что это не от него зависит». Бедный заведующий таким большим и ответственным делом заплакал. Я ему дала совет, пойти в ГПУ объяснить, что не чувствуешь себя способным к такому ответственному делу, где требуется и административный опыт, и боишься не оправдать доверия». Он сейчас же пошел и сказал: «Я в вашей власти, у меня неть защиты, и я прошу ГПУ оказать мне эту защиту, и снять с меня эту должность». На это был ответ: «Это сделало главное управление, и мы ничего сделать не можем, старайся оправдать доверие и не волнуйся».

35. Мытарство

И вот началось новое его мучение. На большое количество муки, предназначенной для отправки в армию Московского округа, он наложил

Армию Московского округа, он наложил запрещение как негодную. Идет к нему крупчатник и со злобой заявляет: «Ты что, хочешь бороться с нами? Мы тебе рога пообломаем!» — «Делайте что хотите, в муку добавлен песок». — «Слушай, товарищ, —начал тоть заискивающим тоном, —ты не препятствуй, правда, мы добавили немного песочку, но ведь этого не заметят». Оказалось, что в надежде его уломать они уже нагрузили поезд на отправку без его разрешения и подписи. Зовуть к директору. «Ты не разрешаешь этправку, смотри, как бы не сломал голову, поезд уже нагружен, не разгружать же его?» —«Я не могу разрешить, у меня инструкции, от которых я не отступлю как честный работник, во-первых, и, во-вторых, в Москве при приеме тоже бывает анализ и повесят меня, а не вас». Директор тоже тон спустил и думал убедить, но ошибся. Муку лришлось выгрузить и употребить на бывшее при мельнице большое свиноводство.

Другой раз, зная, что мука заражена в одном амбаре клещем и не разрешена им в

употребление людям, они испекли хлеб на 6 тыс. руб. на дневную раздачу. Он пошел в пекарню и взял на анализ хлеб, в нем оказался клещ в количестве недопускаемом. Он наложил запрещение на раздачу хлеба. Опять спор директора и указание на то, что нельзя испечь новую порцию на сегодня хлеба. Андрюша подал ему рапорть, которого тоть не мог подписать, а именно, что он слагает с себя ответственность и расписывается как заведующий лабораторией в негодности муки, и предлагает директору взять на себя разрешение на выдачу хлеба. В результате хлеб свезен на свинарню, а рабочие получили только на следующий день двойную торцию. Исхудал мой Андрюша, не по силам была борьба с мошенниками-коммунистами, и мало кто решился бы на это, вечно под страхом клеветы и мести. Писал не раз в управление, обращался в ГПУ, но его не освобождали от должности. Наконец, пошел и заявил: «Поступайте со мной, как хотите, но я больше не в силах». Через неделю пришел приказ из Алма-Аты: А. предлагается обучить техника (фамилию не помню), и по сдаче им экзамена считаться освобожденным от заведования лабораторией». Три месяца бился с неспособным техником. Наконец, 29-го Апреля от сдал экзамен, и Андрюша радостный пришел домой. Как давящая, тяжелая гора свалилась с его плеч. 30-го пришел на работу, а во дворе раскрашивают две громадных фигуры из фанеры: одна изображала врага коммунизма Чемберлена, а другая Андрюшу. I-го Мая, в день общего празднования, должна была быть манифестация, и эти две фигуры нести впереди шествия. Андрюша пошел в ГПУ и сказал об этом. Оттуда позвонили при нем по телефону с выговором директору и приказали немедленно уничтожить фигуру Андрюши. 2-го Мая, когда он подошел к мельнице, то на воротах увидел громадный плакать: «Снимается А. с работы как контрреволюционер». (Это была месть директора, т. к. лаборанта он имел право снять своей властью). Что с этой работы уволили, это было только облегчением, но у нас не было никаких средств для существования, а ведь нас трое. В то время был в Актюбинске такой страшный голод, что по всем улицам лежали мертвые, или при последних признаках жизни умирающие от голода. Большею частью это были бедные местные киргизы. По площади базарной бегали с раздирающими душу криками маленькие дети, брошенные матерью. Я видела, как они их сажали на паперть церкви и быстро убегали. Или прохожие подбирали их и тоже оставляли на паперти. Вечером подъезжал грузовик и забирал куда-то этих детей. Думается, да и по слухам, их просто уничтожали. Я пробовала указать милиции на того или иного умирающего, но они только рукой махнут, а иной скажет: «А что с ними делать!» Работы Андрюше долго ждать не пришлось, через четыре дня он получил предложение поступить инструктором-лаборантом на элеватор для обучения желающих быть лаборантами. Поступил 10-го Сентября, а 13-го в местной газете напечатано: «Не удивительно, что ревизией, приехавшей из Москвы, установлен виновник расхищений, раз приемщиком зерна заведует бывший дворянин А. (все управление элеватора было в то время отдано под суд), высланный за контрреволюцию». Глазам мы не поверили. Написали опровержение, что это недоразумение, что А. только три дня как поступил на элеватор, и не приемщиком зерна, а в лабораторию. Понес в газету. Газета отказалась, пошел к прокурору ГПУ, тот сказал так: «Нам хорошо известно, что ты абсолютно честный и что это на тебя клевета, но по закону известная категория людей не имеет права реабилитировать себя в печати». Это обвинение повлияло не только на моральную сторону Андрюши, но и на его сердце, как и все нанизываемые одно на другое ложные обвинения. Как глубоко верующий, и в промежутках печалей он всегда был веселым и твердым. Ревизии было доказано фактически, что он никогда не работал приемщиком и всего три дня на элеваторе, но с работы его было приказано убрать. Тогда его взял к себе помощником и заместителем хлебный инспектор области. Андрюша думал, что будет всегда при нем, но это был хоть и честный, но ленивый, любивший отдохнуть в семье, живший за несколько верст от города человек (не коммунист). Кроме того, он часто уезжал по округу и, как говорил Андрюше, был спокоен, что оставляет на него обязанности как на честного работника. Один раз он уехал и долго не возвращался. На обязанности инспектора было два раза в месяц делать ревизию мельницы, с которой Андрюша был уволен. Положение было трудное и неприятное. Он являлся теперь старшим над

директором мельницы. Вызвал инспектора, а тот письменно велел ему сделать самому ревизию. Осмотрев и проверив все амбары и склады, Андрюша дал заключение остановить работу мельницы на три дня ввиду заражения клещом в большой степени. Директор взбесился: «Ты с ума сошел, да знаешь ли, что значит остановить такую мельницу, ведь это сотни тысяч убытку?» —«Знаю, но тем не менее нахожу необходимым остановить мельницу». Директор пошел с жалобой в ГПУ. ГПУ вызвало немедленно инспектора, и на другой день была назначена комиссия из представителей ГПУ и лиц, начальствующих по хлебному делу. Всякий может представить себе волнение молодого ссыльнаго, в случае, если б его распоряжение признано было бы неосновательным, обвинен был бы в предумышленном вредительстве и суд короток. Всю ночь мы не спали, ведь неравны силы просто до невероятнаго. Бледный, но как всегда выдержанный, с молитвой в сердце шел мой измученный преследованиями Андрюша на мельницу, где должен был решаться вопрос о его жизни и смерти. Несколько часов дожидались мы с Ниночкой его возвращения. Еще издали по быстро походке и помахиванию нам рукой мы поняли, чт он весел. Комиссия и хлебный инспектор подписались под протоколом о правильностм распоряжения заместителя хлебного инспектора А. мельницу на три дня остановили. Директор послал в Алма-Ату донесение с просьбой снять его с работы (директора), т. к. он не желает подчиняться ссыльному мальчишке, которого он уволил з контрреволюцию. Снять его оказалось неудобными коммунист, большой активист, член союз безбожников. ГПУ вызвало Андрюшу и ем сказали: «Мы против твоей работы ничего н можем сказать, выбери себе какую хочешь службу но ссыльному неудобно быть на такой ответственно должности». Андрюше на другой же день пред ложили место кассира в очень большом областном кооперативе. Весь небольшой город знал его приключения по службам, заведующий не был коммунистом, и ему нужен был честный работник. Тут я испугалась. Через его руки и под его ответственностью должны проходить очен большия суммы денег. Он смело брался, стал получать много лучше жалованье и за трехмесячную отчетность получил благодарность Приходит один раз домой опять взволнованный и оскорбленный. Приехала ревизия из Москвы. Узнав, что кассиром молодой ссыльный и известной дворянской фамилии, сделали выговор начальнику и приказали немедленно удалить. «Вы что же хотите, чтоб он украл деньги и скрылся? Разве можно таких людей ставить на такое ответственное денежное дело?» Начальник ответил (все в присутствии Андрюши): «Мы только сейчас спокойны. До него назначались все комсомольцы, которые скрывались, один с 25-ью тысячами, другой тоже около этого». Ревизия назначила своего комсомольца. Начальник не хотел оставить Андрюшу совсем невиновного ни в чем без заработка и предложил ему единственное свободное место по картотеке. Обиделся мой бедный и говорит мне: «Не хочу этого, что это, чтоб все смеялись: из кассиров да в картотеку? Ни за что не хочу». Я нашла нужным не отказываться, а взять это место. Не хотелось ему очень, но он никогда не шел против моего желания. Ревизия уехала по городам и селениям Актюбинской области. Через два месяца на обратном пути в Москву заехали в кооператив, и первый вопрос был: «Ну что, как вы довольны новым кассиром?» —«Да вот три дня тому назад взял 20 тысяч и скрылся. Где его теперь искать?» Приходит Андрюша торжествующий. Комиссия разрешила взять его обратно. Оставался еще год до окончания ссылки, и он так и пробыл в этой должности. Вызывають его один раз в ГПУ и говорят: «Завтра общее собрание всех рабочих, оно должно дать согласие принять кого-нибудь или не принять на военную службу. О тебе будеть вопрос. Тебя вызовуть, и если спросят, за что ты выслан, смотри, не вздумай сказать, что за религию и церковь». —«Что же я должен ответить?» —«Скажи, что по обвинению в контрреволюции по ст. 58, п. 10». Его не вызывали, а заочно постановили принять. Очень волновались мы, ведь если постановят принять, то отказаться нельзя (это не вопрос религии), понятно, как нам этого ни под каким видом не хотелось. Назначен набор, он получает повестку явиться на осмотр. Я ему говорю: «А пойди в ГПУ и спроси, т. к. Петю за фамилию отвергли, о чем поместили в паспорте, может, Бог даст, и тебя отвергнут». На этот раз он боялся послушать моего совета. Его осмотрели, обрили, но найдя сильный невроз сердца, дали длительную отсрочку, назначив лечение. На другой день читаем

в местной газете: «Подлые люди из дворян пробираются в армию, чтоб вносить разложение, так вот, нужно обнаруживать и выкидывать». Я укорила его за непослушание. Он пошел, не сказав куда. Придя домой, рассказал о том, что сделал, надеясь, что его освободят совсем: «Я прошел в военный совет, заседающий совместно с ГПУ, и просил разрешения войти. Вошел: сидять за большим столом, покрытым красным сукном, все большие чины в орденах. Все изумленно на меня посмотрели, небывалое нахальство. «В чем дело?» —спросил один. Я ответил: «Вчера меня осмотрела военная комиссия и приняла условно, до излечения сердца. Я пришел заявить, что я дворянин и титулованный». Они все переглянулись и самый главный сказал: «Молодец, что пришел». Они сами понимали, что для этого нужна была болыиая решимость и уменье побороть страх перед ними. Его оставили в покое и через два месяца кончился срок его ссылки. Ему не дано было ограничений, и он могь вернуться даже обратно в Москву, но мы подумали, что безопаснее быть подальше от центра, и решили вернуться в Алма-Ату, где и устроить свою жизнь. Влекла туда и другая, самая главная сторона жизни: узнали о существовании там катакомбной церкви.

36. Катакомбная Церковь

В Актюбинске мы больше году были совсем лишены Богослужения. Утешение пришло неожиданно. Приехал туда еще сравнительно молодой архимандрит О. Арсений. Он был знаком с той ссыльной семьей, о которой я писала, что жили с нами вначале в землянке и спали на столе и по, столом. Они дали ему наш адрес, и он сейчас же пришел, и остался ночевать. Совершил ночью тихо литургию, и мы смогли приобщиться Св. Таин Это был тоть монах, которого в Туапсе не растреляли, а сослали на 10 леть, и который дал мне сведения и об игуменье Антонине. От него впервые узнала о том, что в России существуе тайная Катакомбная Церковь, возглавляемая митроп. Петербургским Иосифом и им организованная по благословению митроп. Петра Крутицкого, с которым он, живя в Чимкенте за 100 верст о Алма-Аты в ссылке, все время имел тайные сношения. Архим. Арсений был рукоположен митр политом и имел счастье содержать его матеряльно. Церковь в Алма-Ате вырыта глубоко земле, и освящал ее сам митрополит, приезжавший для этого тайно.
Как завещал мне О. Александр, замученнь на Медвежьей горе под Мурманском, так никогда ни я, ни Андрюша не имели общения со свяще никами сергианскими, поминавшими властей и митроп. Сергия.
Один раз приходит к нам со знакомыми, все теми же самыми, почтенный по виду академик протоиерей О. Макарий. Предварительно я знала, что он сергианец. Таких тоже высылали, чувствуя в них, в некоторых, искреннюю веру в Бога, так страшную сатане в лице советских властей. Придя к нам, он поднял руку, чтоб благословить меня, но я отклонила и не приняла, со словами: «Простите, батюшка, я не могу принять Вашего благословения, я знаю, что Вы принадлежите к Сергианской церкви, поминаете властей и Сергия». Он этого никак не ожидал, обратился с поднятой рукой к Андрюше, но он тоже не принял. Он ушел, не говоря ни слова, сильно оскорбленный и сказал моей знакомой: «Что эта старая дама поступила так, я еще могу извинить, но этот мальчишка смел не принять моего благословения, это возмутительно». Через несколько дней он приходит и уже не пытается благословлять, а говорит: «Меня очень заинтересовали Вы и Ваш сын, я хотел бы побеседовать и узнать Вашу точку зрения».
Я высказала свой определенный взгляд на Сергианскую церковь и на Сергия. После этого мы видались, часто беседовали, будучи совершенно противуположных убеждений. Он устроил у себя в комнате вроде маленькой церкви, служил обедню и просил Андрюшу приходить петь и читать, не поминать ни властей, ни Сергия. Мы отказались. Так шло время, мы стали друзьями, но не в вопросе церкви, хотя с его стороны стали чувствоваться примирительные нотки к нашим взглядам. Один раз у него был диспут с приехавшим еще раз к нам архимандритом Арсением, но оба остались при своих мнениях.

Он был сослан всего на два года, и когда отбыл срок, и пришел прощаться, то сказал: «Беседы наши не остались пустыми и безплодными. Я еду в Москву и там найду разрешение нашим разногласиям. Я обещаю, что если убежусь в том, что не я прав, то честно об этом сообщу Вам». Он уехал. Через три месяца пришло письмо от его сына, где он собщает, что отец его вскоре по приезде в Москву официально отрекся и отошел от Сергианской церкви. Отказался от богослужений, за что выслан на 10 лет, без права переписки, неизвестно куда.
О том, что творилось вообще в то время, трудно даже поверить. Я иногда брала людям сшить платье или белье, чтоб заработать немного денег. Приходить женщина, оказавшаяся учительницей из гор. Аральска, на Аральском море. Они приехала поодеться, как говорила: это был тип советской интеллигенции, говорившей самым вульгарным простонародным языком. Что и как могла она преподавать детям — это загадка. Носила шелковые платья. Ей нужно было нарядное платье для гостей и в церковь ходить. На мой вопрос, разве в Аральске есть церковь, она ответила: А как же. У нас замечательная женщина-священник». Я думала, что ослышалась, и переспросила. «Что Вы сказали, священникъ—женщина?» —«Ну да? Что Вы так удивляетесь? Не все ли равно, раз она и исповедует, и приобщает, и все исполняет, как мужчина». На мой ужас и страх перед таким фактом, она сильно обиделась, вероятно, найдя во мне глупую отсталость. Да! Чего, чего только не видела я и не испытала, но это был верх сверхпреступных понятий, творившихся в то время в церкви при большевиках.
Итак, мы решили переехать снова в г. Алма-Ату. Было это в августе. Ъхали мы все трое веселые и облегченные, хоть на время не думая о новых несчастиях. Андрюша освобожден! На каждой станции покупали и наслаждались фруктами, от которых отвыкли за три года. Нас встречал Архимандрит Арсений и привез в хорошенькую комнатку опять на земляном полу, единственную, что мог достать для нас, но зато у верующего, одинокого крестьянина, умудрившегося сбежать из северного лагеря, пробраться на самый юг и выстроить хату в две комнаты. Хата была в саду. С хозяином в одной комнате жил старый, почти слепой священник, высланный из Петербурга, бывший близкий другь О. Иоанна Кронштадского. Отец Иоанн перед смертью отдал ему свой стеганный подрясник, который был с ним. Иногда приезжал с гор отшельник, старый монах, брать хозяина, которого он выписал, когда устроился, чтоб жить вместе, но тот, боясь преследований, поселился в горах. Все мы и даже Ниночка оказались в любимой нам среде. В комнате сделали нары: внизу спал Андрюша, над ним Ниночка, а я спала на небольшой плите, а когда зимой она топилась, то спала на столе. И как хорошо было. Если б не вечный страх перед ГПУ, то мы были бы вполне счастливы. Андрюша поступил в лабораторию при бойне. Ниночку я отдала в школу. Как трудно было этому слабенькому, миниатюрному ребенку. Приходит один раз (еще в самом начале) из школы в слезах и захлебываясь говорит: «Бабушка, я больше не пойду в школу, ни за что не пойду. Один мальчишка увидел на мне крест, схватился за него, стал рвать его, позвал других учеников, меня окружили, все дергали, прыгали кругом и хохотали. Вошла учительница, увидела, что я плачу и не знаю, как вырваться, узнала в чем дело и спрашивает: «Зачем ты носишь крест?» Я ответила: «Потому что я верю в Бога, и мамочка моя верила, и бабушка, и я буду носить крест». Учительница отпустила ее домой, т. к. она от слез не могла успокоиться, и сказала, чтоб бабушка сейчас пришла в школу к заведующей. Я похвалила, утешила и успокоила свою хорошую внучечку. Пошла в школу: «Что, Вы разве не знаете, что не разрешено носить крестов?» Я ответила, что знаю, но не подчиняюсь и не сниму его с моей девочки т. к. я верующая. «В первый раз приходится мне иметь такое дело, —сказала она. —Крест надо снять!» Я отказалась, я, конечно, взяла бы ее немедленно из школы, но не имела права, т. к. обучение в школе было обязательным, а в случае протеста ребенок отбирался от родителей и становился собственностью Советов. Тогда заведующая сказала: «Снимите крест с шеи, чтоб его не было видно, и если уж отказываетесь совсем снять, то приколите или пришейте к рубашке». Я посоветовалась с О. Арсением и с его благословения так и сделала, чтоб не смущать ребенка, который от этого страдает, и не давать повода издеваться над святым Крестом. Так и у Андрюши, и у Ниночки всегда на них был крест, но не висел на шнурке на

шее, а был пришит. Началось еще новое испытание для нас: Ниночку заставляли вступить в пионерки. Опять эта умненькая девочка с твердостью взрослого человека отказалась и на вопрос «почему» опять отвечала: «Потому что я верующая в Бога». Вызывают опять меня, и в результате, милостью Божьей, она до 1942 г., когда я с ней рассталась, вероятно, навсегда, не была ни пионеркой, ни комсомолкой.

Помимо того, что она была очень развита, не по годам серьезна, переживая с самого почти рожденья только печаль, у нея был природный дар к рисованию. Пишу был, т. к. все выше описанные факты нанизывались в сведениях ГПУ, и по достижении известного возраста таких арестовывали и ссылали на мучение в лагерь Сибири. Ниночке было 17 лет, когда я с ней рассталась, она кончала школу, пройдя все 9 классов первой ученицей. Хочу надеяться, что отец ее, у которого она жила последние три года при мне, не пошатнул ее убеждений, что было бы для меня новым горем; он человек компромиссов, и надеюсь только на ее твердость и память о матери и обо мне. Когда ей в Алма-Ате минуло 11 лет, то были Пушкинские торжества. Каждая школа должна была что-нибудь внести на выставку в память Пушкина. Решено было с печатных рисунков, взятых из журнала царского времени «Столица и усадьба», нарисовать в красках в значительно увеличенном виде дом, где родился Пушкин, могилу его няни и еще два рисунка, всего четыре. Никто, даже из самого старшего класса, не брался за это. Кто-то сказал: «Вот Ниночка сможет, наверное». Призывають ее в учительскую, а она, как я писала, родилась недоношенной семи месяцев и осталась очень миниатюрной, но очень хорошенькой, с большими, выразительными черными глазами. Учителя других классов не знавшие ее улыбнулись. Ей показали рисунки и заведующая школой спросила: «Ниночка, сможешь ты сделать эту работу?» На что последовал смущенный тихий голосок: «Я попробую». —«Ну вот что, если ты сделаешь, то получишь материю на новое платье, и белье, и кроме того, коробку хороших красок акварельных и кистей». У нас с одеждой было очень бедно, она, придя домой, сказала мне: «Бабушка, если я сделаю, то тебе будет легче, не придется покупать на платье, я уж постараюсь изо всех сил». То, что сделал этот 10-летний ребенок, совершенно невероятно. Когда эти картины были в рамках на выставке, то и местные, и приехавшие из многих мест, даже из Москвы, учителя и служащие по народному образованию спрашивали и хотели видеть того талантливого ученика, кто это исполнил, ожидая, конечно, увидеть или узнать, что это кто-нибудь из старших классов, и не хотели верить, что это работа девочки, еще не достигшей 11-ти лет.

Прошел месяц, прошло два—ни материи, ни красок. Вызывают ее в комсомольскую так называемую ячейку и заявляют: «Советом комсомола постановлено, не давать тебе никакой награды за рисунки, т. к. ты отказалась быть пионеркой». Придя домой, она не плакала, а сказала только: «Мне ничего оть них не надо, но какие они все гадкие, эти комсомольцы». Да! Она была права!

Один раз мы сидели в саду с хозяином, было совсем темно. Сидели за столом, за нами был большой кусть. Мы говорили, как всегда и везде, тихо. В кусту затрещали сучья, у хозяина был фонарик, он осветил куст и мы с ужасом увидели убегающего из него агента ГПУ. В другой раз было следующее. Старый священник, живший у хозяина в нашей комнате, служил вечерню. Я читала, т. к. Андрюша всегда прислуживал в катакомбной церкви у Архимандрита Арсения. Кроме священника, меня и Ниночки присутствовал хозяин. Вдруг собака хозяина, очень большая и злая для чужих, подняла за окном невообразимый не просто лай, но с каким-то остервенением воет. Она на кого-то бросилась. Раздался мужской крик. Пришлось остановить службу, и мы все вышли. Была темная ночь. Никакие окрики не могли оторвать Мальчика (так звали собаку) от человека, которому она вцепилась в воротник. Она его до смерти искусала бы, если б нам всем не удалось ее оттащить. Мы сразу поняли, в чем дело, поняла врага и умная собака. Перед нами стоял бледный ГПУ, прикинувшийся пьяным. (Обычный прием, когда они попадались в подслушивании). Он пытался нас уверить, что не помнит, как попал в сад под наше окно. Везде подлость!

37. Митрополит Иосиф

Я отвлеклась и не написала о впечатлении от города Алма-Аты, после нашего трехлетнего отсутствия. Узнать его нельзя было. Так изменить, так изуродовать всю его бытовую красоту и даже самую природу могла только злая воля дьявольской, большевистской силы. Лозунг большевиков «Все старое сломаем и построим новое» оправдался фактически. Нашим глазам предстала картина: на месте маленьких одноэтажных уютных домиков на главных улицах стоят двухэтажные дома, все того же еврейского коробочного квадратного стиля, как и в других городах России. Выше двух этажей из-за землетрясений нельзя было строит, и то их возводили на каком-то особенном фундаменте, по «американской системе», якобы гарантирующей их от разрушения. Почти во всем городе вырублены чудные фруктовые сады, в зелени которых утопали домики. На главных улицахъ—асфальт и стоит милиционер в белых перчатках. Так негармонирующие с бытом полунищего, грязного киргиза. Базар уничтожен, ни одного верблюда! Куда они их только подевали? Ни ковров, ни восточных палаток. Все мертво. Киргизы страшно озлобленные на вмешательство и изуродование их природной жизни. Как везде падкие до чужой собственности. появились и среди них коммунисты. Сразу проявилась разница в матерьяльных благах. Одних обирали донага, другие роскошествовали. Коммунистов своих свои ненавидели. Советы устроили национальный театр появились киргизские артисты.
В то время население голодало. Свободным натуре киргизам приходилось часами стоять очереди для получения какого-то минимума питания по карточкам. У коммунистов было всего излишестве. Особенно ненавидело население одну артистку, пользующуюся покровительством большевиков. Артисты устроили пикник в горах Нагруженные вином и закусками, они ели, пили. пели и веселились. У артистки была семилеть дочь. Когда стали собираться обратно, девочки не оказалось. Звали, кричали, искали, но ее нет. Наступила ночь, послали верхового заявить ГПУ Немедленно приехал отряд милиции с фонарями Недалеко от места пира увидели девочку, повешеную на дереве.
Я познакомилась с художницей-скульптором тоже высланной с мужем. Он лежал в чахотке Комната в первом этаже, а внизу подвал, где: жила женщина, о которой говорили, что она агент Люди они, и муж и жена, особенно муж, верующие за что и высланы. Говорили мы всегда тихо, хоть окна и двери были наглухо закрыты, считая, что никто нас не слышит. И вот ночью подъехал; автомобиль и его в жару, мокрого от испарины, приговоренного врачами к смерти, сняли с кровати и увезли. Жена, конечно, была в непередаваемом горе. На другой день ареста, открыв камфорку у плиты, бывшей в комнате, она удивилась, увидев под плитой свет. В полу под плитой вырезан квадрать и все разговоры подслушивались. Воть из всех этих примеров видно, как ужасна была жизнь: ни минуты покоя, нигде…
Мы очень уважали Архимандрита Арсения, тем более, что он был любим митроп. Иосифом и через него мы могли иметь связь с ним. Митрополить жил в то время в Чимкенте. До этого с самого начала ссылки он жил в маленьком городке Аулиэта, ему не разрешено было жить в комнатке, а поместили в сарай со скотиной, отделив его койку жердями.
Вырытая в земле церковь была в квартире Архимандрита Арсения. В передней был люк, покрытый ковром. Снималась крышка и под ней лестница в небольшой подвал. Не зная, нельзя было предположить, что под ковром вход в церковь. В подвале в одном углу было отверстие в земле, заваленное камнями. Камни отнимались и, совсем согнувшись, нужно было проползти три шага и там вход в крошечный храм. Много образов и горели лампады. Митрополит Иосиф очень высокого роста, и все же два раза тайно приезжал и проникал в эту церковку. Создавалось совсем особое настроение, но не скрою, что страх быть обнаруженными во время богослужения, особенно в ночное время, трудно было побороть. Когда большая цепная собака поднимала лай во дворе, хотя и глухо, но все же слышно под землей, то все ожидали окрика и стука ГПУ.
Весь 1936 г. и до сентября 1937 г. все обходилось благополучно. Андрюша пел сь одной монахиней. 26-го Августа приехал митроп. Иосиф и удостоил нас посещением по случаю дня

моего Ангела. Какой это чудесный, смиренный, непоколебимый молитвенник. Это отражалось в его облике и в глазах, как в зеркале. Очень высокого росту, с большой белой бородой и необыкновенно добрым лицом, он не мог не притягиватв к себе, и хотелось бы никогда с ним не расставаться. Монашеское одеяние его было подобрано так же, как и волосы: иначе его сразу арестовали бы, еще на улице, т. к. за ним следили, и он не имел права выезда.

Он лично говорил, что Патриарх Тихон предложил его немедленно по своем избрании назначить своим первым заместителем. Этого почему-то в истории церковного местоблюстительства еще нигде не упоминается. Он признавал как законного главу Церкви митроп. Петра Крутицкого и вплоть до последнего ареста, в сентябре 1937 г., имел с ним тайные сношения, когда везде уже ходили слухи, что митроп. Петр умер. Он провел у нас за чаем больше часу, рассказывал о трудной жизни в сарае, когда над головойуцепившись за хворост потолка, висит и смотрит на тебя змея, о том, как трудно было молиться, когда кругом мычанье, блеянье и хрюканье, и безжалостно плохое питание. Эти все условия и были, очевидно, причиной его болезни. По временам он сильно страдал оть язв в кишечнике. Но он все переносил, как Праведник, и если рассказал о трудных преследованиях, то только потому, что мы все вспоминали о жестокостях ГПУ. О. Арсений рассказал об одной форме издевательства мучениями:

«Когда их везли через Сибирь, мороз был жестокий. В поезде был вагон-баня. Нас совсем голыми погнали через вагоны в баню. Мы с радостью обливались горячей водой и немного отогрелись, т. к. вагоны почти не топлены. Не дав ничего, чтоб вытереться, с мокрой головой погнали назад. На железной площадке нарочно задержали и мокрыя ноги моментально примерзали к железу, по команде «Вперед!» мы отдирали с кровью примерзшия ступни».

На другой день, переночевав у О. Арсения, митрополит уехал к себе. Теперь он жил в других условиях. После 15-ти или около этого лет было разрешено в Чимкенте найти ему квартиру. Архимандрит Арсений устроил ему комнату для спокойной жизни, заботился о его еде не только в сытости, но и в диете, ради больных кишек. Достал ему сперва цитру, а затем и фисгармонию, что для митрополита, большого музыканта, было радостью. Он пел псалмы, перекладывая их на музыку.

I-го Сентября неожиданно дана нам была большая, очень большая радость. Сын мой Петр, окончив ссылку, приехал к нам, узнав через сестру мою в Москве (переписка при вольной ссылке разрешалась) наш адрес. Приехал с молодой женой, чтоб вместе жить. Они только что потеряли ребенка, о чем я писала. Временно мы расположились все в нашей одной комнате, куда перешли за два месяца перед тем, а затем для их удобства решили подыскать им вблизи от нас отдельную комнатку. Андрюшино служебное начальство ввиду его честной работы назначило его на трехмесячные курсы по бухгалтерии, причем было объявлено, что окончивший и сдавший экзамен лучшим по конкурсу получит диплом на права старшего бухгалтера. 25-го Сентября он должен был курсы закончить с этим правом, т. к. шел лучшим из всех. Это дало бы ему хорошее содержание, и он так радовался, говоря: «Мутенок мой (так он меня называл), ты не будешь больше стоять на базаре и продавать цветы, я один буду зарабатывать». Петя нашел комнатку очень близко оть нас, и 24-го Сентября по приведении ее в порядок они должны были пепейти в нее. 23-го вечером мы сидели все невеселые, предвидя несчастие. По всему городу начались аресты. Это было владычество Ежова.

В час ночи дети и Ниночка спали, я еще не ложилась, когда у нашей комнаты остановился автомобиль. Я разбудила детей. В дверь резко застучали и раздался так страшно знакомый окрик ГПУ: «Отворите!»

Делать было нечего, я отворила. Быстро вошел ГПУ и три вооруженных солдата, у ГПУ револьвер в руке. Помню, что я в отчаянии, понимая, что у меня отнимуть сейчас самое дорогое в земной жизни, детей, резко спросила: «Что вам здесь надо?» —«Андрей Урусов здесь?» Я не могу писать всех подробностей. Как ни примирилась с Божьей Волей, но воспоминания раздирають душу. В одном нижнем белье поставили моего дорогого посредине комнаты и обшарили, нет ли на нем оружия. Подлинные трусы! Чего они боялись и кого? Какое

могло быть оружие вообще у кого-нибудь, а тем более у высланного за веру в Бога и церковь! Начался обыск.
Перевернули все, конечно, ничего не найдя. Меня, несмотря на порывы приблизиться к сидящему на кровати теперь Андрюше, к нему не допускали даже в эти последния минуты расставания, может быть, навсегда на земле. Он сидел молча, не протестуя ни одним словом, и только глазами указывал мне на угол с образами, где, как всегда, горела лампадка. Я понимала, что он призывал меня молиться. Я так плакала, что на просьбу невестки ко мне подойти, ей разрешили. Обернувшис к бедному Пете, он сказал: «Я не знал, что у Вас еще сын есть! А это Ваша дочь?» Она ответила: «Нет, я невестка». Андрюше велено было одеться. Теплая куртка была у портного в починке, ботинки тоже. Надел легкое пальто и брезентовые туфли. Денег у нас не было, кроме 40 руб., которые ГПУ взяло, якобы для Андрюши. Его увели. Мне разрешили проститься. Мы обнялись в последний раз. Я сказала ему: «Куда бы тебя ни сослали, я поеду за тобой». Но Господь судил иначе, и больше я его не видела. Он сказал мне вечером накануне: «За меня не проси у них, я этого не хочу, я твой сын!» Вот 15 лет в сентябре, как это было, но память об этих минутах так свежа, как будто это было вчера, только чувство отчаянного горя, охватившего меня, сменилось покорным переживанием. Мои дети –мученики за Христа. Не помня себя, я тут же на рассвете побежала к Архимандриту Арсению и, подойдя, увидела автомобиль и входящих к нему ГПУ. К счастью, меня не заметили. Нужно было спасать Петю и его жену. Как настало утро, они уехали в Томск, где тоже в ссылке вольной жил брат моей невестки. Он поступил в театр артистом.
Бедная Ниночка, что переживала эта несчастливая, оставшаяся 6-ти лет сиротой детская душа? Я не в состоянии была работать, не знала, как быть с ней! Я только плакала, молилась и часами стояла с ней у ворот тюрьмы. Придя домой, на второй же день мы застали у себя отца Ниночки, приехавшего повидаться с ней после трехлетней разлуки. Еще за день я не могла бы подумать о том, что могу с ней расстаться, но тут я усмотрела в этом явное Божие указание. Ведь и меня могли арестовать и что было бы с ней? Я рассталась и с ней! Отец взял ее к себе.
Целый месяц ходила я в ГПУ, прося не освобождения, а передачи пальто, ботинок и чего-нибудь съестнаго, просила о разрешении свидания. Мне подарили ссыльные для него валенки и теплую шапку меховую. Разрешено не было. 8-го Ноября мне было объявлено: Андрей Урусов отправлен 5-го числа на Дальний Восток без права переписки на 10 лет. Я молилась только о том, чтоб не впасть в отчаяние от горя, и Господь помог мне перенести и дальнейшия скорби, и вот живу уже 10 леть после этого.
Я решила его догонять. Соседи продали для меня все, что у меня было, помогли мне и другие ссыльные деньгами, и я уехала по дороге в Сибирь, т. к. мне сказали, что он отправлен в бухту Нагая, в Колымский край. Бухта Нагая—это на самом северном берегу Охотского моря. Я думала, что пассажирским поездом догоню этап. Рядом в купе вагона сидел разукрашенный орденами, как видно, исполнивший миссию арестов и приговоров, большой, уже пожилой чин ГПУ. На вторую ночь, застав меня в коридоре вагона, спросил: «Гражданка, чего Вы все так плачете?» Спросил строго и, конечно, несочувственно. Я сказала об Андрюше. «За что его арестовали?» Я ответила: «Без всякой вины». —«Этого быть не может!» —«Неть, это так: он взят за веру в Бога и религию!» —«Ну, стало быть и виновен!» —«По-Вашему, да, а по-моему, нет. —Как фамилия? Я сказала. ”Ну больше 5- ти не просидит». Наверное, он сам и присуждал моего Андрюшу и других обвинений не нашел на него. Он мне разрешил пройти в Новосибирскес носилыциком по путям, сообщив, что эшелон из Алма-Аты стоит еще здесь. Мороз былъсвыше 50-ти гр. Мы прошли под вагонами неменьше 20-ти товарных поездов с наглухо закрытыми вагонами, охраняемыми военными патрулями. Это все транспорты с ссыльными из разных городов России. В тот же день, как арестован был Андрюша, было арестовано везде в окрестностях Алма-Аты по Казахстану все духовенство катакомбных Иосифлянских церквей, отбывавших вольную ссылку за непризнание советской церкви. Все были сосланы на 10 лет безъправа переписки и, как я узнала после, в числе их был и митрополит Иосиф. На последнем пути был поезд из Алма-Аты. Посреди поезда—классный

вагон. Я постучала. Вышел маленький еврей в военной форме ГПУ и с ним еще двое. Онъудивился, увидев в 12 ч. Ночи даму у поезда с носилыциком, когда никто не имел права ходить по путям, да еще пролезатьпод вагонами с арестованными. На вопрос, что мне надо, я сказала, что ищу сына, чтоб передать ему теплую одежду, провизии и денег. Один из стоящих, узнав фамилию, сказал: «Кажется у нас есть такой!» Еврей сказал мне: «Идите на станцию, а рано утром приходите, мы за это время проверим списки, и если Ваш сын тут, то я дамъВам свидание и Вы передадите лично, что хотите». Ночь показалась мне за несколько лет. В 7 утра я была у поезда, опять с носилыциком. Я купила съестного, все что было можно на вокзале. Мнеобъявили: «В списках такого нет!» А между тем этот эшелон отправлен был 5-го из Алма-Аты. Шел он несколько дней, и мне представилось, что он замерз. Я взяла билет и поехала в Томск к Пете, дав ему телеграмму. В этот страшный мороз он и жена его, в холодных ботинках, кое-как одетые, т. к. все было отобрано еще в Москве, а одеться в ссылке не на что было, встретили меня на вокзале. Три дня я жила, окруженная теплой любовью и заботой. И Петя, и Олечка утешали меня, говорили, чтоб я не тосковала, что они найдут, где Андрюша, и я поеду к нему. На четвертый день ночью опять стук, и опять тот же окрик. Увезли и Петю моего. Я в окно видела его сидящим, как-то согнувшись, на открытом грузовике. Ночь была лунная. Шофер и ГПУ сидели в кабинке. Я отдала ему все, что везла Андрюше. Последние его слова были молодой жене: «Олечка, поезжай немедленно с мамой в Москву». Она со мной не поехала, несмотря на все мои просьбы, и осталась у брата, сказав, что только узнаеть судьбу Пети в ГПУ, на сколько лет и куда его отправят, и приедет в Москву. (Она была рожденная княжна Г-на). Через месяц от хозяйки квартиры было письмо. Ваша невестка и брат ее арестованы и увезены на 10 лет.

38. Можайск

Когда мои сыновья были в 1937 г. арестованы и, по сообщению ГПУ, были высланы на 10 лет без права переписки, то о моем материнском горе и говорить нечего. Много, много горьких слез пролила, но ни единой даже мимолетной мыслью не роптала, а искала только утешения в Церкви, а оно могло быть только в Катакомбной Церкви, которую я везде искала, и милостью Божией всегда находила очень скоро, и горе свое изливала истинным, Богу угодным священникам, которые там совершали тайные Богослужения. Так было, когда после ареста сыновей я из Сибири уехала в Москву. Сестра моя, которая, к ужасу моему, признавала советскую Церковь, не была арестована, несмотря на то, что была фрейлиной. Она мне указала на одну бывшуюнашу подруту детства, с которой она расходилась в вопросах Церкви, т. к. та принимала горячее участиев в тайных Богослужениях. Меня встретила эта дама и другие члены этой святой Церкви с распростертыми объятиями. Жить в Москве я не имела права и поселилась за 100 верст в городе Можайске. Абсолютно без денег я взяла патент на право продажи искусственных цветов на московском базаре. Мне разрешалось проживать у сестры не более одних суток, но мне помог дворник. Все дворники назначались ГПУ для доклада обо всем, что делалось в доме. Дворник того дома жил в сыром подвальном помещении с семьей крайне бедно. Он пришел ко мне и спросил: «Хочешь ли ты, чтобы я тебе помогь? А ты помоги мне! Я обязан по приезде кого-нибудь немедленно сообщать, а ты приезжай и живи хоть по две недели, да сколько хочешь, а я сообщать не буду. Если же придут с обыском или проверкой, то покажу, что ты приехала сегодня утром, а ты мне помогай понемногу от продажи своих цветов».

Я, конечно, согласилась, и так оно и было до 1941 г., когда неожиданно немцы перешли границу, и в тот же день никому, кроме, конечно, слугь сатаны, не был разрешен въезд в Москву. И так, проживая у сестры подолгу, я посещала все богослужения, которыя производились у частных лиц в разных районах Москвы. Был у нас священнослужителем и духовником О. Антоний, уже не молодой иеромонах. Постоянно слышу: «Как велит старец, что скажет старец и т. д». Я спросила отца Антония, где могла бы я увидеть этого старца, чтобы

излить свое горе и получить утешение! Когда о нем упоминали, то говорили с необычайным благоговением и называли святым необычайным. «Нет, —сказал О. Антоний, —этого никак нельзя, все, что Вам потребуется от него, я буду ему передавать». В 1941 г. в Можайске я познакомилась с одной дамой, высланной из Москвы за арест мужа и единственной дочери. Она оказалась тоже членом Катакомбной Церкви и была с самых первых лет священства старца его духовной дочерью. Она мне сообщила, что старец (имени не называла) живет сейчас в двух верстах от Можайска, и она тайно посещает его Богослужения. На мой вопрос, нельзя ли ей попросить принять меня, она ответила: «Нет, это невозможно, т. к. все молящиеся лишены этого, т. к. ГПУ его 25 лет разыскивает, и он переходит по всей России с одного места на другое, будучи оповещен, как видно, Духом Святым, когда надо уйти». Конечно, я скорбела, но делать было нечего. День Святой Троицы в том году был 7-го июня. Как ничего не бывает случайным, так было и тут: я не могла быть в Москве и с грустью сидела вечером накануне одна у себя в комнате. Слышу легкий стук в окошко, взглянула и поразилась. Стучит немолодая монахиня, одетая по-монашески, несмотря на строжайшее запрещение носить такую одежду. Дело было под вечер. Я отворила дверь, и она вышла ко мне со словами: «Батюшка, старец О. Серафим, приглашает Вас завтра утром к себе, и если желаете, то можете исповедаться и приобщиться Св. Тайн». Она указала мне, какой дооогой идти и быть осторожной: перед самой деревней было поле ржи, уже колосившейся, и советовала идтисогнувшись. Дорога через это поле как разъупиралась в избу, где жил старец, а прямо напротив через дорогу был исполком. Нечего и говорить о моем чувстве, когда монахиня, крайне приветливая своим светлым лицом, ушла. Звалиее мать Н. При старце были две монахини, другую звали мать В. Они неразлучно были с ним. Старецъжил иногда даже месяца два спокойно и совершенно неожиданно в разные часы дня и ночи вдругъговорил: «Ну, пора собираться!» Он с монахинями надевали рюкзаки, где были все богослужебные предметы, и немедля уходили куда глаза глядят, пока старец не остановится и не войдет в чью-нибудь избу, очевидно, по наитию Свыше. Рано утром я пошла. Вхожу не с улицы, а, как было указано с проселочной дороги в заднюю дверь. Передо мной—дивный, еще совсем не старый монах. Описать его святую наружность не найду слов. Чувство благоговения было непередаваемо. Я исповедовалась и дивно было. После совершения Богослужения и принятия мною св. Таин, он пригласил меня пообедать. Кроме меня была та дама, о которой я писала выше. Обе монахини были и еще одна духовная дочь, приехавшая из Москвы. О, милость Божия: я никогда не забуду той беседы, которой он удостоил меня, не отпуская в течение нескольких часов.

Через день после того счастья духовнаго, что я испытала при посещении О. Серафима, я узнала от той дамы, что на другой день, когда сидели за чаем, О. Серафим встал и говорит монахиням: «Ну, пора идти!» Они мгновенно собрались и ушли, а через полчаса, не более, пришло ГПУ, ища его, но Господь его укрыл.

Прошло три месяца, немцы уже были в Можайске, когда опять легкий стук в окно и та же монахиня Н. пришла ко мне со словами: «Отец Серафим в Боровске, который сутки был занят немцами (40 верст от Москвы), прислал меня кь Вам передать свое благословение и велел открыть Вам, что онъ—тот Сережа, которому поклонился иеромонах А. (в Оптиной)».

Вот пояснение этого тайного старца из книги С. А. Нилуса «На Берегу Божией Реки», глава «Пустите детей приходить ко Мне» (из Оптинского Дневника Нилуса

«Сегодня уехала из Оптиной новая наша знакомая, за короткое время ее пребывания в обители ставшая нам близкой, как сестра родная, ближе еще—как сестра по духу Христову. Назову ее Верой, по вере ее великой. В начале января нынешнего года я получил из города Тамбова письмо, в котором чья-то женская христианская душа написала мне несколько теплых слов в одобрение моей деятельности на ниве Христовой. Письмо было подписано полным именем, но имя это было мне совершенно неизвестно.

25-го Мая стояли мы с женой у обедни. Перед Херувимской мимо нашего места прошла какая-то дама, скромно одетая, и вела за руку мальчика лет пяти. Мы с женой почему-то обратили на нее внимание. По окончании Литургии, перед началом Царского молебна, мы ее вновь

увидели, когда она мимо нас прошла к свечному ящику. Было заметно, что она «в интересном положении», как говорили в старину люди прежнего воспитания. «Вот раба-то Божия!—подумалось мне, —один ее ребенок с детских, а другой еще и в утробной жизни—оба освящаются молитвами и святыми впечатлениями матери, —умница! Благослови ее Господь и Матерь Божия!»

В эту минуту она подошла к иконе Божией Матери Скоропослушницы, перед которой мы обычно стоим в Введенском храме, и стала перед ней на коленях молиться. Я нечаянно увидел ее взгляд, устремленный на икону. Что это был за взгляд, что за вера излучалась из этого взгляда, какая любовь к Богу, к божественному, к святыне! О, когда бы я так мог молиться! «Матерь Божия!» —помолилось за нее мое сердце, —«сотвори ей по вере ее!»

При выходе из храма северными вратами, у иконы «Споручницы грешных» мы опять встретили незнакомку. В руках у нея была просфора. «Вы не Сергей ли Александрович Нилус?» —обратилась она ко мне с застенчивой улыбкой. —«Да… с кем имею честь?»

Оказалось, что это была та, которая мне в Январе писала из Тамбова (Серафима Николаевна Вишневская). Это и была Вера с 5-летним сыном Сережей, которых мы сегодня провожали из Оптиной.

На этой христолюбивой парочке стоит остановить свое внимание, воздать за любовь любовью, сохранить благодарной памятью их чистый образ, отсвечивающий зарями иного нездешнего света

«Сегодня, —сказала нам Вера, —мы с Сержиком поготовимся, чтобы завтра причаститься и пособороваться, а после соборования позвольте навестить вас. Теперь так отрадно и радостно найти людей по духу, так хочется отдохнуть от тягостных мирских впечатлений: не откажите нам в своем гостеприимстве!» И в какую же нам радость было это новое знакомство!..

В тот же день, когда у иконы «Споручницы грешных» мы познакомились с Верой, мы проходили с женой мимо заветных могил великих Оптинских старцев и, по обычаю, зашли им поклониться. Входим в часовенку над могилкой Старца Амвросия и застаем Веру и ее Сережу: Сережа выставил свои ручонки вперед, ладошки кверху и говорит: «Батюшка Амвросий, благослови!». В эту минуту мать ребенка нас заметила… «Это Тут мы с моим Сержиком так привыкли: ведь, батюшка-то Амвросий жив и невидимо здесь с нами присутствует — так надо же и благословения у него испросить, как у иеромонаха!» Я едва удержал слезы… На другой день я заходил к батюшке О. Анатолию в то время, когда он соборовал Веру съея мальчиком. Кроме них соборовалось еще душ двенадцатьБожьих рабов разного звания исостояния, собравшихся в Оптину с разных концов России. Надо было видеть, с какой серьезной сосредоточенной важностью пятилетний ребенок относился к таинству Елеосвящения!Воть так благодатные матери от молока своего начинают готовить душу дитяти к Царству Небесному! Не так ли благочестивые бояре Кирилл и Мария воспитывали душу того, кого Господь поставил светильником всея России, столпом Православия, —Преподобного Сергия?..

«Когда я бываю беременна, — говорила нам впоследствии по этому поводу Вера, —я часто причащаюсь и молюсь тому угоднику, чье имя мне хотелось бы дать будущему своему ребенку, если он родится его пола. На четвертый день Рождества 1905 года у меня скончался первенец мой, Николай, родившийся в субботу на Пасхе 1900 года. Когда я его носила еще под сердцем, - я молилась дивному Святителю Николаю, прося его принять под свое

покровительство моего ребенка. Родился мальчик и был назван в честь Святителя. Вот этот, Сержик, родился на первый день Рождества Христова, в 1903 году. О нем я молилась Преподобному Сергию… С ним у меня произошло много странного по его рождении и, пожалуй, даже знаменательнаго. Родился он на восьмом месяце беременности. Крестины из-за его крестного пришлось отложить до Крещения Господня, обряд воцерковления пришелся на Сретение. И с именем его у меня произошло тоже нечто необычное, чего с другими моими детьми не бывало. Молилась я о нем Преподобному Сергию, а при молитве, когда меня батюшка спросил, какое бы я желала дать ребенку имя, у меня мысли раздвоились, и я ответила: «Скажу при крещении».

А произошло это оттого, что в том году состоялось прославление св. мощей преподобного Серафима, которому я всегда очень веровала. К могилке его я еще девушкой ходила пешком в Саров из своего города. А тут еще и первое движение ребенка я почувствовала в себе, как раз во время всенощной под 19-ое июля. И было мне все это в недоумение, и не знала я, как быть: назвать ли его Сергием, как ранее хотьла, или же Серафимом? Стала я молиться, чтобы Господь открыл мне Свою волю: и в ночь под Крещение, когда были назначены крестины, я увидела сон, что, будто, я с моим новорожденным поехала в Троице-Сергиеву Лавру. Из этого я поняла, что Господу угодно дать моему мальчику имя преподобного Сергия. Это меня успокоило, тем более, что и батюшка Преп. Серафим очень любил великого этого Угодника Божия, и с его иконочкой и сам-то был во гроб положен...»

Я внимал этим милым речам, журчащим тихим ручейком живой воды святой детской веры, и в сердце моем стучались глаголы великого обетования Господня святой Его Церкви: «И врата адова не одолеют ее!». Не одолеют! Истинно, не одолеют, если даже и в такое, как наше, время у Церкви Божией могуть быть еще подобные чада. И опять полилась вдохновенная речь Веры. «Вам понравился мой Сержик? Что бы сказали Вы, если бы видели моего покойного Колю! Тот еще и на земле был уже небожитель... Уложила я как-то Колюсика своего спать вместе с детишками. Было около восьми часов вечера. Слышу, зовет он меня из спальни. «Что тебе, деточка?» —спрашиваю. А он сидит в своей кроватке и восторженно мне шепчет: «Мамочка моя, мамочка! Посмотри-ка, сколько тут Ангелов летает». —«Что ты, » — говорю, —«Колюсик! Где ты их видишь?» А у самой сердце так ходуном и ходит. «Да всюду, — шепчет, —мамочка, они кругом летают... Они мне сейчас головку помазали. Пощупай мою головку— видишь, она помазана!» Я ощупала головку: темечко мокрое, а вся головка сухая. Подумала, не бредит ли ребенок? Нет!жару нет, глазенки спокойные, радостные, но нелихорадочные: здоровенький, веселехонький, улыбается... Попробовала головки других детей—у всех сухонькие, и спят себе детки, не просыпаются. А он мне говорит: «Да как же ты, мамочка, не видишь Ангелов? Их тут так много... У меня, мамочка, и Спаситель сидел на постельке и говорилъсо мною». О чем говорил Господь ребенку, я не знаю. Или я не слыхал ничего об этом от рабы Божией Веры, или слышал, да не удержал в памяти: немудрено было захлебнуться в этом потоке нахлынувшей на нас живой веры, чудес ее, нарушивших, казалось, грань между земным и небесным... «Колюсик и смерть свою мне предсказал», — продолжала Вера, радуясь, что может излить свое сердце людям, внимающим ей открытой душой—«умер он на четвертый деньРождества Христова, а о своей смерти сказал мне в Сёнтябре. Подошел ко мне как-то раз мой мальчик да и говорит ни с того ни с сего: «Мамочка! Я скоро от Вас уйду». —«Куда, » —спрашиваю, —«деточка?» —«К Богу». —«Как же это будет? Кто тебе сказал об этом?» —«Я умру, мамочка!—сказал он, ласкаясь ко мне, —только вы, пожалуйста, не плачьте: я буду с Ангелами, и мне там очень хорошо будет». Сердце мое упало, но я сейчас же себя успокоила: можно ли, мол, придавать такое значение словам ребенка?! Но нет! Прошло немного времени, мой Колюсик опять среди игры ни с того ни с сего подходит, смотрю, ко мне и опять заводит речь о своей смерти, уговаривая меня не плакать, когда он умрет... «Мне там будет так хорошо, так хорошо, дорогая моя мамочка - все твердил, утешая меня, мой мальчик. И сколько я ни спрашивала его, откуда у него такие мысли и кто ему сказал об этом, он мне ответа не дал, как-то особенно искусно уклоняясь от этих вопросов...

Не об этом ли и говорил Спаситель маленькому Коле, когда у детской кроватки его летали небесные Ангелы?.. «А какой удивительный был этот ребенок, —продолжала Вера, —судите хотя бы по такому случаю. В нашем доме делал старик-плотник ворота и повредил себе нечаянно топором палец. Старец прибежал на кухню, где я была в то время, показывает мне свой палец, а кровь из него так и течет ручьем. В кухне был и Коля. Увидал он окровавленный палец плотника и с громким плачем кинулся бежать в столовую к иконе Пресвятой Троицы. Упал он на коленки перед иконою и, захлебываясь от слез, стал молиться: «Пресвятая Троица, исцели пальчик плотнику!» На эту молитву с плотником мы вошли в столовую, а Коля, не оглядываясь на нас, весь ушедший в молитву, продолжал со слезами твердить свое: «Пресвятая

Троица, исцели пальчик плотнику!» Я пошла за лекарством и за перевязкой, а плотник остался в столовой. Возвращаюсь и вижу. Колюсик уже слазил в лампадку за маслом и масломъот иконы помазывает рану, а старик-плотник доверчиво держит перед ним свою пораненную руку и плачет оть умиления, приговаривая: «И что ж это за ребенок, что это за ребенок!» Я, думая, что он плачет от боли, говорю «Чего ты, старик, плачешь? На войне был, не плакал, а тут плачешь!» —«Ваш», —говорит, — «ребенок хоть кремень и тот заставит плакать!» И что же вы думаете? Ведь остановилось сразу кровотечение, и рана зажила без лекарств, с одной перевязки. Таков был общий любимец, мой Колюсик, дорогой несравненный мой мальчик…
Перед Рождеством мой отчим, а его крестный, выпросил его у меня погостить в свою деревню. Коля был его любимец, и эта поездка стала для ребенка роковой: он там заболел скарлатиной и умер. О болезни Коли я получила известие через нарочного (тогда были повсеместные забастовки и посланной телеграммы мне не доставили, и я елва за сутки до его смерти успела застать в живых мое сокровище. Когда я с мужем приехала в деревню к отчиму, тоКолю застала еще бодреньким, скарлатина, казалось, прошла, и никому из нас в голову не приходило, что уже на счету последние часы ребенка. Заказали мы служить молебен о его выздоровлении. Когда его служили, Коля усердно молился сам и все просил давать ему целовать иконы. После молебна он чувствовал себя настолько хорошо, что священник не стал его причащать, несмотря на мою просьбу, говоря, что он здоров и причащать его нет надобности. Все мы повеселели. Кое-кто, закусив после молебна, лег отдыхать, заснул и мой муж. Я сидела у постельки Коли, далекая от мысли, что уже наступают последния егоминуты. Вдруг он мне говорит: «Мамочка, когда я умру, вы меня обнесите вокруг церкви…» —«Что ты», —говорю, —«Бог с тобой, деточка! Мы еще с тобой, Бог дасть, живы будем». —«И крестный скоро после меня пойдет за мной, » —продолжал, не слушая моего возражения, Коля. Потом, помолчав немного, и говорит: «Мамочка, прости меня». —«За что», — говорю, — «простить тебя, деточка?» —«За все за все прости, меня, мамочка!» —«Богь тебя простит, Колюсик», —отвечаю ему. —«Ты меня прости: я строга бывала с тобою». Так говорю, а у самой и мысли нет, что это мое последнее прощание с умирающим РЕБЕНКОМ Нет», —возражает Коля, — «мне тебя не за что прощать. За все, за все благодарю тебя, миленькая мамочка!» Тут мне что-то жутко стало, я побудила мужа. «Вставай», —говорю, —Колюсик, кажется, умирает!» —«Что ты», —отвечает муж, —«ему лучше—он спит».
Коля в то время лежал с закрытыми глазами. На слова мужа он открыл глаза и с радостной улыбкой сказал: «Нет, я не сплю—я умираю. Молитесь за меня!» И стал молиться и креститься сам: «Пресвятая Троица, Спаси меня! Святитель Николай, Преподобный Сергий, Преподобный Серафим, молитесь за меня!.. Крестите меня! Помажьте меня маслицем! Молитесь за меня все!» И с этими словами кончилась на земле жизнь моего дорогого ненаглядного мальчика: личико расцветились улыбкой, и он умер. - И в первый раз возмутилось мое сердце едва не до ропота. Так было велико мое горе, что я и у постельки его, и у гробика не хотела мысли допустить, чтобы Господь решился отнять у меня мое сокровище. Я просила, настойчиво просила, почти требовала, чтобы Он, Которому все возможно, оживил моего ребенка; я не могла примириться с тем, что Господь может не пожелать исполнить по моей молитве. Накануне погребения, видя, что тело моего ребенка продолжает, несмотря на мои горячия молитвы, оставаться бездыханным, я было дошла до отчаяния. И вдру у изголовья гробика, где я стояла в тяжелом раздумьи, меня потянуло взять Евангелие и прочитать в нем первое, что откроется. И открылся мне 16-ый стих 18-ой главы Евангелия от Луки, и в нем я прочла: «… Пустите детей приходить ко Мне, и не возбраняйте им, ибо таковых есть Царствие Божие».
Для меня эти слова были ответом на мою скорбь Самого Спасителя и они мгновенно смирили мое сердце: я покорилась Божией воле.
При погребении тела Колюсика исполнилось его слово: у церкви намело большие сугробы снега, и чтобы гробик пронести на паперть, его надо было обнести кругом всей церкви. Это было мне и в знамение, и в радость. Но когда моего мальчика закопали в мерзлую землю, и на его могилку лег холодный покров суровой зимы, тогда вновь великой тоской затосковало мое

сердце, и вновь я стала вымаливать у Господа своего сына, не зная покоя душе своей ни днем, ни ночью, все выпрашивая отдать мне мое утешение. К сороковому дню я готовилась быть причастницей Святых Таин и тут в безумии своем дошла до того, что стала требовать от Бога чуда воскрешения. И вот, на сороковой день я увидела своего Колю во сне как живого. Пришел он ко мне светленький и радостный, озаренный каким-то сиянием и три раза сказал мне: «Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя! Мамочка, нельзя!» —«Отчего нельзя?» —воскликнула я с отчаянием. «Не надо этого, не проси этого, мамочка!» —«Да почему же?» —«Ах, мамочка!—ответил мне Коля, —ты бы и сама не подумала просить об этом, если бы только знала, как хорошо мне там, у Бога. Там лучше, там несравненно лучше, дорогая моя мамочка!» Я проснулась, и с этого сна все горе мое как рукой сняло.

Прошло три месяца, исполнилось и второе слово моего Коли: за ним в обители Царя Небесного следом ушел к Богу и его крестный». Много мне рассказывала дивного из своей жизни раба Божия Вера, но не все поведать можно даже и запискам: живы еще люди, которых может задеть мое слово… В молчании еще никто не раскаивался, помолчим на этот раз лучше!.. Пошел я провожать Веру с ее Сержиком через наш сад по направлению к монастырской больнице. Это было в день их отъезда из Оптиной. Смотрю: идет к нам навстречу один из наиболее почетных наших старцев, отец А., живущий на покое в больнице. Подошли мы под его благословение, протянул и Сержик свои ручонки… «Благослови», —говорит, — «батюшка!» А тот сам взял да низехонько, касаясь старческой своей рукой земли, и поклонился в пояс Сержику… «Нет», — возразил старец, —«ты сам сперва благослови!» И к общему удивлению, ребенок начал складывать свою ручку в именословное перстосложение и иерейским благословением благословил старца. Что-то выйдет из этого мальчика»?

39. Конец

В Москве я не имела права поселиться и устроилась в г. Можайске, за 100 километров. Я имела комнатку, делала цветы и ездила в Москву продавать на базаре. Других средств к существованию у меня не было. Я ездила к сестре, которая признавала Сергианскую церковь и потому не была арестована, и у ней жила иногда тайно по две недели, платя дворнику, чтоб скрывал мое присутствие.

Узнали очень скоро о существовании тайных Иосифлянских церквей, т. е. не церквей, а богослужений в тайных комнатах, где собирались иногда по 20-25 человек. Служение шло шепотом, со строгим контролем молящихся ввиду возможности предательства. Приходили обычно на рассвете по условному знаку. Большею частью осторожно стучали в водосточную трубу у окна, где кто-нибудь стоял, прислушиваясь. Старый монах-священник самоотверженно ездил всюду, куда его звали и даже в больницах умудрял Господь его приобщать больных. Сидя около них, как посетитель, он исповедовал, а затем, как бы подавая лекарство и питье, приобщал.

Так шла жизнь. Москва была для меня совсем чужая. Меня привезли туда родители месячным ребенком. Я родилась в имении бабушки на Дону, но жизнь до 25-летнего возраста провела в Москве. Как и все москвичи, я любила ее, и как хороша, как самобытна была она, красива своей стариной: тысячами церквей, блестевших золотыми куполами, зданиями разных архитектур, дворцами, памятниками, часовнями с чудотворными Иконами, как Иверской Божьей Матери и других, монастырями, кремлем с его историческими соборами, полными необычайными святынями. И что же теперь? Перед Вами безобразные многоэтажные дома еврейского стиля в виде прямолинейных коробок, с массой узких окон, ни часовень, ни церквей, кроме нескольких, оставленных на лживый показ. В кремле купола не сияют, как солнышки, они стоят мрачные, черные. Кто говорит, что сняты позолоченные листы, а кто считает, что на опустошенных соборах, где мерзость запустения, купола сами почернели. Нет Чудова монастыря, нет Вознесенского женского монастыря в Кремле. В городе снесены все монастыри, уничтожены памятники, нет Триумфальных ворот, неть Красных, нет Сухаревой

башни, что тоже составляло красу Москвы. Над городом стоить мгла оть фабрик, на улицах почти все евреи, разодетые в дорогие меха, и коммунисты. Если встретится оборванный и с опущенной головой интеллигентный прохожий, то можно с уверенностью сказать, что это из бывшего дворянского высшего или купеческого сословия, по каким-либо причинам уцелевший. Что страшней всего, это музыка интернационала на Спасской башне у Святых ворот в Москве, вместо чудной молитвы «Коль славен наш Господь в Сионе». Над дворцом, где живеть Сталин в Кремле, горит как бы громадный адский огонь. Посредине дворца в крыше—резервуар, не видный с улицы: в нем гигантский спрятанный электрический светь, который снизу освещает целый лес, на длинных древках, красных ярких шелковых флагов, которые, развеваясь от ветра, дають полную иллюзию огня.
Вместо Храма Христа Спасителя возвышается каркас строящегося дворца советов. Как было в газетах, на вопрос какого-то иностранца: «Вы строите новую Вавилонскую башню?» Сталин этветил: «Да, только разница в том, что ветхозаветная башня рухнула, а для моей нет силы, которая могла бы ее сокрушить. Я знаю от строителей инженеров, что главная заслуга постройки, если дворец будеть закончен, принадлежит не Сталину, а Америке. Когда советские инженеры клали глубочайший фундамент, то два раза его смывала подпочвенная вода из Москвы-реки. Тогда были приглашены американские инженеры, которые заложили фундамент на круглых подушках. Я, конечно, ничего в этом не понимаю, но так слышала от инженеров. Здание должно было быть так высоко, что фигура Ленина была быть выше облаков. В момент моего расставания с Москвой шел разговор о том, что нужно было что-то менять в архитектуре, т. к. статуя могла не выдержать магнитных бурь. Замысел сатанинской гордости. У Ленина, как на всех статуях, выдвинут вперед указательный палец, то в этом пальце предполагалось несколько комнать, а в другой руке—фонарь, освещающий на 100 километров окрестность. Все здания на большое расстояние должны были быть снесены, между прочим, и старинный, так называемый «Княжий двор», а Музей Александра Ш-го, это громадное мраморное здание с грузными по весу, но красивыми колоннами, должно было быть целиком откатано вглубь на много метров.
В смысле снабжения продовольствием и другими необходимыми предметами населения Москвы и других городов по всему пространству России дело обстояло так: для коммунистов было всего в изобилии. Роскошные выставки (конечно, не такие, как в благословенное царское время) в магазинах, так называемых «закрытых распределителях», только соблазняли всех тех, кто не имел права входа в них. Двери двух магазинов рядом: из одних выходят евреи и партийные, как военные, так и штатские, вынося пакеты самых отборных закусок и фруктов, да вообще всего, чего им нужно, выходят в кожаных куртках с откормленными самодовольными лицами. У другой двери бесконечная очередь за порцией хлеба озлобленных людей, которым приходилось стоять не один час.
Когда начались слухи о возможной войне с Германией, то предусмотрительная власть советов, начиная с 1939 г. стала понемногу выбрасывать кое-что и для пасынков, а в 1940 и 1941 г. можно было иметь и по 3 р. 50 к. до 60 р. сколько хочешь сладостей в каждом магазине по кило или полкило. И те, что были 3 р. 50 к. из сои, были очень сладки и неплохи. Можно было купить по 100 гр. масла, простояв у нескольких магазинов в очереди. До этого в очередях доходило не только до драк, а нередко до убийства, если кто-нибудь хотел пройти вперед. Не раз убивали камнем или бутылкой по виску. Евреи в очереди никогда не стояли, v них все было дома, и они продавали у себя не открыто. По улицам ходить страшно. Такое воровство, такие разбои, о которых и не слыхано, думаю, ни в одной стране. Подрежут сумку бритвой или карман и все вытащат так ловко, что и не почувствуешь. Если вы видите, что у кого-нибудь крадут, сказать не можете. Вас в лучшем случае, если не убьють через день-два сообщники воровских шаек, то изуродуют.
Я знаю факт, когда неосторожная девушка крикнула: «Гражданин, у вас из кармана тянут». Не прошла она нескольких шагов, как мальчишка лет 16-ти бритвой срезал ей нос и скрылся. Бывало, если боишься чего-нибудь и увидишь царского солдата, то чувствуешь опору и защиту,

но в советах, если Вы одна на улице и идет красноармеец, то быстро, кто верит, твори молитву, а неверующий от страху замечется, чтоб скрыться. Пусть опровергает, кто хочет, а это истинная правда. Итак, я жила в Можайске тихо, почти никого не видя и ездила в Москву. Б 1940 году я была У Пасхальной заутрени на тайном богослужении. Вернувшись к сестре после литургии, нахожу повестку: «Обязательное присутствие в Можайгком финансовом отделе в воскресенье до обеда, для дачи отчетности в производстве цветов и уплаты налогов». Пришлось с первым же поездом вернуться в Можайск. Пришла, показываю повестку. «Можете идти, сегодня не будет разбираться Ваше дело». Это было просто желание испортить мне Праздник. Вернувшись в тот же день в Москву, я предалась большой грусти, и зспомнилась мне моя уютная гостиная в Ярославле и музыка Мусоргского «Ведьмы на Лысой горе». Часто играла я эту прекрасную вещь с мужем или: старшим сыном в четыре руки. Кто знает эту музыку, тот помнит, наверное, как под Киевом в полночное время бушевала нечистая сила, такая реальность чувствовалас в звуках, что в воображении под свист и рев беснования представлялись летающие ведьмы, стукались друг о друга черные рога и в пляске вертелись хвосты. Но вот в самый разгар торжества темной силы над Киевом (при появлении зари в виде розоватой полоски на востоке) раздается мощный удар церковного колокола к утрене. Заметались ведьмы, заметались врассыпную с визгом нечистые, страшные звуки затихают. В божественной тишине зарождающегося утра мерно раздаются удар за ударом, уже звуки колоколов не в одной, а многих церквах и святых монастырях. Чудно передал Мусоргский всю картину победы молитвы над адом. Флейта пастуха, блеяние овец, пениептиц встрепенувшихся навстречу солнцу, все это было реально чудесно в звуках. В голове моей зародилось сравнение, не пророчество ли это было в музыкальном гении Мусоргского? Может, раздастся над Москвой при восходящей заре покаяния мощный удар Ивана Великого (говорят, что величина и тяжесть этого колокола помешали его снять). Исиуганная властными его звуками, заставляющими дрожать землю, вся нечистая антихристова сила рассеется и скроется в преисподней от трепета перед Грозным Всемогуществом Божиим, сказавшем в звуке колокола «довольно». На Спасских воротах часы заиграют «Коль Славен», и вместо адского огня над дворцом будет развеваться трехцветный русский флаг. Унеслась в эти фантазии на минуту. Страшная действительность власти ГПУ пробудила сознание. Никто не знает ни дня, ни часа, еще не время! И надо терпеть.

Так прошло три года с лишним. Гонение на верующих не только не затихали, а наоборот принимали все более жестокий характер ввиду слухов о войне. Где бы кто ни собрался, только и разговору о новых мучениях. Сыну одной женщины в Можайске, посаженному в тюрьму, совершенно невиновному в каком-то преступлении, в течение нескольких месяцев вырывали понемногу волосы, чтоб заставить сознаться. Волосы были очень густые вьющиеся. Когда вернулся домой, то был совершенно лысый. Его отпустили, т. к. преступник нашелся. Ужасный, безчеловечный прием стали применять при допросах в ГПУ. Приводили маленьких или даже больших детей, если кто не мог сознаться будучи невиновен в обвинении, и на глазах матери или отца начинали мучить детей. О происходящих тут драмах говорить не стоит, само собой понятно. Родители принимали на себя какие угодно обвинения. Скрытая ненависть к Сталину и коммунистам, конечно, была у значительного большинства населения, но страх, страх, непередаваемый никакими словами, приводил даже, казалось, и сильных духом людей к малодушию. Многие при допросах отрекались даже от веры въБога. Мне приходилось не раз слышать, как несчастные оправдывались тем, что они отрекались только на словах и бумаге, ав душе они веруют. Спаситель сказал: «Кто отречется от Меня перед людьми, от того и Я отрекусь перед Отцем Моим». Тому, кто испытал и видел кошмарные ужасы в советской России, невозможно осудить таких людей. Не всякий имеет силу принять мученичество, и, конечно, тогда человек кается и уповает на Милосердие Божие в прощении, но, чтоб спасти себя от преследования, посещает лживые богослужения в церквах, духовенство которых само неверить в существующую там благодать, иначе немогло бы быть допуЩено самое страшное кощунствов Таинстве Причащения. Священникам вменено в обязанность иметь всегда две

лжицы: одну для здоровых, другую для больных во избежании заразы. За эти годы ничего особенного со мной не произошло, о чем можно бы написать, кроме картины свободных выборов. За месяц на всех домах, улицах, магазинах, столбах, киосках и т. д. расклеивались плакаты, где большими буквами значилось: «Голосуйте за Сталина». Горе мое в потере детей было слишком велико, и сама смерть не была так страшна, как когда они были со мной. Я решила, что не пойду. Хозяева моей комнатки умоляли пойти, т. к. они отвечали бы арестом за то, что сдавали комнату контрреволюционерке и не донесли. Я всю ночь не могла заснуть накануне выборов от внутреннего разлада. Я знала мнение высокодуховных лиц, что это есть насильственное принуждение властей, которому приходится подчиняться, как и многому другому, и они подчинялись. Никакое рабство в мире не сравнить с большевистским рабством. Ночь была сильно морозная и бушевала безпросветная метель. Еще было совсем темно, когда в мое окошко резко застучали со словами «отворите». Я еще не вставала, и отворила хозяйка. Без дальных слов ко мне вошло двое комсомольцев и комсомолка. Велели мне при себе одеться и повели. на улицу, где стояли сани. Посадили и привезли в здание выборов. За большим столом, украшенным лавровыми деревьями и по средине двумя бюстами Ленина и Сталина, сидело несколько коммунистов со списками по буквам ибыло несколько урн. Меня отметили на листе и дали конверт со вложенной бумагой и сказали: «Заклейте и бросьте в указанную урну». Конверты подали в последовательном порядке. Если кто-нибудь интересовался содержанием бумажки, то мог пройти в кабинку и там за тонкой занавеской вырисовывался силуэт спрятанного агента. Это истинная правда!

Люди, не пришедшие или написавшие другое имя, иногда непосредственно, а иногда через короткий срок арестовывались.

Кончая свои воспоминания, могу дать еще некоторые интересные данные о личности Сталина и возмутительных фактах. Недвижимая собственность, прекрасные здания во всех городах России, отнималась у владелыдев и поступала в дар за заслуги перед властью в собственность коммунистам. Приведу один факт и его довольно. В Москве на Воздвиженке был дом богатейших купцов Морозовых. Это был роскошный дворец. Его получил в награду за заслуги Горький. На воротах сняли вывеску Морозова и вывесили Горького. Во всех газетах, начиная с «Правды», было объявлено об этом подарке Сталина.

На второй остановке от Москвы по Смоленской ж. д. станция «Кунцево», в нескольких верстах от нее, по щучьему велению и по хотению антихристовых слугь, возводились колоссальных стоимостей дворцы, летния увеселительные резиденции Сталина, Ворошилова, Буденного и т. д. К этим дворцам шло шоссе, на которое никто не имел права вступить. На всем протяжении (верст 25) стояла полиция ГПУ. Устраивались оргии и балы, где, во время общего резкого недоедания усыпанные бриллиантами и драгоценнейшими камнями, упиваясь шампанским, дорогими винами и самыми изысканными закусками, ужинами и фруктами, подвизались советские женщины.

Когда Сталин выезжал около 6-7-ми часов из Кремля, то на всем протяжении его проезда останавливалось движение. Массы полицейских заставляли всех сворачивать в другия улицы, Сталин мчался с быстротой молнии по пустой Арбатской улице и дальше. Спереди ехал автомобиль, где из страха перед покушением предусмотрительно ехал загримированный Сталиным, а на втором автомобиле—он, или в рыжем парике, или с белой большой бородой и усами.

Все это знали, но и шепотом боялись об этом говорить. Придет и на него суд, как на царя Антиоха из книги «Маккавеев» в Библии. Мы, многие приехавшие в последние годы, удивляемся, что заграницей почти никто не знает правды о смерти Ленина и его мумии по смерти. Он разложился при жизни. Это было что-то ужасное, явная кара Божия. Когда его с большими трудностями все же набальзамировали и положили в мавзолее на Красной Площади, то он провалился вместе с гробом и исчез. Мавзолей был выстроен над канализацией Кремля, куда он и провалился в нечистоты, и его нашли за много сажень от него. Теперь лежит восковая фигура, почему все желающие побывать в мавзолее, как последователи, так и

любопытные должны проходить быстрым шагом, не смея приостановиться. Инженеров, строивших мавзолей, судили (негласно) и всех расстреляли, обвинив в умышленном преступлении. Факт исторический.
В конце 1940 г. и начале 1941 г. стали ходить упорные слухи о войне с Германией. Со дня вступления немецких войск через границу в Москву въезд запретили исключительно всем, кроме партийных и ГПУ. Я пыталась просить права на приезд к сестре, но мне его не дали. Я осталась в Можайске. Описывать военные события—не моя цель, скажу только истину о том, что по распоряжению Сталина при приближении наступления города поджигались бегающими в безумной панике комсомольцами, с керосиновыми бидонами в руках. Никаких немцев еще не было, когда бушевало пламя огня со всех сторон. За два дня до прихода немцев в Бородино сожжен был, или, вернее, изуродован вконец, т. к. не весь рухнул, исторический Можайский собор. Когда немцы заняли Бородино, то было приказано уходить в тыл. Я стояла в раздумьи на крыльце дома. По городу масса арестов и всех, кого подозревали в сочувствии немцам, тут же, отведя немного на окраину города, расстреливали. Красная армия отступала в панике. Пробегая мимо меня, остановился на мгновение незнакомый мне человек и быстро сказал: «Гражданка Урусова, если имете возможность, то немедленно скройтесь. Вы в списке приговоренных, и вас сейчас арестуют». Стоявшая со мной соседка сказала мне: «Знаете ли кто это? Это ГПУ, я его лично знаю».
Я взяла узелочек и быстро через сады и огороды ушла за город в деревню, лежащую на окраине, где меня приютила семья знакомого мне крестьянина. Сутки провели в вырытой, покрытой досками и травой, яме. Бой был короткий. Через 24 часа утром немцы заняли Можайск.
Тяжелый камень, давивший сознание, что Россия подпадает под власть иностранной державы, в то утро все же как бы свалился с плеч; у меня, у всех, любящих свою дорогую родину Россию, вырвался вздох освобождения от адской жизни.
В победу Сталина тогда не верили. Немцы под Москвой. Через три дня займут ее и освободят замученных, кто еще жив, из лагерей севера и Сибири, и из страшной Лубянской тюрьмы. Немцев встречали, бросаясь на колени, поднимая руки к небу, благодаря Бога. Люди рыдали и поздравляли друг друга. Это был непередаваемый подъем радости.
При отступлении немцы увозили беженцев, я была среди них, я оставляла за собой все дорогое на земле. По приезде в Германию, я стала хлопотать о разрешении поездки во Францию, к единственному оставшемуся сыну, старшему Сергею, но разрешения не получила. Я уехала в Моравию, а оттуда в Прагу. Перед приходом большевиков уехала в Кемптен в надежде вскоре попасть к Американцам, что и оправдалось всего через несколько дней.
В бытность в Праге пришлось мне узнать еще об одном приеме мучений, о котором не слыхала в СССР. Там была женщина, уже не молодая, сибирячка, дочь богатых рыбопромышленников. Ей удалось бежать из лагеря Сибири, скрывалась по лесам и ночью пробиралась на югь.
Под Сталинградом попала к немцам и с ними приехала в Европу. На спине у нея, между лопатками на хребте, глубокий шрам, отпечаток трехъвершковой пятиконечной выжженной звезды, и на голове бесформенный, тоже глубокий шрам, отчего она теряет иногда способность говорить. В этом лагере всех клеймили раскаленной добела железной формой. Эту Елизавету очень хорошо знали все прихожане Николаевской церкви, и у Епископа Сергия [Пражского] она бывала, и он ее знает, и знает ее шрамы.
Сейчас 1947 г., осенью 10 лет, как я рассталась с двумя младшими сыновьями. Две младших дочери, если живы, то где-то в России. Мужья их в ссылке. Старший сын умирает в больнице Парижа. Вот краткая история моей жизни с 1917-го года, по 1947 год.
Цель моих воспоминаний не была желанием поделиться своими печалями. посланными мне в испытание Господом Богом. Как я писалр, видела я и много радостей во взаимной любви моей детям и их ко мне, и много чудесных Милостей Божиих. Я хотела в последовательном описании своих переживаний за 30 лет обнажить правду о большевиках тем, кто ее не знает или ослеплен пропагандной неправдой о ней. 1946 г. Декабрь. Узнала о том, что при

отступлении немцев из-под Сталинграда за ними шел поезд в несколько тысяч беженцев сопровождаемый ими. Поезд на мосту реки Воронеже был взорван налетом большевиков рухнул в воду. Погибли все до одного, и там, каке мне сказали, должна была быть моя дочь с моим внуком 12-ти лет. 1947 г. В августе скончался в Париже мой старший сын Сергей. На все просьбы пустить меня только проститься и увидеть его, после 29-ти лет разлуки, французское консульство дало отказ.

Наталия Владимировна Урусова
N. V., Свято-Серафимовский
старческий дом. 1953